

Валерий Столыпин

Сборник рассказов

*Из снов
Некромолий
Невинность*

Человек - существо азартное

Не каждый способен отказаться от соблазна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Столыпин

И снов нескромная невинность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67104066

SelfPub; 2022

Аннотация

Человек – существо азартное. Не каждый способен отказаться от соблазна. В моменты эмоционального взрыва, когда душа страдает, маятся, предельно просто стать врагами или наоборот – близкими, стоит лишь руку протянуть: исповедаться, проникнуться чужой болью, разрешить себе быть хоть на короткое время самим собой. Любовь приходит и уходит, а мы остаёмся жить, несмотря ни на что. Интимные отношения – самая ранимая и болезненная, самая чувствительная и деликатная сторона жизни каждого. Малейшая ошибка – и сломана судьба. Хорошо, если одна. Сколько людей на Земле – столько и сценариев любви. У всех она разная.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

И снов нескромная невинность	4
Если бы вы знали	20
Пьяные танцы	53
Дай бог каждому	62
Стричься будем?	74
О, женщины!	97
Нужное направление	110
Особая миссия	117
Течёт река, прекрасная река	137
Как обидно что всё в этом мире не так!	161
Первая любовь и старомодная скромность	184
Даст или не даст?	213
Её учителя	240
Сюрприз!	250
Эх, прокачу!	277
Доверяй, но проверяй	285
Букет эмоций	302
В плену у случайностей	323

Валерий Столыпин

И снов нескромная невинность

И снов нескромная невинность

Счастье – что оно? Та же птица:

Упустишь и не поймаешь.

А в клетке ему томиться

Тожe ведь не годится,

Трудно с ним. Понимаешь?

Я его не запру безжалостно,

Крыльев не искалечу.

Улетаешь?

Лети пожалуйста...

Вероника Тушинова

Ленка, моя Ленка! Её присутствие насыщало атмосферу терпким запахом грешных мыслей, сверкающих электрическими разрядами с эффектом гало на налитых влекущим могуществом соблазнительно рельефных упругих выпуклостях, которые были будто намеренно выставлены напоказ.

Чтобы понравиться именно мне.

Конечно, я так не думал, это было совсем не так, но справиться с вожделением уже было невозможно: наши отношения, продолжительное время курсирующие в фарватере невинных платонических чувств, предполагающих беседы, прогулки, изредка поцелуи, зашли в глухой тупик.

Не знаю, чего хотела Ленка, как представляла себе динамику доверительной близости: я держал в уме, усиленно фантазируя, единственно возможный вариант, в котором секреты и интимные тайны между юношей и девушкой перестают существовать: если любишь – всё должно быть повзрослому, включая семью.

Её изумлённо расширенные, то ли испуганные, то ли застывшие в восторге удивительно серые бездонные глаза поз-

воляли с лёгкостью необыкновенной заглядывать в глубину целомудренно-бесхитростной души – девственной и чистой, как вода в лесном роднике.

И это не метафора, даже не гипербола, это реальное положение вещей.

Но время не стоит на месте, оно динамично: после любого первого шага обязательно последует второй, даже если намерен стоять как отшельник-столпник на пяточке, размером с арбуз.

Я думал о своей девочке как о единственном в целом мире награде, думал всегда, даже ночами, особенно остро чувствуя потребность находиться рядом, когда смотрел на почти поспевший лунный диск, на рассыпанные в кромешной тьме мириады светлячков, до которых не дотянуться, не дотронуться.

Звёзды далеко, а Леночка рядом – только руку протяни. Но это тоже иллюзия, тоже обман: на неё можно было смотреть, вдыхать душистый ладан её волос, которые щёкотно лезли в нос, когда мы сидели впритирку; можно держать девочку за руки, дуть дурашливо на нос, прижиматься щекой, обнимать иногда за плечи.

Это всё. Всё, что дозволено, непонятно, когда и как навязанным этикетом.

Даже целовались мы лишь в воображении.

Нет-нет, я не был обижен, не чувствовал себя отверженным, просто хотел большего, хотел попробовать всё, чем могла удивить меня любимая. Я видел, чувствовал, знал, что запас девичьих тайн неиссякаем. Меня влекло любопытство и нечто большее, чего невозможно выразить словами.

Так было в восьмом классе, потом в девятом.

В десятом я окончательно почувствовал себя взрослым, хотя на фоне одноклассников, которые с лёгкостью необыкновенной рассуждали на не вполне этичные темы, обсуждая без стыда результаты интимных свиданий, выглядел щеглом, не умеющим летать.

У Леночки, как и у меня, не было друзей: на них не хватало времени. Мы всегда были вместе.

Разлука, даже на несколько часов, вгоняла меня в тоску, побуждала философствовать в негативном ключе: что, если не станет Леночки, допустим, нам необходимо по той или иной не зависящей от нас причине расстаться? Основания

не важны: её нет рядом. Этого достаточно, чтобы испытать муки одиночества. Зачем жить, если нет её?

Мы достаточно долго были вместе, усвоили толику бесценных уроков: научились целоваться, не отвлекаясь ни на что, по несколько часов кряду. Рассказывать детали не стану – каждый должен освоить эти навыки сам.

Казалось, что сделать это лучше меня никто не сможет.

Леночка была ненасытна и будто бы пьяна, я – чувствовал себя непревзойдённым любовником.

И вот мы вдвоём, на озере, где нет и не может быть никого, кроме нас. Короткое тундровое лето, недели две-три – не больше.

Мы переехали на мотоцикле через два болота и три Тармарки, глубокие, но узкие северные речки, в прозрачной воде которых плескались окуни, щуки и серебристые пелядки. Кричи – не кричи, никого, километров на двадцать, если не больше.

Ленка не понимала или делала вид, что не осознаёт, для чего мы здесь, что должно произойти в ближайшие несколько минут или часов, но ничему не препятствовала, словно

оцепенела или впала в прострацию.

Она была то ли в шоке, то ли в эйфории, требовала немедленно включить магнитолау, хулиганила, звала танцевать.

Неопытная. В тундре нельзя расслабляться, особенно в начале лета: считаешь до десяти и уже ночь.

Шучу, это было утро.

Несколько забросов спиннинга обеспечили нас ухой. Сухостой под рукой. Двухместную палатку мы поставили минут за десять, лагерь разбили играючи.

Солнце пекло неимоверно, даже заставило нас раздеться: не так, как могут представить себе жители юга или средней полосы – мы сняли лишь свитера и фуфайки. Одежда за полярным кругом многослойная даже при температуре в двадцать градусов тепла: специфика климата. Комаров и мошку никто не отменял.

Я знал, зачем приехал: у нас было три до безобразия романтических дня.

Я и она, она и я. Даже во сне мне не могла подобная фантазия явиться.

Невостребованное томление, нечто, о чём Леночка наверняка слышала, определённо знала из девичьих откровений, туго распирало обтягивающую её упругую грудь кофточку, выплёскивало волны неизведанного, загадочного возбуждения, отчего её лицо горело стыдливым румянцем. Подругу накрывала растерянность и робость, если случалось слишком пристально посмотреть мне в глаза, особенно когда этот взгляд нечаянно рассекречен. Я это чувствовал, видел.

Именно потому нервно смеялся. Смеялся просто так, чтобы подбодрить себя, чтобы купировать ненавистную робость. А ещё потому, что возбуждён и испуган был сверх всякой меры. Потому, что хотел целовать её везде, прикоснуться к самому-самому, хотел прижимать её настоящую, без покровов и тайн, поглаживать, где попало живую трепещущую плоть, не сдерживая себя, по вдохновению.

Хочу, хочу!

Хочу чувствовать всё-всё, что и она, даже больше, внутри и снаружи, когда моей руке позволено хозяйничать даже там, где нельзя, когда мы вместе как единое целое.

Хоть бы знак подала, что пора, что уже можно!

Три дня. У нас в запасе три бесконечных дня.

– Ленка, дурёха,– очнись, наконец! Ещё мгновение и ты уже ничего изменить не сможешь, – мысленно кричу я, опасаясь того, что девочка услышит мои мысли.

Уха выкипала, мы целовались.

Объяснять и выпрашивать не пришлось.

Раздевались по отдельности, по разные стороны от прибрежного кустика. В воду заходили, не глядя, как в игре, когда нужно с завязанными глазами срезать с ниточки приз.

Я держал пальцы крестиком, хотя презирал суеверия.

Моя Ленка. Моя, моя!

Мы стояли обнажённые, возбуждённые, растерянные, испуганные откровенным недоверием, тревожной настороженностью, напряжённым ожиданием то ли обретения, то ли потери чего-то весьма важного: ведь видели мы друг друга нагими впервые.

А ещё, ещё мы до жути боялись шелохнуться в холодной, как оказалось, до одури, до лихорадочного озноба воде, тряс-

лись мелкой дрожью – не то от холода, не то от предательски сковывающего волнения и не решались даже за руки взяться.

Я решился на подвиг первым: неуклюже обнял Ленку, ко-
жа которой покрылась тугими мурашками, несмело прижал,
боясь что-то сделать не так, несмотря на атакующую так
некстати стаю гудящих и жалящих комаров размером навер-
но со шмеля и залезающих во все щели вездесущих мошек.

Мне было невыносимо стыдно – я чувствовал каждой кле-
точкой её упругую грудь, но более того беспокоило набуха-
ющее нечто, упирающееся в её девственный животик. Я бо-
ялся, жутко боялся, что Леночка, что ей это не понравится
и тогда...

Время остановилось, как стоп-кадр в кино, картинка зри-
тельного восприятия медленно поплыла, заваливая гори-
зонт, перевернулась вверх ногами и замерла, мигая на одном
и том же кадре.

В голове гудела странная пустота. Мне стало тесно внутри
себя, по причине чего пришлось временно покинуть тело,
которое вело себя развязно, странно.

Знаете, так бывает, когда смотришь интересное захваты-
вающий триллер, в котором главный герой вот-вот совершит

роковой поступок, потому, что не знает, не может представить того, о чём осведомлён зритель.

Эмоции поднимаются на уровень солнечного сплетения, запирают дыхание, отключают сердечные ритмы, тело скывает вселенский, нездешний ужас.

Но, то в кино, которое по желанию можно смотреть или не смотреть. Реальная жизнь куда напряжённее и жёстче.

Сердце может внезапно замереть навсегда, запас кислорода иссякнуть, не успев напитать кровяные клетки, снабжающие мозг, который дирижирует симфонией жизни. И всё!

Всё!

Страшно!

Кое-что: замедленный, коверкающий реальность видеоряд, я воспринимал, чувствовал и слышал, но неразборчиво, смутно. Так бывает при сотрясении мозга: головокружение, высокочастотный шум в ушах, двоение в глазах, тошнота, странного характера сонливость, клубящиеся как дымовая завеса провалы в памяти. Шок!

Возможно, это нормально для первого до безобразия ин-

тимного прикосновения к любимой, первой желанной близости, только не для того, кто стоит на краю, кто не вполне готов нарушить священное табу.

Леночка, не просто девушка – любимая, единственная во Вселенной.

Когда туман рассеялся, подруга расслабленно лежала на покрывале в позе морской звезды и беззвучно плакала, но улыбалась при этом как умалишённая.

– Я люблю тебя, Лёничка, люблю, люблю, люблю! Только не бросай меня, пожалуйста, ладно!

– Как ты могла про меня такое подумать!

– Могла, Лёнька, могла. Ты был не в себе. Не в том смысле, что во мне. Мне показалось, что тебя со мной совсем не было, что это был какой-то не ты.

– Вот же я, с тобой! Не выдумывай. Это нервы. Я действительно улетел, реально провалился в бездонную пропасть, но это было так необыкновенно, так прекрасно, так здорово!

– И мне понравилось. Не сразу. Сначала я испугалась. Чуть не грохнулась в обморок, хотя была заранее готова

стать твоей женщиной.

– Правда! Ты на меня не сердишься?

– Дурашка. Честно говоря, это было не очень приятно. Не расстраивайся, я сказала – было. Теперь по-другому. Поцелуй меня. Я счастлива.

Леночка незаметно, как ей казалось, прикасалась рукой к тому замечательному месту, которое до сих пор откликалось ликованием, ритмично трепещущей пульсацией, волшебным праздничным настроением.

Сладкая истома ненасытно терзала, расплавляла потоками восхитительного блаженства её растревоженную плоть, наполняя до краёв чем-то прозрачным, хрупким, призрачно невесомым, расслабляющим, согревающим, обволакивающим-блаженным, лишаящим способности концентрироваться и думать. Было у неё мимолётное желание раствориться, растаять, немедленно уснуть. Было.

Об этом я узнал позже. Допускаю, что Леночка могла просто придумать подобное обоснование. Я-то вообще ничего не помнил.

– Ленка, – нечленораздельно мычал я, – ты такая, такая!

Ты самая лучшая!

От неё изумительно пахло чем-то необыкновенным, волнующим, настолько, что от этой острой приправы раскачивало, плавно, словно на ласково-тёплых морских волнах, кружило голову и приятно таяло где-то внизу.

Прежде её тело источало сладкий аромат утренней свежести, теперь появились изумительные пряные нотки южной ночи, разогревающие ненасытное желание.

Комары и мошки пировали на наших телах. Уху и чай пришлось разогревать повторно.

Ночь в это время года была под хмельком: забыла, что каждый вечер нужно опускать шторы, окутывать землю мраком: всему живому необходимо спать.

В палатке всё равно было темно, но я всё видел: налитые груди, изумительной формы животик, разбросанные по сторонам ноги, ещё больше чувствовал, что это навсегда.

Заснуть было невозможно. Мы дурачились, сливались в экстазе, засыпали на мгновение и снова ласкали друг друга.

Три бесконечно счастливых дня, определивших навсегда

вектор безграничного счастья.

Мы не могли чувствовать и думать иначе.

Не могли.

Прошло три изумительно счастливых года. Нам по двадцать лет. Мы – семья.

Вся жизнь впереди: безоблачные горизонты, мечты, планы. Дух захватывает.

Нет, не вся жизнь – лишь чутельный отрезочек, можно сказать мгновение!

Я долго, сложно определить, сколько времени, неподвижно лежу на диване, который нет ни сил, ни желания разбирать, уставившись в одну размытую точку, которую, если честно, совсем не вижу.

Мне не до неё.

Зачем жить, если моя Леночка, если она – единственная женщина во Вселенной, которая мне дорога, которая мне необходима, как вода и воздух, моя жена, уходит к другому мужчине.

Уже ушла, хотя в квартире всё как прежде, всё на привычных местах: духи, туфли, расчёска, персиковое платье на плечиках, запах счастья.

– Что я должна делать, как поступить, если полюбила, – путано объясняет Леночка, заскочив за вещами, – да, не тебя! Это преступление? Нам было по семнадцать лет, когда клялись в вечной любви. Что я знала о жизни, чего могла понимать? Ни-че-го! Отпусти, пожалуйста. Давай останемся друзьями. Хочешь, я тебя поцелую?

– Друзьями, да, конечно, почему нет, – безразлично, в болезненной прострации отвечаю я. Ты надолго?

– Навсегда, Забродин, – шёпотом кричит Леночка, – неужели ты так ничего и не понял? Я от тебя уйду!

– Позвони, когда нужно будет встретиться. Я буду скучать.

– Посмотри на меня, – орала, багровея, смахивая непрошеную слезу Леночка, – ты совсем идиот?! Я уйду! К другому мужчине уйду, которого люблю больше жизни. Так вышло. Чего тут непонятного? Теперь он, он будет меня встречать! И провожать будет тоже он. И целовать! Спать я тоже буду с ним. Это тебе понятно!

– Понимаю, – глупо киваю я, – конечно спать. Но любишь-то ты меня!

Если бы вы знали

Вам когда-нибудь доводилось пережить полное выпадение из реальности, точнее, внезапный выход из сознания с частичной потерей памяти в то время, когда жизнь наполнена событиями отнюдь не простыми, не обыденными – эмоционально напряжёнными, пылкими, способными как вознести на вершину блаженства, так и опустить в бездну катастрофических последствий?

Со мной такое произошло, хотя поверить в подобное довольно сложно.

Когда морок рассеялся, я смог лишь контурно, без пикантных подробностей оживить разрозненные эпизоды прожитых с небывалым воодушевлением дней, несмотря на то, что очень старался восстановить мозаику произошедших событий.

Попытка расширить границы реконструкции потерпели крах. Возможно, странного характера амнезия – причина волнительной перегрузки. Ведь я не молод.

Сорок пять лет, сами понимаете – возраст переоценки жизненного опыта, период, когда начинаешь понимать, что

личные отношения зашли в тупик, что творческие и физиологические возможности начали выдыхаться; в профессии и карьере дышат в спину молодые, материальный достаток (в принципе, всё есть, но чего-то не хватает) выше не станет, а впереди маячит неприятная перспектива небытия и осознание, что все хрустальные мечты были не более чем бредом.

То, что казалось значительным, важным, с высоты прожитых лет выглядит сомнительно необходимым.

Например, любовь.

Но, обо всём по порядку, чтобы не запутаться окончательно.

Одно дело, когда тебе двадцать. За нежный взгляд, за возможность держать девушку за руку, за единственный поцелуй я готов был отдать душу, если не саму жизнь.

Женским вниманием интимного характера я не был избалован, хотя и в школе, и в институте был окружён по большей части будущими принцессами.

Было, ох было, на что и на кого обратить внимание!

Какие девчонки строили мне глазки: Юлечка Семькина,

Вера Сазонова, Катя Верхотурова, Диана Ваганова. Всех не перечислить. Эти навсегда поселились в сердце.

Тонкие, звонкие, энергичные, озорные, симпатичные до жути.

С каждой из них были связаны пусть малюсенькие, но удивительно приятные романтические эпизоды.

С Катей мы даже целовались.

По договорённости. К сожалению, без любви.

Любопытно было.

Мне жутко понравилось, а Катя сказала, что всё про этот предельно глупый ритуал поняла, – что-то вроде игры в салочки. Я, мол, тебя запятнал. Ага, перебьётесь!

Не знаю, что именно она чувствовала в тот удивительный момент, какие сделала выводы и как боролась с искусствами, но на втором курсе подруга забеременела (не подумайте, не от меня) и взяла академический отпуск. А я расширил границы поисковых экспедиций романтической пары за пределы курса, чтобы не нарываться на провокационные и ехидные реплики сокурсников-острословов.

Влюблялся я, точнее, вспыхивал восторженным ликованием и фейерверком причудливых фантазий, от полунамёка на возможность побыть наедине, от нечаянного, совсем не интимного характера прикосновения, от загадочно томного встречного взгляда, направленного не на меня даже, а в мою сторону; от звонкого голоса, заливистого смеха, дружелюбного жеста, грациозного движения и вообще от всего.

Меня вдохновляла девичья молодость, будоражили особенные, не свойственные самому черты характера, стимулировали, ободряли, вселяли надежду обнадёживающие фразы и многое другое.

Увы, вступать в реальные отношения мешала врождённая стеснительность. Я сам придумывал любовь, сам же её и зачёркивал, не достигнув желаемого, переживая и волнуясь тем не менее вполне реалистично.

Неспособность действовать была моей личной трагедией. Честно говоря, даже время спросить у постороннего было для меня почти неразрешимой проблемой, чего уж говорить о желании познакомиться, тем более, если рассчитываешь не просто на дружбу, а имея в виду поклонение, влечение и взаимную привязанность.

Леночка Смолякова, первокурсница, девушка, благо-склонности которой добивался едва ли не весь её курс (те-перь она двадцать с лишним лет как моя жена), подошла зна-комиться сама, – Денис, пригласите меня на свидание, пожа-луйста! Вы мне... вы мне... нравитесь.

Представляете, девчонка, у которой босоножки стоят до-роже всего моего гардероба просит как бы об одолжении! Ведь могла выбрать любого.

Я робкий, но не глупый: какие перспективы у такого неравнозначного знакомства? Состоять при королеве одним из десятка пажей? То ещё удовольствие.

Взрыв мозга, который что-то серьёзно повредил, не заста-вил себя ждать.

Не поверите – я отказался: неуклюже, глупо, потому, что испугался последствий.

Разве мог я принять такой роскошный подарок за правду? Кто я и кто она!

Девушка расстроилась, но не отчаялась, хотя я старатель-но избегал встречаться с ней даже взглядом: мне было до жу-ти обидно за себя, и стыдно.

– Почему ты ведёшь себя как мальчишка: бегаешь, прячешься? Завтра танцы в Доме культуры железнодорожников, у меня контрамарка на двоих. Вот, возьми её себе. Ну же, решайся! Я точно не кусаюсь. Вот номер телефона. Жду звонка.

– Почему я?

– Спроси что-нибудь менее заумное. У меня нет объективного ответа. Скажи, ты черешню любишь?

– Я любые ягоды люблю. Причём здесь черешня?

– Почему любишь?

– Наверно потому, что вкусная.

– Это не ответ, точнее не причина чего-то сильно хотеть. Представь, что ты её ещё никогда не пробовал, но всё равно любишь. Причём, это факт. Сможешь ответить – отчего ты уверенно тянешь руку к сочной ягодке, пуская при этом слюни, если даже приблизительно не знаешь, что тебя ждёт, как узнал, что любишь... и за что?

– Не уверен... не знаю... подумаю. За яркую привлека-

тельность, за аппетитный аромат, гляцевую сочность. Да за всё сразу. Причин много. И...

– Вот и я... не знаю, но хочу попробовать. Просто чувствую, что с тобой будет интересно, весело. А ещё сердце... рядом с тобой я его отчётливо слышу... каждой клеточкой. Такой ответ устроит? Если тебя смущает мой легкомысленный наряд, могу одеться скромнее, проще.

С ней было легко, уютно. Весело и греховно сладко.

Леночка – девочка-сказка. Я был предельно счастлив.

Тогда.

Танцы: руки на талии, руки на плечах, рука в руке, запах чего-то впечатляюще запретного.

У Леночки так чувственно тикала голубая жилка на переносице, так стремительно курсировали белёдые и алые пятна на груди и шее, так томно вздымалась миниатюрная, но упругая грудь.

Когда бы я ни посмотрел в её сторону, нежный, медового цвета взгляд был заинтересованно направлен непосредственно в мои зрачки, но в гляделки она не играла – спустя

несколько секунд Леночка смущённо опускала взор, наливаясь лёгким румянцем.

А ещё... ещё я заметил, насколько похожи наши мысли и действия, мимика и жесты в связи с текущими событиями, с взглядами друг на друга, с намерениями что-либо немедленно предпринять.

Стоило мне чего-либо захотеть, например, дотронуться до её миниатюрной ладони, как Леночка ненавязчиво протягивала руку.

В танце, почти нечаянно (велико было желание скрыть истинное намерение), я прикоснулся к её горячим губам, но испугался собственной смелости.

Леночка затрепетала, подалась навстречу. Не знаю, о чём думала она, я в ту минуту решил за себя и за неё всё-всё – семья, однозначно семья: я ведь её запятнал.

Как метко, однако, выразилась некогда Катя. Разве можно относиться как к обыкновенной подруге к девочке, которая подставила губы для поцелуя?

Целоваться мы научились за один вечер.

В постель легли спустя две недели.

Через месяц мы подали заявление на регистрацию брака, а в мае ожидали небывалое пополнение: Леночка была беременна двойняшками – Катей и Верой.

Это была самая настоящая, страстная, трепетная и нежная любовь, растянутая в бесконечности счастливых свершений.

В последнее время, когда близнята поступили в институт в другом городе, оставив нас, родителей, наедине друг с другом, освободив тем самым уйму энергии и времени, которое мы разучились структурировать, отчего-то общаться стало сложнее.

То ли проблемы, которых мы прежде попросту не замечали по причине усердия и предельной занятости нечаянно вывалились наружу, то ли кризис среднего возраста принялся собирать обязательную эволюционную жатву, расставляя акценты в неожиданных местах; то ли безусловное доверие и интимная близость из категории любовь и страстное желание перешли в номинации – скучная супружеская обязанность и навязчивая, порой утомительная, если не принудительная, по сути, привычка.

Рассуждать на подобные темы, тем более делать неприят-

ные выводы не было сил.

Жизнь с противным скрипом скользила по накатанной, но основательно выбитой в колею траектории: работа – дом, дом – работа. Раз в неделю скучный выезд на дачу, в пятницу – у меня вылазка с товарищами в парную, у Леночки – поход в салон красоты. Вечерами, после ужина, мы уединялись каждый в своей комнате, встречаясь на супружеском ложе едва ли не по расписанию.

Для чего я так подробно описываю эволюцию семейных отношений? Наверно пытаюсь хотя бы для себя обосновать, что явилось катализатором последующих событий, откуда, как говорится, ноги растут.

Незадолго до того как моё внимание привлекла стремительно, но удивительно изящно передвигающаяся по тротуару пара породистых девичьих ножек, состоялся до крайности неприятный диалог с непосредственным руководителем, который огорошил непозволительной относительно моего профессионального опыта и заслуженного статуса фразой, – незаменимых, Денис Витальевич, не бывает в принципе. Вашим местом весьма активно интересуются два очень перспективных молодых претендента. Напрягитесь... или мы расстанемся.

– А их, молодых и горячих, вы сможете заставить напрячься, или их самоуверенная спесь спадёт в ту самую минуту, когда они узнают, что согласно штатному расписанию не обязаны выполнять половину, если не две трети возложенных на это так называемое место непрофильных служебных функций?

Беседа закончилась как бы примирением сторон, но осадок оказался до крайности токсичным.

Я негодовал, кипел.

Это была первая ласточка поражения в правах на профессиональном поле.

А ножки шли и шли: энергично, уверенно, ловко, если не сказать – весело.

Я невольно засмотрелся на аппетитно соблазнительное чудо, хотя был за рулём, до максимума замедлил движение.

Любой мужчина обладает способностью мысленно погружать заманчиво сладкий объект в девичьем облики в иллюзорный гипноз. Для данной виртуальной манипуляции пригодны исключительно молодые и стройные, желательно чарующие непостижимым обаянием особы.

Девушка как бы погружается в глубокий телепатический транс и послушно следует указаниям сталкера. Желания игрока могут быть различными, степень пикантности, планка форматирования допусков и запретов зависят исключительно от фантазий и воспитания автора шоу.

Поверьте, увлекательнейшее упражнение, к тому же безопасное, тайное, надёжно защищённое от наветов и сплетен. Тысяча и одна ночь удивительных приключений, о которых никто никогда не узнает.

Чем старше мужчина, тем реже он развлекается подобным образом, потому что выделить из сотен и тысяч очаровашек одну довольно сложно, а завораживать каждую никакой фантазии не хватит.

Молодость – это дар, к сожалению эстафетного характера: насладился – передай другому.

Дочка-умница растёт на радость папе и маме, наливается сладкими соками, наряжается композицией заманчиво ярких соблазнов, ткань которых старательно создаётся совместными усилиями её самой и любящих родителей, передающих по песчинке молодость и энергию по наследству, теряя при этом собственное здоровье и привлекательность.

Таковы печальные реалии земного бытия. Изменить сценарий трансформации человека от хрупкой уязвимой клетки до последнего вздоха не в наших силах.

В молодости я довольно попользовался привилегией любить незаметно. Потом вспоминать опыт виртуального общения не было необходимости. Любовь – вечный двигатель, способный самостоятельно создавать все виды энергий. У меня была Леночка.

Вот видите – была.

Наверно уже тогда я допускал, что её (конечно не Леночки, а любви) может не стать. Она уже была призрачной, как живой утренний туман на реке, который не висит как обычный над землёй, а постоянно находится в мистически непонятном движении.

Мы вдруг научились браниться, ссориться, размахивать, словно светящимися мечами Джедаев обидными фразами, едкими замечаниями, пустячными претензиями, после чего уединялись, страдали, болели... и играли в молчанку, накручивая в уме дополнительные витки на катушку с обидами.

Когда я увидел те кокетливые ножки, спешащие куда-то не

сами по себе, а вместе с изящной грацией, хозяйкой волнующихся до самой поясницы каштановых волос, блестящих на ярком солнце, во мне бушевали две конфликтные стихии – неприятности на службе и семейная драма.

– Остановись, открой личико, Гюльчатай, покажись, дай насладиться совершенством, – неожиданно для себя вслух произнёс я и испугался подобной вольности.

Дива действительно остановилась. Развернулась в мою сторону, подошла к обочине, вскинула ручку в надежде остановить машину.

Да-да, стоило только подумать и вот...

Иногда люди, я об этом читал, попадают в некий энергетический поток, который из мимолётных желаний генерирует действия, наделяя любые устремления неукротимой силой.

Почему бы не побывать в подобной сказке мне?

– Присаживайтесь, милая леди. Домчу... хоть на край света.

– Спасибо, но, нет, там я уже была! Еле ноги унесла.

– Соглашусь на близкое путешествие.

– Насколько близкое? Уж не флиртуете ли вы?

– Затрудняюсь с ответом. Дар речи потерял. Вы прелесть, девушка! Меня Денис зовут... Витальевич.

– Денис Витальевич, я спешу. Разрешите откланяться. Тронута вашей отеческой заботой...

– Разве я настолько стар? Не гоните, велите миловать. Ваше имя, иначе я расстанусь с жизнью на ваших глазах.

– Живите, ради всего святого! Если моё имя способно стать пропуском для того, чтобы поймать такси, пожалуйста – меня зовут Александра... Игоревна. Суворова. Не родственница полководцу.

Девочка улыбнулась, кокетливо, но иронично трижды послала воздушный поцелуй кончиками пальцев обеих рук, причём в реверансе, – этого достаточно, надеюсь?

– Вполне, Сашенька! Я ваш раб. Не теряйте времени – присаживайтесь, где приглянется.

Юное создание на заднем сидении была весьма озабочена,

это было понятно по тому, как она то и дело включала экран телефонного дисплея, как нервно облизывала губы, как рассеянно щёлкала замком сумочки.

Разглядеть особенности лица в зеркало было сложно, но мимика и водянистый взгляд указывали на только что пережитую неприятность огромного масштаба.

Наши глаза в зеркальном пространстве встретились. Я улыбнулся в надежде на взаимность, но ответом прилетела раздражительная реплика, – вы не в моём вкусе. Нечего строить глазки! Сколько с меня?

– С вас, Сашенька...

– Александра!

– С вас, Сашенька, один единственный нежный взгляд. Если честно, я был счастлив находиться рядом. Поверьте, я почти позеленел, от свалившихся вдруг неприятностей. Мне было так плохо. И тут вы. Не сердитесь, но осмелюсь пригласить, вас... чего особенно любите?

– Люблю, когда ко мне не цепляются всякие...

– Проходимцы. Понимаю. Я не всякий. Честное слово.

Мне ничего от вас не нужно. Вру! Вру, конечно... мечтаю исповедаться, выговориться.

– И вы тоже?! Разве у нас в городе эпидемия? Ах, да – заметили глаза на мокром месте, решили, что в состоянии аффекта мы, девчонки, мягче пластилина.

– Дайте надежду на новую встречу.

– Не выдумывайте! Я девушка скромная. Не смотрите, что так ярко одеваюсь – это не боевой раскрас, скорее предупреждение – не влезай, убьёт!

– Уже убили. Я самый несчастный мужчина в мире. А телефончик! Хотя бы обманите.

– Это можно. Записывайте.

Сашенька стремительно скрылась во дворах. Мне стало ещё хуже.

Идти домой не было сил. Там моё настроение и вовсе проваливалось в трясины.

Лебеди и утки в городском парке ныряли, влюблялись, плавали. Я грезил. Успокоившись, направился домой.

– Явился, – язвительно прокомментировала моё появление Леночка, – можно поинтересоваться, кем или чем, увлёкся на сей раз? Нет, лучше соври. Так будет честнее.

– Давай поговорим потом.

– Как же! А давай – не давай, я устала!

– Какое совпадение настроений.

– Нам надо поговорить.

– Кому надо? Ты утром сказала всё, даже больше. Давай успокоимся. Иди, я тебя поцелую.

– Как игрушку, как статую? Ты меня бросил, ты меня больше не любишь!

– Не нагнетай. У меня кризис среднего возраста, у тебя климакс. Если будешь себя накручивать – лучше не станет. Слишком чувствительные женщины в период гормональной перестройки с ума сходят. Ты этого хочешь?

– Не дождёшься!

– Вот и поговорили. Я спать.

– Ещё бы! Накувырчался с кем-то, я теперь не нужна.

– Нужна, Леночка, но не такая. Я люблю другую...

– Вот ты и сознался!

– Другую Леночку. У той были ясные глаза и добрые намерения. Что бы я ни сказал, всё воспринимаешь в штыки. У меня на работе проблемы, дома ад. Куда бежать?

– По бабам, родной, по бабам!

Разве странно, что ночью мне не спалось, что перед глазами стоял фантом Сашеньки. Породистые ножки в сотый раз пробегали мимо, воздушные поцелуи летали по всей комнате.

К утру диалог, состоявшийся между нами, эволюционировал, развился. Мы уже были на “ты”, запросто общались, то и дело сливались в танце.

Я прикасался к ней, кружил.

До поцелуев дело так и не дошло.

Зато ужасно болела голова и болезненно донимала мучительная тяжесть внизу живота.

Жена, собираясь на работу, шипела, раскидывала, где попало вещи и обидные фразы.

– Ещё раз задержишься – разведусь, – крикнула из коридора, после чего громко хлопнула входной дверью.

– Вот туда и иди, – парировал я в пустоту, – у меня тоже нервы. Захочу – вообще не приду, вот!

– Зайдите, Денис Витальевич – непривычно робко пригласил начальник, – сорвался, знаете ли. Меня ведь тоже... как мальчишку отчитали. Мир!?

– Будет вам. Я и забыл.

Если честно, от извинения стало ещё горше. Мы были почти ровесники. Значит, не я один падаю в бездну.

Спасти от тревожных размышлений могла лишь она – Сашенька. Найти бы её, объяснить, что мной движет отнюдь не похоть, что чувства бывают непорочными, бесхитростными.

Наивный!

Я сам в это верил.

Весь день думы о Сашеньке не давали покоя. Тысячи оснований и обоснований разыскать и объясниться трансформировались в основательный список (профессиональная привычка).

После работы я поехал туда, где высадил девушку, умоляя фортуна или иную капризную даму, её замещающую, обеспечить такое стечение обстоятельств, чтобы мы могли встретиться.

На город уже опускались сумерки, когда я решил позвонить по продиктованному в шутку номеру.

– Слушаю!

– Сашенька?

– Александра.

– Это я...

– Узнала, Денис Витальевич. Что на сей раз?

– Я вас жду. Там же, где расстались.

– А жена...

– Я не собираюсь ей изменять.

– Тогда зачем встречаться?

– Поговорить.

– Ах, да – исповедь. Думаете, мне интересно?

– Хочу побыть рядом. Просто так.

– Забавно. Растеряли жизненную энергию, хотите подзарядиться, сбросить на меня болезни, невзгоды. Щедро!

– Вы не так поняли, Сашенька.

– Так-так! Не знаю чем, но вы меня тоже зацепили. Так-то! Хорошо, ждите.

Сердце долбило так, что я подпрыгивал на сиденье.

В голове царил невообразимый кавардак, сквозь который просачивалось к сознанию лишь имя – Сашенька.

Как она летит, расплываясь в туманном мареве, я увидел издалека.

Дальше случилось то, что никак не могу вспомнить до сих пор: мистика, загадка... я обнаружил себя у Сашеньки в квартире.

Спустя неделю.

О дате выхода из реальности сообщала последняя запись в ежедневнике.

Всё это время меня никто не донимал звонками. На работе сообщили, что необходимо закрыть больничный лист. Самое странное обстоятельство – он у меня действительно был.

Меня целый день преследовало ощущение, будто Сашенька находится рядом, на расстоянии вытянутой руки. Я отчётливо чувствовал тепло её разгорячённого тела, запах волос, слышал размеренное дыхание, звучание которого дарило спокойную уверенность – всё будет хорошо!

Вечером я позвонил по известному номеру.

– Долго ждать, Денис Витальевич, я соскучилась? Чего приготовить?

– Достаточно того, что ты есть.

Сашенька встретила меня в простенькой, довольно открытой домашней одежде, выглядела в которой богиней. Такую я её не помнил.

Девушка чмокнула меня в губы, отчего по телу разлилась дурнота и затряслись внутренности.

Неужели мы так далеко зашли? Что же происходило всю предыдущую неделю, как я вообще оказался в этой квартире?

Вопросы не находили ответа.

Сашенька усадила меня в кресло, придвинула журнальный столик, принесла ужин. Сама уселась напротив, обхватив колени, смешно запрокинула голову, – ты забавный, Карелин. Сижу вот и думаю – где ты раньше был? Представляешь, сколько бы всего глупого и печального со мной могло никогда-никогда не произойти?

– Лучше расскажи, что произошло. Я, знаешь, потерялся. Совсем. У нас что-нибудь было?

– Смеёшься?

– Вовсе нет.

– Лучше скажи – останешься или опять вернёшься к жене?

– Вернусь. Разве я уже оставался?

– Какой же ты... ладно, прощаю. Ты меня, правда, любишь?

– Не знаю. Ты – моя муза, моё вдохновение. Рядом с тобой я могу всё.

– Например!

– Скажи, о чём мечтаешь.

– Поцелуй меня.

– Я! А можно?

Вот такие приблизительно между нами происходили диалоги.

Каждый день.

Потом я уходил домой. И забывал всё-всё, кроме запаха волос, ощущения прикосновения и тревожного беспокойства.

Леночка встречала меня привычными претензиями, – мерзавец! Ты уже не скрываешь ничего. Я её видела. Эта фи-фа в дочери тебе годится. Не совестно спать с ребёнком?

– Уймись. У нас ничего не было.

Было или не было – я не знал, но и Леночка тоже, потому иногда настоятельно требовала физической близости, – любишь или нет – мне без разницы... хотя, на самом деле это не так. Мне необходим секс, понимаешь? Секс необходим всем. Я взрослая девочка, я замужем! Война войной, а любовь по расписанию. И не смей перечить!

Я жил в эфемерном пространстве, где происходили самые важные для меня события, самые значимые. Реальность меня больше не устраивала.

С Сашенькой я разыгрывал один сюжетный сценарий, с Леночкой другой, сам сливался с одного и другого, уходя в глухую несознанку, настойчиво вытирая из памяти всё, что могло прояснить ситуацию, которая день ото дня становилась напряжённее.

Леночка, в конце концов, не выдержала – ушла жить к подруге. Сашенька тоже внезапно испарилась.

Меня ломало. Виртуальные свидания изнурили.

Оказалось, что ежедневные встречи с любимой и привычные семейные дуэли необходимы, как воздух, чтобы ощущать себя нормальным, живым.

Время остановилось.

Телефон Леночки молчал, Сашенькин был вне зоны доступа.

Жену я проклинал за предательство, любимую ревновал, понимая, что не имею морального права ни на одно, ни на другое. Был бы настоящим мужиком – выбрал бы что-то одно, расставил, где положено точки. Так нет же – скрылся непонятно где, между прошлым и будущим.

Вот сейчас, когда полно времени, почему бы не принять окончательное решение?

Не успел.

Первой объявилась Леночка, – допрыгался, кобель проклятуший, догулялся!

– О чём ты, родная, ничего не пойму?

– Не телефонный разговор. Жди, сегодня приеду.

Спустя несколько часов ожил телефон Сашеньки, – соскучился? Не обижайся. Не могла тебе сообщить. Летала на конференцию в Европу. Ужасная скукота. Заставили. Жду.

Вот так поворот! Опять меня ткнули мордой в выбор, который в сложившихся обстоятельствах невозможен в принципе.

Стой там, иди сюда – это что, команда и на сей раз скрыться за границей иллюзий?

Вот теперь есть повод основательно задуматься. Обычная математика с натуральными числами ответа не даст, нужно мудрить. Но как, если кругом сплошные неизвестные вели-

чины?

Чего накопила Леночка, о чём молчит Сашенька?

Стоп! Нужно определить точку отсчёта. Леночка ещё не приехала, а Сашенька уже ждёт. Начинать нужно с самого начала.

Любимая привычно чмокнула в губы, – в гостях хорошо, а Денис Витальевич лучше. Между прочим, ты мне обещал...

– Я что ли? Проясни.

– Так не честно. Я тебя сватаю или ты меня?

Голову опять обнесло, – нездоровится мне, Сашенька. Можно, я домой?

– И так всегда. Меня реально замуж зовут. Ты как к этому относишься?

– Я подумаю.

– Чудак. Меня, а не тебя сватают.

– Скажи, Сашенька, мы это... того... было у нас чего или

нет?

– У меня было, у тебя – не знаю.

Вот тут мне стало совсем лихо. С момента той записи в ежедневнике, когда впервые выпал из реальности, прошёл год. Я так ничего и не вспомнил.

В этот момент позвонила Леночка.

– Извини, Сашенька, я побежал. Леночка приехала, а меня дома нет.

– Вот, Карелин, в этом ты весь. Её-то хоть любишь?

– Тебя люблю.

– Ага! Но не знаешь, было – не было. Прощай что ли. За муж я выхожу.

– А я?

– Тебя ждёт такая новость – закачаешься. Про сон забудешь – не только про меня.

– Чё за фигня, Сашенька, вышел я из того возраста, когда

сюрпризы способны поднять настроение.

– Точно знаю. Разведка донесла. К Леночке беги.

– Прости, любимая. Завтра встретимся.

– Как карта ляжет. Сдаётся мне – не увидимся больше.

Так и вышло – не увиделись.

Леночка ждала меня у накрытого стола, что уже было сенсацией.

– Рассказывай, – равнодушно выдавил я, – чего ещё выдумала?

– Дурачок ты, Карелин. Беременна я.

– Поздравляю. Кто родитель?

– Ну, ты и жук! Алёна Денисовна будет. Карелина. Опозорил на старости лет.

– Не бухти. У тебя же климакс. Какая Алёна?

– Настоящая. Видно Сашенька силой животворящей с то-

бой поделилась.

– Про неё почём знаешь?

– Встречались. Славная она, Сашенька.

– Так это твоих рук дело – будто свадьба у неё, то-сё?

– И да, и нет. Ты же ни Бэ, ни Мэ, а время идёт. Отпусти её с богом.

– Не могу. Люблю.

– А меня?

– И тебя люблю.

– Зато я не люблю, не потерплю разврата. Решай немедленно, с кем жить собираешься.

– С тобой.

– А Сашенька?

– Её я просто люблю.

– У меня ультиматум. Больше ни-ни!

Пришлось согласиться.

С тех пор сижу, пишу рассказы, но вспомнить ничего не могу.

Гложет меня вопрос, мучает, жжёт – было у нас чего с Сашенькой или нет? Как могло случиться, что я ничего, совсем ничего не помню?

Если бы вы знали – как я её люблю!

Пьяные танцы

Откуда чего берётся – непонятно. Не было прежде подобных традиций – собираться в канун Нового года всем коллективом и вдруг бац – явка обязательна. Отсутствующие на столь ответственном мероприятии автоматически лишаются тринадцатой зарплаты – ни больше, ни меньше.

Обидно, досадно, но ничего не поделаешь.

– Не расстраивайся, Ангелочек, – утешал муж, – нас по тому же принципу построили. Пригубишь шампанского, съешь бутербродик с икрой, сделаешь вид, что танцуешь и тихонечко, бочком на выход. Закажешь такси. Если хочешь – я у ресторана подежурю. Продолжим дома.

– Ты же знаешь, мне в гостях пить совсем нельзя, только, когда ты рядом, но нас предупредили – исключительно работники офиса, никакой самодеятельности. С каких пор и для чего непонятного назначения оргии в ритуал превратились. Не к добру.

– Почему в оргии? Мы же с тобой любим друг друга. Справимся. Пусть себе гуляют. Праздник всё же.

– Может ну её, тринадцатую эту: не жили богато – зачем начинать? У меня предчувствие. Знаешь – так бывает: что-то внутри протестует, сопротивляется.

– Ну, если для тебя сорок тысяч не деньги...

– С чего ты взял, что речь о такой сумме идёт?

– Сорока на хвосте принесла. Там ещё подарки будут, розыгрыши. Шубу тебе купим.

– Лучше на приданое для ребёночка отложим. Ты мне обещал – после праздников вплотную займёмся зачатием первенца. Ладно, уговорил.

Анжела выглядела принцессой. Эксклюзивное, скопированное с обложки глянцевого журнала яркое воздушное платье, какое позволить себе могла разве что дочь миллионера (она была редкостной рукодельницей-самоучкой, порой сама удивлялась своей способности шить и кроить), модельные туфельки в цвет платья, дорогущее нижнее бельё, на которые копила больше полугода, замысловатая причёска, душистый аромат, разжигающий желание.

– Не дурак ли я, Анжелика Фёдоровна? Такая корова нужна самому. А ну скидавай весь этот парад! Ребятёночка де-

лать будем.

– Не дурите, Сергей Трофимович, раньше надо было слюни пускать. Теперь я настроилась. Пойду сорок тысяч зарабатывать.

– Тогда не пей. Совсем ни грамма. Мало ли чего: голова там закружится или привидится чего.

Застолье вёл профессиональный тамада. Засиживаться и наедаться не давал, зато частил с тостами.

Через полчаса две трети гостей были больше чем навеселе. Тут и там слышны были многозначительные смешки.

Откровенные провокации ведущего, всё глубже заводившего коллектив в дебри эротических забав, коллектив принял на ура.

В танцах совсем перестали стесняться – игра же, весело же.

Горячительное лилось рекой, петь караоке выстроилась очередь.

Анжелика сидела на углу с надкусанным бутербродом и

нетронутым бокалом игристого вина.

– Выбираем королеву бала, – объявил ведущий, – лот номер один... назовитесь, фея, – тамада поцеловал Анжелике ручку.

– Ну что вы, какая из меня королева. Ради бога – не надо.

– Ваше имя, красавица? Аплодируем, голосуем.

Зал взорвался аплодисментами.

– Анжелика Фёдоровна Мусечка, замначальника планового отдела, – представил её генеральный директор. Отдаю голос и двести долларов на приз. Голосуйте, господа!

– Триста долларов, – неожиданно выпалил молоденький программист Виктор Елизаров.

– Рискуешь, придурок, – зашипели на него менеджеры. Видишь, на неё шеф глаз положил. Вылететь хочешь?

– Один раз живём.

– Продано, – дурачась, заорал тамада, – ваш танец, принц.

Виктор был в ударе. Танцевал он великолепно, был красноречив, обворожителен, весел.

Настроение Анжелики моментально подскочило на несколько десятков градусов.

Юноше легко удалось уговорить королеву выпить. Самую малость – один бокал, после чего мир перевернулся и заиграл волшебными красками.

После первого танца был второй, потом третий.

Захмелевшая, она позволила партнёру немного вольности: прижалась к нему щекой. У него была на редкость нежная кожа, как у младенца, и удивительный, с молочно-фруктовыми нотками запах.

Виктор всё кружил её, кружил, прижимая теснее, становился желаннее, ближе.

А как божественно он целовался!

– Фея, – шептал мальчишка, – я люблю вас, люблю!

– Я замужем, шалунишка, – шептала Анжелика, не в силах сопротивляться внезапному порыву, – отвези меня домой.

– Конечно, домой, принцесса, куда же ещё...

Они долго куда-то ехали, потом земля ушла из-под ног.

Женщина обрывками помнила, как кто-то щедро намазывал её податливое тело, уплывающее вдаль, как удивительно приятно ласкал скользящими, до ужаса приятными, проникающими повсюду движениями.

Она куда-то рвалась, чего-то особенного хотела, то проваливаясь в нирвану, то приходя в себя, не понимая, где, с кем, как сюда попала; принимала происходящее за сон, кричала в азарте восторженно-лихорадочного возбуждения, требовала немедленно сделать ребёнка.

Галлюцинация продолжалась целую вечность. Анжелика легко позволяла призрачному партнёру такое, на что никогда бы не решилась в реальности.

– Почему Серёжка так не делает, – смутно мелькало в сознании, – нужно будет попросить, – и тут же пугалась своих мыслей, – с кем же она тогда, с кем, – но, не успев вникнуть в суть запутанных ассоциаций, вновь и вновь проваливалась в экстаз, сладостно мучаясь очередным приступом судорожно приятных конвульсий.

С трудом разлепив отяжелевшие веки, Анжелика обнаружила себя в маленькой спальне на узкой солдатской кровати в обнимку с мальчишкой-компьютерщиком.

На ней не было ничего. Совсем.

Воздух был насквозь пропитан запахом разврата, смятое платье валялось под кроватью.

Женщина почти до крови прикусила ладонь, тихо завывала.

Утро врывалось в окна без занавесок. На грязном полу валялось дорогушее белоснежное нижнее бельё, которое было куплено для ритуала зачатия.

В памяти обрывками всплывали эпизоды вчерашней вечеринки. Щёки и что-то внутри горело огнём, голова раскалывалась на тысячи острых кусочков.

Анжелика попыталась бесшумно встать, но панцирная кровать скрипела как ненормальная.

Одежда требовала как минимум химчистки: мятые платье, вымазанные непонятно в чём трусики. Долго не удавалось найти вторую туфельку.

Женщина умылась, причесалась, как сумела, но внешний вид её был удручающим, ужасным.

В сумочке, кроме того, чему там быть положено, лежала тысяча долларов, сорок тысяч пятитысячными купюрами, две упаковки французских духов, какие-то игрушки, пачка презервативов, вид которых натолкнул на мысль – был ли секс защищённым?

Увы, следов контрацепции не было видно.

Что делать, куда идти, крутилось в голове, как теперь объясняться с мужем?

Сергей ждал её. Оправдываться не пришлось: всё было ясно без слов.

Благо хоть квартира принадлежала ей, и расставание обошлось без рукоприкладства.

С работы Анжелика уволилась. Родила, как положено – в срок. Девочку назвала Анечкой.

На шальные праздничные мероприятия она больше не ходила: слишком уж непредсказуемы последствия пьяных тан-

ЦЕВ.

Дай бог каждому

Мариночка Лапина считала себя очень счастливой женщиной. Она вообще была человечком солнечным, жизнерадостным, добрым.

– Кому-то за всю жизнь ни одного разочка не удаётся влюбиться, а я... в меня до Вениамина Андреевича трижды влюблялись. Однажды, чуть было, замуж не выскочила. Дурочку одну малохольную пожалела. Забеременела она от моего Севки, аккурат накануне нашей свадьбы. Не змеюка же я подколотная – ребятёнка отцовского надзора лишать. Поплакала у жениха на плече и благословила его на отчий подвиг. Хороший он был, Северьян. А любил как! Вспомню – мурашки по телу. Ну да ничего – пережила, справилась. Слава богу – не последняя баба на селе.

Вениамин, начальник поездной бригады, улыбчивый такой, шустрый (состав не спеша петлял через всю страну), востроглазый, заметил Мариночку на одном из полустанков, где она покупала жареные семечки, варёный картофель да малосольные огурчики.

Было на что обратить внимание: фигурой, умением плавно нести над землёй многочисленные женские прелести и

чувственным очарованием Мариночку природа не обделила. К тому же коса до пояса, пронзительный застенчиво-смиренный взгляд, скромное обаяние молодости, миловидное личико и вообще.

Резкий гудок неожиданно возвестил отправку. Женщина вздрогнула, замешкалась. Ступени-то высокие, неудобные, покупка россыпью в переднике. Проводница шумит, руками машет.

Пришлось Вениамину доброе дело справиться – прыгнул, подсобил.

Как глянул Вениамин снизу вверх под подол, где о чём-то греховном семафорили цвета бесстыдства чистенькие до одури трусики, как приподнял во весь рост спелые, налитые здоровой упругостью ягодицы, так и влюбился без памяти, только Мариночке о том ни слова не молвил: ходил – наблюдал, пока оказия не представилась словом перекинуться.

Был он не робкого десятка, причём при должности. Проводницы, что доверие его заслужить, повинность постельную по очереди несли. Особенно Венька любил замужних баб с шикарными бюстами и крутыми бёдрами, хотя сам был сухонький, жилистый, поджарый.

Накатанный железнодорожный маршрут, свои в доску проводницы, каждую из которых он что ни рейс – объезжал не единожды за дозволение хитрить по мелочи и торговать на остановках. Таковы были правила, которые сам же и устанавливал. Начальник бригады – величина. Без него прыщ на носу в составе не вскочит, потому скучать ему не приходилось.

Вениамин и сам выше головы не прыгал. Какой смысл влюбляться в первую встречную, рисковать должностью и здоровьем, когда вокруг цветник из проверенных лапочек без комплексов, но со справками о состоянии здоровья?

Особенно ему Варька Пронина нравилась – подмахивала здорово и никогда не кочевряжилась: как вздумается начальнику, такую позу и примет. Иногда сама что-нибудь эдакое заковыристое любила применить. К тому же певунья и не пьянела.

Она и сейчас за Венькой едва не по пятам ходила. Привычка – вторая натура. Любила она это сладкое дело, хотя замужем была за двухметровым бугаём с плечами как у кузнеца-молотобойца.

Мариночка показалась ему слаще, особенно после того как подержал в ладонях всю мощь её сочных ягодиц.

Спал и видел Вениамин, как освобождает нежные дамские плечики от покровов, как чувственно шарит в поисках неземного наслаждения по объёмным холмам, спускаясь в долину сладострастия. Представлял, словно наяву, как укладывает скромницу на заветную кушетку, которая до мелочей приспособлена к приёму дорогих гостей, как медленно стягивает ненужный, даже вредный на ложе любви последний аксессуар, скрывающий желанную щёлочку от вторжения.

Приставучих проводниц, будь они неладны, гнал в этот раз взашей, – не до вас, шалавы! Работы много.

На одном полустанке даже цветы купил. На всякий случай.

Случай представился. Мариночка пошла в вокзал – книжку купить в Союзпечати. Путь долгий, будет, чем коротать дни и ночи.

– О, а у меня в купе целая библиотека. Про любовь есть, приключения всякие, детективы. Милости прошу к нашему шалашу. У меня гитара имеется, музыка на любой вкус. А то можно в ресторане посидеть. У меня там скидка приличная – по должности положено. Можно винца пригубить, или, к примеру, водочки. Соглашайтесь, милая незнакомка.

О том, что сладкие прелести миловидной прелестницы мерещились в иллюзорных приключенческих сценах, прокручиваемых в воображении бессонными ночами, Вениамин умолчал. Показать себя с лучшей мужской стороны он был мастер. Разговорным жанром тоже владел в совершенстве.

Главное – найти способ без ненужных подозрений залучить проказницу, заманить в райские кущи, без разницы чем, а коли наживку заглотит – бери голыми руками. Такой приз он ни за что не упустит.

Вениамин был в меру симпатичен, обаятелен, потому не заставил Мариночку насторожиться. Почему бы нет – подумала она? Дорога длинная. Винца она тоже с удовольствием откусает под хорошую закуску, тем более, даром.

Относительно “даром” женщина не особенно обольщалась, скорее не придавала значения стоимостному значению обменного эквивалента. Ведь мужской интерес, каждой понятно, вращается вокруг аппетитных округлостей и прочих вполне земных сфер влияния.

Не девочка. Физкультпривет в постели с улыбочивым и галантным собеседником может стать не только приятным, но

и полезным дополнением к утомительному путешествию.

Ехала она через Владивосток, проведать маму. Туда-сюда – более шести суток в одну сторону только в вагоне. Самолётом быстрее, но дорого.

Щедрое предложение не без интереса было принято.

Сначала парочка долго парилась в тамбуре: привыкали друг к другу, покуривали, знакомились.

Губы у Вениамина оказались чертовски сладкими, руки умеренно наглыми и умелыми.

Рукусуйство, объятия и поцелуи рождали удивительной силы волнующие каждую восторженную клеточку вибрации.

Навязчивые желания требовали физического воплощения, но уступить сразу – потерять достоинство. Нужно выдержать марку, дать понять – ценный приз нужно заслужить. Вот только стоит ли с разбега ложиться под скорый поезд?

Была – не была, решила Мариночка и нырнула в омут бесстыдно сладостного азарта. В конце концов – не каждому дано жить исключительно в любви. Иногда нужно просто уступить хорошему человеку – расслабиться и получить удоволь-

ствие вместе с другими попутными плюшками в виде праздничного продуктового меню и приятного во всех отношениях общения.

Вениамин прикасался к ней дрожащими руками, нежно шебуршал горячим языком во рту, а в ушах начинал нарастать ритмичный гул, низ живота набухал приятной слякотью, и голову обносило, как давно уже не приходилось испытывать и вообще могло никогда больше не случиться.

– Вениамин, – из последних сил сопротивляясь соблазну, спросила Мариночка, – у вас семья имеется?

– Скрывать нечего – женат, по любви между прочим, двух детишек воспитываю. Но я человек честный. Знаете, у мусульман очень строгий семейный кодекс, но когда мужчина в дороге – ему многое дозволено. Воздержание для нашего брата весьма опасное мероприятие. Можно домечтаться до простатита или ещё хуже. Нет у меня желания, Мариночка, обманывать вас. Конечно, я не мусульманин, но дорожные послабления чту свято. Вы мне так понравились, так понравились! Из столицы едете, значит, рядом с мегаполисом живёте. Может даже мы соседи.

– Под Ярославлем обитаю, в Мышкине.

– Надо же! И я оттуда, вот так встреча! Да нам сам бог велел переспать, любовью поделиться. Давай, милая моя девочка, обмоем наше приятное во всех отношениях знакомство. И это... переселяйся уже ко мне. С полным, так сказать, пищевым и прочим материальным довольствием. Дадим шороху, землячка! Мышкин! Надо же! А я-то думал – чего меня так шарахнуло: спать не могу, есть не могу – хочу и всё тут. Видно духом родным от тебя повеяло. Вино будем пить или водку?

– Давай уж, Веня, без предисловий. Соловья баснями не кормят. Веди в свой дворец, познакомимся ближе, там и решим.

– Неужто и тебя зацепило? Как я рад, как я рад! Нет в жизни случайностей, который раз убеждаюсь. Мне тебя бог послал, не иначе.

Радости особой с разбега не случилось: видно переволновался бедолага.

Мариночка, гладила скакуна, успокаивала, – отдохни, соколик. С каждым может случиться. Вот баба-дура. Нужно было водочки махнуть для храбрости, а я сразу быка за рога. У меня на такой случай средство есть, только особо не сердчай. Особенное средство – не каждому мужику по нраву.

Вениамину лекарство понравилось, лечебный эффект и того слаще показался.

Дальше его уговаривать не пришлось: скакал до самого Владивостока как подорванный.

– Долго гостевать собралась?

– На весь отпуск. Через две недели обратно.

– Меня дождись. Христом богом молю. Ты теперь для меня первая женщина на Планете.

– А эти? Я же вижу как на тебя проводницы зыркают, особенно Варька из третьего вагона. А жена?

– Жену не брошу, не обессудь. А эти... с их не убудет, а мне малая радость. Не ревнуй, с тобой ни одна из этих мокрощёлок не сравнится.

– Неужто влюбился?

– Это другое, Мариночка. Ты как пирожное с абрикотиновым кремом. Чем больше ешь – тем слаще. Но хлебушка тоже хочется.

– А мне какво! Мне-то обидно. Замуж, жуть как хочется. Детишек хочу нянчить.

– Тю, детишек я тебе сколь угодно настрогаю. У меня все бабы с первого разу залетают.

Так они ни до чего серьёзного и не договорились, но мечтать Мариночке никто не запрещал. Чего она в башке у себя понавыдумывала – целый роман с продолжением. Джэн Эйр отдыхает.

Если любит, думала она, от той бабы ко мне переметнётся, никуда не денется. Тут ведь что важно – каким боком поворачиваться, как подмахивать, как хвалить да глазоньки закатывать.

Обратная дорога вдвое слаще показалась.

Венька всю мёл хвостом: улажал девульку и днём и ночью, подарками завалил.

Мариночка даже думать боялась, что ещё пара дней и закончится их дорожный роман ничем.

Быть такого не может.

Потому, не сомневаясь, и выкатила любовнику ультиматум, – жениться должен. Беременна я от тебя, вот!

– Кто же против живого ребятёнка, люба моя. Рожай на здоровье. Буду к тебе с визитами наезжать, денегат время от времени подкидывать. У меня тут, на составе, бизнесов много. Прокормлю.

– Э-э, так не пойдёт! Ты к ней, к супружнице нынешней с визитами наезжай, а со мной жить налаживайся.

– Я тебя предупреждал: семья – святое. Любовь и обязательства – не одно и то же. Я мужчина православный, в церкви венчанный. С другими бабами проказничать только в рейсе дозволено. Не обессудь. Тут тебе ничего не обломится. Пиши свой адрес. В рейс – хоть каждый раз с собой брать могу. Дома подобными шалостями не балуюсь.

– Какие же вы все, – сокрушалась Мариночка, – непостоянные. Только одного от нас, женщин, вам и нужно, а как до дела – в кусты.

Вот и четвёртый раз, пока ещё молодая и красивая, повезло доброй женщине влюбится. Будет теперь о чём с дитём желанным поговорить, о чём рассказать, когда подрас-

тёт, вопросы каверзные задавать начнёт.

Не в разврате и мерзком лицемерии малец зачат, от любви, в согласии духовном на свет появился.

Мариночка не в обиде на милого да любого. Замечательный человек Вениамин Андреевич Кулешов. Кто же виноват, что вера и высокие моральные принципы не позволяют ему распутничать. Денег он присылает, слава богу, не скаречничает, её самую время от времени близостью радует.

Каждому бы так в жизни повезло.

Стричься будем?

Люся вышла расстроенная, слегка подшофе после встречи с одноклассниками, где всё-всё с первой минуты пошло совсем не так, как ждала, как надеялась, где на неё единственную никто-никто не обратил внимания, с неодолимым желанием любым способом, причём немедленно, поднять самооценку.

Никто её не выслушал, даже Генка Забродин, с которым, бывало, на переменах целовались в школьном саду за сараем с лопатами и мётлами. А ведь как хотелось открыться, вывернуться наизнанку, вытряхнуть из чуланов души ошмётки ненужного эмоционального хлама, очистить переполненные тайники хранилищ памяти для чего-то нового, уютного, доброго, убедиться, удостовериться, что время одинаково беспощадно ко всем, а не только к ней одной.

Никто не предложил углубиться в романтические воспоминания, которые были, были: никто не обнял, даже по-дружески, никто не пожалел. Причин разгуляться, пойти по бездорожью в любую сторону, пусть даже прыгнуть к первому встречному в постель, было предостаточно, хотя хватило бы просто поплакаться в жилетку.

Болезненный разрыв с мужчиной, которого долгое время называла любимым, в котором растворялась без остатка, накрыл с головой ужаснейшим настроением.

Это нечестно, гадко – использовать и бросить ради какой-то там расфуфыренной фифы, которая даже её сломанного ногтя не стоит, которая палец о палец не ударила, чтобы завоевать чужого мужчину! Молодостью взяла.

– Аукнется ему, аспиду, аукнется! И её туда же, мануфактурщицу. Она же вся надувная, синтетическая, неудачный продукт актёрского мастерства и пластической хирургии.

Гнетущее одиночество среди толпящихся повсюду с кислыми лицами мужчин и женщин, которые безразличны до безобразия всё сильнее подогревало желание немедленно разреветься или прыгнуть, не глядя, в какую-нибудь бездонную пропасть, как случилось однажды в Крыму.

Настроение в то утро было ужасное. С квартирной хозяйкой накануне повздорила, подруга всю ночь на соседней койке убажала прыщавого кавалера, хотя договаривались в самом начале – никаких вольностей, только отдых: свежий солёный воздух, солнечные ванны и море.

Когда начало светать, Люся не выдержала пытки шумным

разворотом, схватила одеяло и пошла в сторону ближайшей бухты, чтобы доспать на берегу.

Как назло, землю накрыл густой солёный туман. То ещё зрелище. Ни до, ни после такого явления видеть не приходилось. Возвращаться назад не было желания: слишком вызывающе дерзко вела себя наглая парочка.

Морской прибой шелестел едва слышно, но направление движения угадывалось. Однако вышла она не к пляжу, а на обрывистый берег. Пропасть под ногами разверзлась неожиданно. Ещё шаг и прыжок в пустоту, на дне которой острые скалы.

Испуг через несколько мгновений сменился паникой (Люся редела, пока горло не сжали спазмы, не в силах развернуться и отойти), потом странным оцепенением и любопытством – что будет, если развести руки с одеялом в стороны и прыгнуть?

Если бы не порыв ветра, заставивший напрячься, чтобы удержать равновесие, кто знает, чем могла закончиться истерика.

Иногда Люся жалеет, что не прыгнула.

Не было бы тогда страданий, переживаний, приклеившейся как банный лист к заду депрессии и вообще ничего такого.

Сегодня ведь выходной – суббота, давно ставший привычным день свиданий, иногда сладкий до невменяемости праздник плоти.

– Не для меня придёт весна, – жалела себя внутренним голосом Люся, – и сердце девичье забь-ё-о-тся... с восторгом чувств... не для меня. Не для меня!!! Вот так вот, Люсьен! А всё почему? Дура глупая потому что, неудачница жалкая. Даже мужика удержать не можешь.

С утра не кончался унылый, совсем не летний дождь, добавлявший настроению целый букет к бесконечному ряду и без того минорных настроений. И нет никого в целом мире, кому она нужна, кто любит, кто ждёт.

Как до обидного странно устроена жизнь: стоит только расслабиться, успокоиться, устроиться поуютнее на надёжном плече любимого, разложить по полочкам милые сердцу романтические мечты, почувствовать свежее дыхание нарождающегося счастья, загадать при удобном случае на упавшую звезду заветное желание... и облом.

В одно мгновение всё это сказочное великолепие по воле

кого-то третьего (о существовании кого ты ни сном, ни духом), рушится, летит вверх тормашками и ты уже не невеста, не любимая даже, а вообще непонятно кто.

В голове докучливыми мушками мелькают совсем некстати нелепые в сложившейся ситуации мысли: выключен или нет утюг, закрыт ли кран, не прокиснет ли грибная подлива, которую в холодильник не поставила, потому, что слишком горячая была.

Чёрт бы побрал отдельную квартиру, налаженный с таким трудом быт, и уют, если нет, и не предвидится даже малой толики удовлетворения от всей этой бесполезной роскоши, если нет в жизни главного – живого общения с ним, с единственным человеком, без которого это всё теряет смысл!

Нет желаний, нет сил, утеряно чувство гармонии, равновесия. Напиться что ли! Вдрызг. Чтобы истощить до предела жизненные соки, чтобы иссохнуть, превратиться в мумию, в абсолютное ничто.

Непонятно как, на автопилоте, оказалась Люся в городском парке.

Праздная публика, палатки, лотки.

Духовой оркестр играл танго “Брызги шампанского”, потом вальсы, вальсы. Парочки неумело танцевали вразнобой.

Смотреть на то, как кто-то умудряется жить в ритме танго, как веселятся, обманывая себя, будто жизнь – это бал, было тошно.

Только ты на него не попал! Не по-пал!

– Я стала старше на один роман, на одного любимого мужчину. Вчера казалось, что сойду с ума,

сегодня знаю – это не причина. Но брошены ключи на круглый стол, и лбами жизнь столкнёт теперь едва ли... Я счастлива, что ты меня нашёл, но горько, что друг друга потеряли...

Зарыться бы в песок, залезть в нору, свернуться клубком, упасть в анабиоз. Как, как ещё вырваться из замкнутого круга?

– Снова вы здесь... и опять грустная, – остановил её размышления старик, выгуливающий беспородного пса, – не желаете составить компанию? Мне одиноко, вы чахнете в беспросветной мгле, не умея отпускать то, что рассыпалось, превратилось в тлен. Вам нужно выговориться. Это помога-

ет.

– Одной проще, – парировала Люся, когда глаза мужчины остановились на её лице.

Женщине показалось, нет, ошибиться сложно, это было почти физическое ощущение прикосновения. Довольно приятное, но совсем некстати.

Обычно в подобных ситуациях Люся смущённо опускала глаза, краснела, а теперь нет. На этот раз она ответила, почти с вызовом, дополняя нескрываемую иронию независимой позой и красноречивой мимикой, словно приглашала принять участие в поединке, в котором намерена лидировать. Это была защитная реакция.

– Ошибочное суждение. Человек в тоске не способен быть одновременно подсудимым, обвиняемым и адвокатом. Необходим третейский судья, на крайний случай просто свободные уши. Например, случайный попутчик. Ситуацию, произнесённую вслух, проще осмыслить.

– Сколько вам лет, дедуля?

– Настолько плохо выгляжу? Сорок три, если данный факт имеет значение. Была проблема со здоровьем, серьёзная кон-

тузия. Издержки профессии. Теперь выздоравливаю. Если убрать полинявшие кудри с головы и всю эту бесполезную растительность на лице, вы меня не узнаете. Позвольте представиться – Анатолий Романович Шершнёв. А это Сальва-тор, мой компаньон, друг и спаситель.

– Вы военный?

– Геолог. Теперь молодой пенсионер. Я так понимаю, предложение исповедаться принято, так?

– Допустим. Начните с себя.

Душевная усталость таяла на глазах, растворялась в заинтересованном мужском взгляде. Распирающее изнутри напряжение, от которого так противно дрожат внутренности, не беспокоило отчего-то или притаилось. Привычные болезненное состояния вытеснило желание немедленно расплакаться, но совсем не от беспомощности, обиды или жалости к себе – от восторга, от внезапно нахлынувшего желания жить, непонятно откуда залетевшего вдруг.

Старик неожиданно начал как бы молодеть: взгляд и голос выдавали возраст.

– Ты же мечтала поплакаться в жилетку. Лови момент –

рыдай, сколько влезет, – подумала Люся.

– Хотелось бы знать, как обращаться к столь печальной и трогательно скорбной юной особе.

– Не такой уж юной. Скоро вас догоню. Люся... Малыгина, мама звала Милой. Но её больше нет. У меня вообще никого нет.

– Жаль. Очень жаль! Но это не повод для уныния. Буквально во всём можно при желании обнаружить позитивное начало, стимул начать карабкаться наверх, к звёздам. Не находите, перспектива объединить усилия в борьбе за счастливое будущее – замечательный повод познакомиться?

– Вы, Анатолий Романович, или знатный плут, или неисправимый альтруист. Сознаться – вы ко мне клеитесь.

– Помилуйте, Милочка, простите за тавтологию, я из лучших побуждений. Хотя, доля коварства имеет место быть. Скучаю, нуждаюсь в общении. А тут вы, как нельзя более, кстати. Такая, знаете ли, волшебная, в очаровательном, печально-романтическом образе несчастной чеховской героини, как бы умудрённой опытом, вкусившей нечаянные плоды духовного и физического опустошения, отчаяния, досады. Вот и подумал: я помогу вам разобраться в себе, вы пода-

рите радость живого общения мне. По-моему обоюдная выгода.

– Если отбросить выпадающий даже в самой прозрачной жидкости осадок. Боязно, если признаться честно, впускать в душу постороннего. Уж не хитрите ли вы меня, не плетёте ли интриг?

– Поклёп. Прозрачен и чист. Порочащих семейных и прочих связей не имею. Хронически холост, с того самого дня, когда некстати вернулся домой с очередных полевых изысканий. Найденное в супружеской постели ископаемое добывать и добывать не стал. Отпустил вместе с женой в свободное плаванье. Что мы всё обо мне, да обо мне. Речь о том, чтобы излечить ваш, милочка, смертельный недуг. Итак...

– Давайте определимся – какой кристалл вы намерены отыскать, на какие плюшки претендуете?

– Не я, вы! Начнём с внешности. Вы ведь комплексуете по этому поводу?

– И да, и нет. Кое-что, конечно, не всё, мне в себе нравится.

– Согласен. Могу обрисовать вкратце ваши сильные сто-

роны: необыкновенной глубины глаза, это бесспорно, породистый профиль, ямочки на щеках, уши – необыкновенно сексуальная деталь. Зря вы их прячете. Открытый лоб...

– Вы геолог или стилист? Я начинаю вас бояться.

– Всё, больше не буду. Весь превращаюсь во внимание. Можно взять вас под ручку?

– Прекратите меня сканировать, я чувствую себя неудобно, неловко. Собственно, чего рассказывать? До обидного банально. Мы – ровесники. Полтора года вместе. Он уже был женат, я – нет. Строили совместные планы, обживались. На моей территории. И вдруг она. Что меня дёрнуло прочесть запись в его дневнике – ума не приложу. Я ведь не прикасалась никогда к его личным вещам.

– Жизнь – череда совсем неслучайных случайностей вполне определённой направленности, которую мы сами притягиваем: мыслями, поведением. Желаниями.

– Тетрадь упала, когда я прибиралась, открылась на той злополучной странице. Я подумала, что это рассказ, он ведь пишет иногда... и стихи тоже. Но там были даты, детальные описания настроений, обстановки, рассуждения, в которых Антон откровенно, цинично сравнивал её и меня.

– Это могло быть фантазией, выдумкой. Творческие натуры непредсказуемы.

– Если бы не ушёл к ней. Совсем. Теперь дайте выговориться. Это так гадко, так обидно. Да, она моложе, но физическая привлекательность и страсть – ненадёжные, недостаточные аргументы. Мы ведь притереться успели, научились сотрудничать, уступать.

– Мечтаете вернуться в прошлое?

– Ни за что! Слушайте, что было в дневнике. Это случилось у его друга, который пригласил Антона в гости, а сам уехал встречать жену в аэропорт. Теперь мне кажется, что это была инсценировка. С какой целью – непонятно, но объяснить появление в доме друга девушки без комплексов случайностью, не получается.

Насколько я понимаю, в доме был бассейн. Антон сидел на веранде к нему спиной, случайно бросил взгляд на зеркальную стену. Девушка вылезла из воды абсолютно нагая. С чего бы это, она не знала, что в доме гость?

– Да, странно. Возможно, она вашего жениха не заметила.

– Допускаю. Дальше шло эмоциональное, насыщенное эротическими переживаниями описание, за точность которого не ручаюсь. У меня есть скан этих страниц. Хотела сжечь, но не смогла. Меня, писал Антон, неожиданно встретило гулкое биение сердца. Как вам такое?

С тех пор как мы с Людмилой стали жить вместе, эта странная вспышка, необъяснимое волнение при виде чужой, совершенно незнакомой женщины, случилась впервые. Я ведь не мальчишка: женат был, откровенных роликов до одури посмотрелся и вдруг такая странная реакция.

Захотелось разглядеть девчонку конкретно, если не сказать больше – дотронуться, вдохнуть аромат юного тела, от чего стало немножечко стыдно, но по телу пробежала серия сладких волн, извиняющих подобное поведение.

Я ведь не напрашивался. Она сама.

До девчонки было метров пять. От силы семь. Каждая деталь, каждая подробность – словно под микроскопом.

Было мимолётное желание отвернуться, было. Но прошло, испарилось. Я не смог... не сумел оторвать зачарованный взгляд от упругой груди с яркими миниатюрными сосками, покрытой гусиной кожей, от плавной линии рельефно

обозначенного животика, от расслабленной, вызывающе соблазнительной позы, от вида стройных ножек.

– Нормальная мужская реакция, не находите? Не могу ручаться, что на меня подобный стриптиз произвёл иное впечатление. В данном случае решение принимает совсем другой мозг, который не думает – действует.

– Вот и вы туда же. Обидно! Зачем я тут перед вами нагишом танцую, если вы все такие?

– Не нагнетайте. Возбуждение, даже желание – отнюдь не измена. Нормальная для здорового человека физиологическая реакция. Подчиниться ей или нет – другое дело.

– Да, тогда слушайте! Неловкая непристойность момента, пикантная кокетливость наклона тела, открывающая пытливому (вот какому!) взгляду те притягательные интимные детали, которые принято скрывать от посторонних.

Она была прекрасна, если не сказать больше: молодость, беспечно-наивная естественность, скульптурная незащищённость якобы случайного обнажения – всё вместе давало воображению бескрайнее пространство для изобретательной фантазии.

Ловко встряхнув головой, пригладив волосы, назад девушка лукаво посмотрела в мою сторону, делая вид, что не заметила. Но я точно видел вызов в её озорных глазах.

И не ошибся.

Чай остыл. Девчонка ещё некоторое время покрутилась и исчезла.

Воображение живее реальности дополнило картинку. Я её хотел немедленно, прямо сейчас.

Говорят, что желания материальны, что энергии страсти может оказаться достаточно, чтобы добыть чего угодно.

Материализовать желание, да-да, мне удалось! Девочка-видение с полотенчиком в руке вышла из двери в противоположном конце веранды всё в том же незамысловатом виде – как есть. На ней ещё сверкали капельки воды. Она нисколько не смутилась.

Кажется, я влюблён.

– Достаточно. Я не гурман. Значит, описание этой завораживающей серии вы прочитали полностью, причём не единожды. Впечатляет. Но ведь это похоже на сцену из фильма для взрослых: пришёл, увидел, победил. Диагноз: сей выю-

ноша – бабник. Вам не о чем жалеть. Возня под одеялом не имеет отношения к любви. Он не из тех, кто дорожит отношениями.

– Согласна. Такие страсти бушевали на нескольких десятках страниц. Но ведь вы сами сказали, что поступили бы так же. Если это действительно так – зачем кривляться?

– Кто инициировал развод?

– Он. Я бы не решилась, честное слово. Я простила его, простила, простила!

– Вот оно что. Наверно так поступила в своё время ваша мама. Это помогло ей стать счастливой?

– Откуда вы знаете? Нет, нет-нет! Папа вернулся, потом снова ушёл, потом опять вернулся, потом влюбился в другую женщину.

– Печально. Есть желание повторить сюжетную линию дешёвой романтической саги мексиканского разлива?

– Какую?

– Туда, сюда, обратно. Американские горки, карусель, ко-

лесо обозрения. Атракционы любите?

– Вовсе нет. У меня даже от хоровода голова кружится.

– Тогда забудьте. Если невеста уходит к другому, то неизвестно, кому повезло. Касаемо женихов эта сентенция тоже в силе. Остаётся вопрос – ваш мужчина никогда и ничего от вас не прятал? Как предельно интимный документ оказался на столе в открытом доступе? Сдаётся мне, что он подsunул дневник намеренно, а это совсем другая история. Вы уверены, что соблазнительница, тем более, настолько общительная, совсем без комплексов, существует в реальности?

– Уверена. Мало того, она довольно агрессивно настроена. Приходила эта милая крошка со мной разбираться, грозила расправой. Мне показалось – она не шутит.

– Надо же. Обычно такие особы быстро с борта соскакивают, разнообразие уважают, на взлёте дичь стригут, но со сложностями не связываются. Чем же Антон вызвал столь энергичный выброс адреналина у богини грёз? Может, богат не в меру, а вы не знали?

– Куда там. Антоха всегда на подхвате. Исполнитель. Неплохой надо сказать, добросовестный профессионал, но без искорки. Его потолок – пятьдесят тысяч. Рублей. Там

что-то другое.

– Вот, вы уже здраво рассуждаете. А надо ли, полезно ли знать, каким мёдом мажут ловушки для мух? Пусть сами разбираются. Мороженое любите?

– Это про ловушку?

– Чувство юмора на месте, рассудительность в норме. Вы почти здоровы. Готовы ли выслушать всю правду о себе?

– Смотря какую.

– Какую предпочитаете? Был бы я малость храбрее – обязательно влюбился бы. Честное слово, вы обаятельная, вы красивая.

– Моментом пользуетесь, купоны стрижёте? Подайте бога ради, мы тут не местные, хлеба кушать хотим. Угадала?

– Грех смеяться над стариком. Я и жениться готов. Ей бо!

– Вот значит как! Я вам помогу, вы – мне. Ага! Альтруизм оказался ширмой, дымовой завесой для нападения, для агрессии.

– Да ладно, шучу. Что я с ума сошёл что ли, в первую встречную влюбляться? Но уши у вас, правда козырные, а губы... губы и вовсе самые-самые. Да-а! Но, кто в здравом уме на ушах женится!

Люся покраснела до кончиков волос, набычилась, – мне тоже есть, есть, что про вас сказать.

– Рубите правду-матку, Милочка! Поделом мне. Про голос ангельский и походку лебяжью молчу. Не по статусу мне с такой дамой под ручку ходить, не то, чтобы в губы целовать или до роскошных волос дотронуться.

– Я на вас не сержусь, Анатолий Романович. Хотела, но не выходит. Честно-честно. Знаете, мне уже не хочется Антона возвращать. Ниточка какая-то внутри лопнула, даже не заметила, как и когда. И замуж я... согласна. Да-да! Думаете, трусиха, так нет. Предлагайте!

– Вот так, сразу?

– Желаете, аукцион провести, цену набиваете?

– Такая вы мне ещё больше нравитесь. Я другой реакции ожидал.

– Не соскакивайте с темы. Испугались, да!

– У вас кофточка красивая. И грудь удивительная. Мой любимый размер.

– Зубы заговариваете?

– Любуюсь. Мечтаю. Пытаюсь представить вас в интерьере своего скромного жилища.

– Не вписываюсь?

– Ого, вы уже нападаете. Ещё пара минут и смыться не удастся.

– А я почти поверила. С вами так легко. У меня ощущение, что никто меня не бросал. Совсем никто. Я сама его отпустила, я вас ждала. Всю жизнь.

– Так, что-то пошло не так. Это я, я должен клясться в любви, я должен просить руки, уговаривать. Если так дальше пойдёт, со стыда провалюсь куда-нибудь. Давайте забудем и начнём сначала.

Анатолий развернулся, неуверенно, словно боялся чего-то, дотронулся до кудряшек, – тёплые, пушистые, мягкие.

Можно, я уши носом потрогаю?

– Носом?

– Вот именно.

У него был странный взгляд, с каким-то лихорадочным блеском.

– Ну, если носом...

– Борода, знаете ли, каляется. Вот сбрею, тогда...

– А мороженое когда? Почему уши? И причём здесь тёплые волосы?

– Не знаю. Просто так. Такие малюсенькие, такие прозрачные, такие милые, беззащитные ушки. Знаешь, бывает так (только не у меня), когда всё-всё вокруг плывёт, вращается, а ты смотришь со стороны, понять ничего не можешь, потому, что хорошо, потому, что здорово, а ты как бы совсем не причём. Оглядываешься – причём. Накуролесил. Сам не понял, чего и как, а счастлив. Дай, я тебя поцелую.

– Боязно. А обманешь?

– Не, не теперь. У меня земля из-под ног уходит. С вами, с тобой... такое бывает?

– Было. Теперь не знаю. Но вы... ты... мне нравится. Не пойму, чем. Просто так. Чем я теперь вам обязана?

– Обижаете, сударыня. У меня предложение странного характера. Сейчас мы идём в парикмахерскую. Меня стригут, вы наблюдаете за метаморфозой, за процессом превращения куколки в бабочку. Понравлюсь – я ваш, нет – буду планировать без парашюта с десятого этажа. И всё. Согласны?

– Давайте сначала коньячку накатим, чтобы наверняка. Я ведь тоже ничего толком не пойму, словно в компьютере кнопки нажимаю.

– А если...

– Плевать! Помните как в сказке – куда стрела упадёт.

– Это жестоко. Я не позволю вам рисковать будущим. В конце концов, вы мне не чужая.

– Объяснитесь!

– Я вас люблю!

– Странно. Мне кажется – я вас тоже.

– Стричься будем?

– Даже не знаю теперь. А вдруг...

(В тексте использованы стихи автора с ником в сети – Горькая Девочка)

О, женщины!

Держать себя в руках – удел мужчин,

А мне не стоит этим так морочиться.

Я женщина! Есть миллион причин,

Чтоб быть такой, как сердцу хочется!

Чеколаева Светлана

Меня никто не провожал. Были на то объективные причины.

В вагоне было душно, но чисто.

Я никогда и никуда не ездил один с тех самых пор как встретил её, Лизу: наивную, простодушную, восторженную девчонку, про которую с обожанием и трепетом говорил, – прелесть, какая она у меня дурочка!

Девочка моя была волшебно хороша: хрупкая, незащищенная, впечатлительная, ранимая, чувствительная и пылкая, доверчивая и романтическая, мечтательная и наивная, подат-

ливая и безотказная.

А ещё... ещё она была робкая, но в меру любопытная, чувственная, сентиментальная, немного капризная, деликатная, и в то же время удивительно деятельная. И это ещё не всё: несмотря на внешнюю неприметность, юношескую угловатость, в неё невозможно было не влюбиться, потому что Лиза излучала некий загадочный свет и умела им щедро делиться.

К сожалению одного меня ей оказалось недостаточно.

Когда влюблённость бесцеремонно набрасывается на нас, похищая возможность мыслить логически, когда стремительно врывается в сердце, мы утрачиваем способность отказывать в чём-либо объекту обожания, перестаём глубоко-мысленно рассуждать, сомневаться. Что бы ни спросила любимая – ответ будет один, – да, да и да! Всё, что угодно – да.

Это было давно, в другой жизни, длившейся бесконечно долгие семнадцать лет, которые вместили в себя целый мир.

Пока я восхищался совершенством божьего творения, рефлексировал, создавая из самой обыкновенной, в меру симпатичной и скромной девушки, посылавшей провокационные по характеру, сканирующие по сути знаки внимания, вообразимый, сотканный из добродетелей, изящества и про-

чих достоинств образ, размышляя, стоит ли увлечься прелестницей всерьёз, она уже приняла за нас двоих решение, даже больше – распланировала дату зачатия, имя первенца и дизайн детской комнаты.

Спротивление было сломлено серией томных взглядов и демонстрацией снисходительного целомудрия.

Любовь, предполагающая серьёзные отношения и персональную ответственность, во многом похожа на азартное участие в экзотических аттракционах в парке развлечений. Если нет соответствующего навыка, если слаб здоровьем, экстремальный заезд начинается волнительным предвкушением, восхитительным ощущением невесомости, опьянением скоростью виражей, восторгом эмоционального потрясения, переходящего довольно скоро в ощущение беспредельной тяжести в желудке, в потерю ориентации, головокружение и рвущуюся изнутри тошноту.

Не дано нам, человекам, испытать или понять в любви всё и сразу: слишком много тепла и энергии выделяется в процессе реализации божественного замысла, слишком много эмоций, адреналина, страсти.

Поторопись – сгоришь дотла, даже вспомнить не о чем будет. Чувства беречь, экономить нужно, чтобы надолго хва-

тило, ещё лучше навсегда.

Все стадии игры в брак, начиная с карнавального медового шествия, заканчивая скандальным выворачиванием внутренних семейных отношений, были нами пройдены.

Однажды Лиза с равнодушием в голосе произнесла, пряча при этом взгляд, – извини, я тебя разлюбила. Нам нужно расстаться, – как будто нажала по-хозяйски кнопку выключателя, уходя ненадолго из дома, чтобы не тратить зря средства на оплату освещения.

А ведь ещё вчера всё было иначе. Разве я мог в одно мгновение забыть её голос, нежные поцелуи, сводящие с ума, лицо, прикасающееся к горячему до щекотки дыханию: не задохнуться бы от избыточного желания, не ошпариться от душистого, трепетно-влажного обожания.

Как это – разлюбила, после стольких счастливых до безобразия лет?

Даже если так – к чему расставаться? Можно же договориться, обсудить варианты.

Но, нет, всё, что принадлежало мне на правах супруга, было экспроприровано, изъято.

Я мужчина, но эмоциональный, чувствительный. Слезы, когда никто не видел, как бы нехотя вытекали из моих глаз, засыпая рядышком на подушке. Не было сил переживать о несбывшихся мечтах, пустых надеждах, страдать, создавать желанную, оттого ещё более болезненную иллюзию казавшегося незыблемым счастья.

Со временем я немного успокоился, но в тайниках души всё ещё происходило волнение.

Дети наши к тому времени подросли, но понять, осмыслить что произошло, не смогли, или не захотели: предъявили, как им казалось объективно обоснованный иск по поводу хронической нелюбви. О, как!

Претензий оказалось бесконечное множество: если бы вы... если бы меня... да вы никогда... и вообще – кто вам позволил! Именно потому мы несчастные, закомплексованные со всех сторон неудачники!

Спорить бесполезно: мы в своё время думали приблизительно так же. Каждое следующее поколение мнит себя умнее предыдущего.

Нет ничего удивительного в том, что я надолго выпал из

реальности, подорвал духовное и физическое здоровье, которое и ехал поправлять на моря.

Береговой прибой шумел у меня в ушах, когда я рассматривал происходящее на перроне.

Море я любил беззаветно, детей возил ежегодно на побережье несмотря ни на что, даже если приходилось влезать в долги и выколачивать из начальства недостающие дни отпуска за свой счёт.

Возвращались с юга мы, как правило, без копейки денег, но неизменно в приподнятом настроении. Дома нас ждала батарея молочных бутылок, сдав которые можно было прожить до аванса или до материальной помощи, в которой редко отказывали отпускникам.

Всё было привычно: шумные носильщики, стопки чемоданов, вежливые проводники, в меру возбуждённые пассажиры и провожающие.

Необычно было видеть чересчур эмоциональное прощание молодой парочки. Создавалось ощущение, что они расстаются навсегда.

Девушка плакала, вешалась мужчине на шею, подставля-

ла для поцелуя то губы, то шею, то грудь. Огромный букет мешал расставаться. Рассыпанные по плечам волосы лезли в лицо, по которому грязными потёками стекали струйки туши. На щеках и рубашке мужчины красовались отметины губной помадой.

Воркующие так нежно влюблённые привлекли всеобщее внимание.

Я им завидовал.

Когда-то и мы с Лизой были единым целым, разве что цветы дарить, у нас не было принято. Она – девушка из многодетной семьи, я – рациональный, практичный, знающей цену заработанной копейке инженер.

Любовь исчисляется не хризантемами да розами, тем более что цветами в горшках в нашем уютном доме были заставлены все подоконники.

Не знаю почему – срезанные цветы мне всегда было жалко. Я предпочитал дарить стихи, свои и чужие. Например, такие, – хочешь, коснусь легонько твоих волос? Смятые простыни, в чашке остывший чай, – доброе утро, – выдохну, – как спалось? Сладко потянешься: тёплый, родной насквозь, и улыбнёшься, – ладно, не отвечай. Хочешь, ладонь в твою

положу ладонь, переплетая пальцы, слегка сожму? Сильный, чудесный, ласковый, молодой, словно рождённый под золотой звездой! Ладно, молчу. Я просто так – ни к кому... хочешь, дотронусь впадинки у виска, тихо губами глупости нашепчу? В горле волной горячей, совсем близка, дикая нежность. Чтобы не расплескать слепо замру, услышав твоё, – хочу!

Мужчина едва удерживал огромный букет крупных белых роз. Если разделить его по цветку – можно было бы одарить всех проводниц в составе и украсить головной вагон.

Провожающего не волновали все девушки мира: он влюблён в одну – самую-самую, несмотря на то, что она не красавица: чересчур худа, выше на голову, одевается слишком броско, покрашена довольно безвкусно.

Интересно, что бы ответил он, как отреагировал, скажи ему такое?

Проводница торопила.

Так грустно было смотреть на слившиеся в последнем поцелуе, замершие, вросшие друг в друга тела.

И всё-таки им повезло больше: они ещё встретятся – стоит

только подождать, чего нельзя сказать о нас с Лизой.

Девушка едва пролезла с цветами, которые держала одной рукой, между проводницей и поручнем. Другую руку не отпускал молодой человек.

– Приедешь – отзовишься. Люблю-люблю, люблю!

Он долго бежал за составом, махал руками, посылал один за другим воздушные поцелуи.

Смотреть на девчущку было больно. Она рыдала, размазывая остатки косметики по лицу.

Букет едва уместился на столе.

– Возьмите влажные салфетки, – пожалел её я, – туалет не скоро откроют.

Попутчица шумно всхлипывала, застенчиво прятала взгляд: кому понравится, когда тебя рассматривают в таком неприглядном виде?

Проводница принесла трёхлитровую банку с водой, – какая любовь, какая любовь! Вам так повезло. Удивительные чувства! Жених?

Девушка не ответила. Ей было не до нас.

Я так и не познакомился с ней, хотя очень хотел посочувствовать, выразить своё отношение. Попутчица, молча, переделась, застелила постель, и всю дорогу лежала, укрывшись с головой, лицом к стенке.

Её состояние давало повод задуматься: о любви и ненависти, о преданности и искренности, о скоротечности всего сущего, о молодости, наградой которой является такая пылкая любовь.

Мне было, о чём вспомнить.

Я тоже любил.

К счастью взаимно.

К сожалению, отвергнут в финале, не успев состариться.

Кто знает, куда исчезает любовь, почему и в чём растворяются возвышенные чувства.

Время в пути пролетает незаметно, чему способствуют смена пейзажей, особенный, с запахом дыма чай в музыкаль-

но дребезжащих подстаканниках, шумное общение пассажиров, ритмично убаюкивающая тряска, мерный перестук колёс на стыках рельс, ожидание скорого прибытия, мысли о море, предвкушение чуда общения с природой и климатом из другого, южного мира.

Вот показались пригороды Симферополя. Ещё немного и разбредёмся, кто куда, забудем, что ехали, общались, переживали вместе.

У каждого свой путь, своя цель.

Печальная девушка так ни с кем и не общалась. Да это и понятно. Расставание – маленькая смерть. Конечно, ей лихо.

Незадолго до прибытия пассажирка оживилась: тщательно массировала шлепками лицо, шею, грудь, накладывала многослойный макияж.

Девушка умело пилила и шлифовала ногти, накладывала на них ярко-алый лак, придирчиво расправляла складки полупрозрачного платья, причёсывалась, вновь и вновь всматриваясь в зеркальное отражения себя.

Жизнь продолжается. Разве может быть иначе?

Не рыдать же она приехала в солнечный Крым.

Нужно и мне, наконец, забыть про свою, теперь уже совсем чужую Лизу.

Пусть ей повезёт. Я ещё не стар. На море так просто знакомиться. Кто знает, кто знает, может быть, и я невзначай найду свою судьбу.

Печальная девушка просветлела вдруг взглядом, расцвела, покрылась нежным румянцем. Сквозь макияж проступила загадочная улыбка.

Она начала пробираться к выходу одной из первых.

Какая у неё была энергичная, свободная походка, какая амбициозная стать!

– Букет, – восторгнулся я, – вы забыли букет!

Дама смерила меня неприязненным взглядом, смысл которого сложно было уловить, – заберите себе!

– Ладно, ладно, как скажете. Я думал...

– Люсенька, любимая, – подхватил её, закружил, не обра-

щая внимания на выползающих из вагона пассажиров, жизнерадостный молодой человек с огромным букетом алых, под цвет маникюра загадочной прелестницы, роз, – как я соскучился! Устала?

Он целовал её, целовал, целовал! Девушка визжала от восторга.

Я застыл в оцепенении, не понимая, что происходит: когда она настоящая, кого любит, с кем играет?

Может быть, и Лиза... сама не понимает, чего хочет?

О, женщины!

(Стихи Марины Фольмер)

Нужное направление

– Чёрт возьми, – возмущалась про себя Марина Сигизмундовна Селезнёва, ошарашенная до крайности непредсказуемым действием шальных для её зрелого возраста гормонов после нескольких рюмок аперитива, выпитого в компании скаредного и лениво-безвольного любовника, сбежавшего, увидев счёт, прямо из ресторана, – скотина, импотент, моральный урод! Сам ведь пригласил.

Она ожидала от этого вечера в пятницу чего-то необыкновенного. Мужчина выглядел интеллигентным, породистым, ухоженным, смелым.

Как иллюзорен, как циничен мир!

Душа невыносимо, до рассеянных влажных галлюцинаций, до искажённого восприятия действительности жаждала сентиментальной романтики, тесного общения и горячего, до помутнения в мозгу секса, но не просто так – как минимум по обоюдной симпатии.

– Отчего мне так беспокойно, так грустно сегодня? Я так долго живу и ничего, по сути, не познала, кроме стремления всегда и для всех быть хорошей, лучшей. И чего добилась?

Шиш с маком, вот чего! Должность главного экономиста и квартира в элитной новостройке не в счёт. А я хочу!

– Хочу бегать как раньше на высоких каблуках, оголять, без опасения выглядеть душой, стройные ножки, до самой... вот именно, до неё, родимой. До сих пор мечтаю выставлять напоказ тугую, как в семнадцать лет грудь с пробивающими насквозь лёгкую ткань одежд сосками. Почему, нет? Хочу жрать этот грёбаный бездуховный мир, стремящийся к энтропии и хаосу вместе с чёрной икрой и белыми итальянскими трюфелями за тысячу баксов за порцию огромными ложками. За счёт благодарных любовников, естественно: ведь я не просто дуручка с переулочка, я настоящая леди!

Что с того, что со мной поздоровался преждевременный климакс, что у меня нет детей, мужа, разве это приговор?

Хочу пить с молоденькими воздыхателями прямо на работе винтажное полусладкое шампанское, плевать на начальство с высокой колокольни. Хочу вон того плечистого мальчугана. Прямо сейчас.

Пусть все завидуют!

Марина Сигизмундовна дьявольски элегантно вскинула руки к небу, распрямила спинку, выпятила слегка сдувшуюся-

ся с годами грудь и поскакала как в детстве с одной ножки на другую, вприпрыжку, босиком, что оказалось совсем непростым развлечением для её сорока трёх лет.

Утомившись, дама вдруг остановилась, задумчиво прислонила пальчик к губам, после чего уверенно задрала до того интимного места, о котором недавно вспоминала, подол, не совсем правда маленького, но определённо чёрного платья (обязательный для каждой уважающей себя женщины аксессуар).

Смелый поступок, если учесть, что ночная жизнь в городе не затихает ни на минуту.

Марина ловко сдёрнула с себя ажурные, специально для сегодняшнего randevу приобретённые в дорогом бутике эротические трусики, эффектно помотала их на указательном пальчике и задорно шмякнула их об асфальт.

– Нам ли, красивым бабам, быть в печали! Так лучше. В молодости я ещё не такое вытворяла.

Сладкое томление внизу живота напомнило о том благостном времени, когда безнаказанно, без неприятных последствий можно было забавляться любым доступным способом, даже стриптиз танцевать без ущерба для репутации на банкетном столе и бюстик бросать на удачливого.

Глупые выходки на вечеринках и откровенная интимная агрессивность лишь добавляли очки в копилку элитарной эксклюзивности на тесном эротическом олимпе. Когда-то её благосклонности добивались многие. Марина придиричиво выбирала, предпочитая состоятельных и надёжных партнёров с развитыми мужскими инстинктами и сильным либидо.

Что изменилось, кроме прожитых лет? Ни-че-го!

Отчаянная удаль захлестнула её горячей волной, увлекла, ослепила, вскружила голову.

Ночь была такая прозрачная, такая заманчиво тёмная и томная, такая впечатляюще очаровательная. Именно в такие волшебные ночи, с мириадами ярких звёзд на безоблачном небе особенно хочется быть счастливой.

Как чувственно струился нежнейшим шёлком по её прекрасным изгибам сумрак, разбрасывая подвижные тени, заигрывая с контурами силуэта. Да-да, Марина прекрасно помнила, каким щенячьим восторгом загорались мужские глаза, стоило ей лишь намёком обозначить своё присутствие, не то, что выразить откровенное желание или затеять игру в соблазняющий флирт.

Назойливо-кокетливые мысли возбуждали желание доминировать, блистать, в худшем случае отдаться без каких-либо условий, на волю победителя. Которого назначит сама.

Всё смелее перетекали шальные озарения вздымающимися как мужская потенция пенными волнами из одного полушария в другой и обратно, высвечивая с безумным остервенением накинувшийся на неё вдруг любовный голод.

Жизнь – необъяснимый, непостижимый в логическом ракурсе парадокс: когда всё можно – ничего не хочется и наоборот.

Когда судьба вместо праздника жизни предлагает задуматься о бренности всего сущего, на передний план выступает стремление послать её далеко и надолго, – не дождётесь! Я ещё ого-го!

Лучи автомобильных фар и жёлтый мигающий свет уличных фонарей выхватывали из темноты её обтянутое во всё чёрное, вполне привлекательное издалека рельефное тело с позолоченными руками и ногами, расставленными как при морской качке.

Марина казалась себе чертовски привлекательной, но искусственный свет извращает до неузнаваемости даже совер-

шеннейшие пейзажи, безжалостно круша действительно сказочные иллюзии, чего уж говорить о сливающейся с мраком ночи застывшей фигуре, лишь контурно напоминающей женский силуэт.

В такое позднее время кому вздумается махать на дороге руками?

Её заметили, оценили, но совсем не так как она мечтала. Совсем не так.

Женщина нуждалась в приключениях и страсти, жаждала признания, обожания, симпатии. И незамедлительно получила всё, что хотела, даже больше: её купили. С потрохами, за дешёвую копейку, нисколько не скрывая потребительских симпатий.

– Приземляйся, волшебная. Почём нынче любовь?

– Понятно, ты новенькая. Ничего, договоримся. Падай, осваивайся!

Блеск в её лукавых глазах всегда освещал мужчинам нужное направление.

Машина была дорогая. Внутри пахло элитным парфю-

мом. Мальчишки выглядели широкоплечими, взрослыми, пожившими.

– Замечательно, крошка. Да ты уже мокренькая! Определённо, ты ждала нас.

Марина Сигизмундовна нервно расхохоталась, – пусть так, мальчишки! Если на всех озабоченных дам не хватает принцев, приходится довольствоваться их белыми жеребцами. Прикольно! Так я ещё не развлекалась. Можно вопрос?

– Валяй!

– Вы совершеннолетние?

– Не бери в голову, крошка. Сама увидишь.

Особая миссия

Не каждому удаётся в нужное время родиться, в нужном месте. Мне как-то сразу не повезло: родитель мой родом из шахтёрского городка, к сивухе пристрастился раньше, чем грамоте выучился. Где его маменька откопала – ума не приложу.

Драл меня, почём зря, сатана, наверно с самого рождения. Без разницы ему было – за дело или так, руки деть некуда.

Любимой поговоркой отца было, – учить надо, пока ничего не натворил. Когда напакостил –исправлять и расплачиваться поздно. Для профилактики и правильного образования мальцу шрамы на заднице жизненно необходимы, чтобы честь блюл и отца помнил.

Я ему не очень-то давался, особенно когда хмельной куражился – убегал, куда подальше, так с дядькой Василием и познакомился.

Мамка говорила, что любит отца. Было бы за что. Скуластый, как татарин, худющий, с бородищей и рыжими вихрами, на тоненьких ножках.

В споре с маманей у него один аргумент – кулаком в глаз и вожжами, пока не притихнет. Потом обхаживает, – любушка моя, цветочек аленький. Тьфу! И прячутся в дальней горнице.

Мамку жалко. У меня мечта была: когда вырасту – его, супостата, от души выдрать, чтобы визжал как поросёнок и пощады просил.

Вечно родителям некогда было. Я как гриб рос, что в межах вдоль огородов вылезают при любой погоде – сам по себе, лишь бы дождик поливал.

Со сверстниками мне было неинтересно. Настрогают мечей, тетиву на луки натянут и играют в Робинов Гудов. Или кораблики из бумаги по ручьям пускают. Мелюзга. Им бы по чужим огородам шарится, словно своей репы да морквы не хватает. Скукотища с ними.

Отец, то в лаве, то вино с собутыльниками хлещет, то картоху окучивает, ещё чаще за печкой на топчане храпит.

Матушку я вовсе по неделе не видел. Проснусь – её уже след простыл. За трудодни горбатилась. А дома хозяйство: поросята, гуси, огород от задов дома до самого леса. С меня какой помощник? А бате, чаще всего недосуг.

Короче, некогда им было меня уму-разуму учить. Был бы сыт да обут.

Вот я и пристрастился у перевозчика, дяди Василия, науку жизни постигать. Сначала, чтобы время скоротать, пока прятался, потом во вкус вошёл. Он и был тогда моим единственным другом.

Василий про всё личное мнение имел, обо всём знал, даже о том, чего в учебниках нет. С ним было здорово, интересно. И разговаривал он со мной не как с недорослем, как с взрослым. Мужиком называл, за руку здоровался.

– С капиталом, с огородом да собственной хатой, Федька, любой чудака счастливо проживёт. Никакой, Федька, романтики в сытой жизни быть не может. Ты как я попробуй, сквозь бурелом да скалы к свету пробиться. Отца у меня отродясь не было, мамку почти не помню. Улица меня воспитала. Помню, волосы у маменьки были густые прегустые. По самую, совсем как у Маньки Спиридоновой, по самую филейную часть, даже ниже. Светлые волосы, мягкие, душистые, Молоком от неё пахло и мёдом. Как тебе Манька-то, малец? Фигуристая, бабёшка, аппетитная, аж зубы сводит. Словно яблочко наливное. С какого бока не надкуси – сладко. Я б её с великим усердием приголубил! В бабе чё самое

для мужика главное – титьки тугие да огузок наливной. И чтобы понятливая была. Молчи. Рано тебе о сурьёзной любви думать.

Дядька был сексуально одержим неземным женским совершенством. Особенно его вдохновляли молодые бабы с высоким бюстом и шикарным задом, но чтобы обязательно талия прощупывалась. От таких прелестниц он глаз отвести не мог.

В те года такие темы даже с друзьями не обсуждали, считали постыдным, грешным, а Василий запросто мог по полочкам разложить любой женский образ, не чураясь предпочтений.

– Умей я картины писать – Октябрину Малыгину первой нарисовал бы. У ей в грудях и вообще везде столько роскошного содержимого! О чём я с тобой толкую! Дал же бог бабе наружность и стать как у благородной дамы, даже лучшее. Повезло мужику ейному – ни в сказке сказать, ни пером описать. Ну да ладно. Разболтался я чтой-то. Баб надуть любить стройных, но в теле. Усёк? О-о, Авдотья Пронина дефилирует. Именно то, что нать. Подкатить что ли? У меня, Федька, на такой случай шарфик шёлковый припасён и дикалон-духи с запахом ландыша. А чё, я мушщина хоть куды, ко мне в постелю любая краля прыгнет не глядя. Тебе это ни к чему,

к молоденьким покудова приглядывайся. Я в твои годы любил девок разглядывать в сарафанах цветастых, чтобы ниже груди подвязка была и колени голые. Как подумаю, что за пазухой у ей антоновки спелые, слюни, брат текут. Да, а палтреты писать я так и не выучился, хотя наставник, был у меня, наколки за большую копейку такие малякал – от оригинала не отличить. Одно слово – художник .

Говорить о непостижимой гармонии женского естества дядька Василий мог сколько угодно. Для меня, недоросля, это было равносильно тому, что в Африку на сафари слетать. Меня тогда самого эта тема волновала, но глаза окончательно только Василий раскрыл.

Была у нас в посёлке девчонка, Фрося. Долговязая, с расплывшимся лицом и сутулой фигурой. Та совсем ни с кем не дружила, не в себе была. Зато за пригоршню семок или пару леденцов могла штаны спустить, продемонстрировать, что у ей между ног не так, как у нас, пацанов.

Тогда я не понимал, отчего меня раздрает любопытство. Забава, да и только.

– Настоящих баб, как в старину было, ноне днём с огнём не сыскать, – учил наставник, – всё больше или поперёк себя ширше, или тонкие и звонкие, без единого сколь-нибудь

приличного бугорка в нужных местах. Какое от созерцания болезной худобы вожеление? Маета да и только, но всё одно – красиво ведь, колдовство, одним словом! Баба, она и есть баба. Создатель недаром непрестанно трудится над конструированием скульптурных форм всем земным кралям. То нам, мужикам, утешение и отрада за труды наши праведные.

Кады с ихним полом правильно обращаешься да мораль, где положено, блюдёшь – одна радость от баб на земле, даже от убогих и неказистых. Есть у них завсегда, Федька, даже у худосочных и прыщавых, чем нас удивить. Когда-нибудь я тебе больше расскажу, чего наши бабы умеют. То, брат, без подготовки слушать нельзя: некоторые, кто послабже, умом тронуться могут. О-о, глянь, Дуська Шпякина огузком вертит. Чем не скульптура? Походка как у молодой козочки. Так бы и... эх, малец, тебе не понять. Ты не любил. Красотища-то какая, просто праздник для уставшей души. Так бы и созерцал с рассвета и до заката. Так вот, я и говорю, жизнь нужно с азов постигать. В школе тебя ничему толковому не обучат. Вот я, к примеру, три класса зазря впустую высидел и ничему толковому не выучился. Зачем, спрашивается? Тебе сколько лет, шкет? Десять. Вот. А ты до сих пор картоху чистить не умеешь и чифирь заваривать. А ежели жрать нечего будет, тогда как? Мамку звать будешь? Я в прошлом годе месяц купырь грыз да лебеду варил, пока на брошенный огород не напоролся. Картоха там мёрзлая была, но скусная, как Алевтина Чудинова. У ей и дочка подрастает хоть куды.

Я бы на твоём месте на примете её держал. Картинка – не девка! Я в том вопросе толк знаю.

– Так и у нас не жирно с припасёнными харчами было. Батька щурят с окунями таскал, на зайца силки ставил. Молоко, яйца. Чего жалобиться-то?

– Молоко, яйца! Откель такую роскошь взять? Я и скус забыл. Приземлённый он, батька твой. Куркуль. Погребушку под завязку набил, скотину развёл, а супружницу пинает да топчет. Маманю твою, красу распрекрасную, в серебряной оправе в красный угол ставить нужно по причине совершенства, а он её ногами да вожжами. Это как! Без любви, какая жисть, так – существование.

– А ты почём знаешь, что он её лупцует?

– Сам видел.

– Ага, в окна подглядываешь!

– Не подглядываю, люблюсь. Маменька твоя особенная. С ейной фигурой не коров доить – на сцене рисоваться. А он её вожжами! Потом в постели измывается. Не любит твой батька её.

– Мне почём знать. Целуются иногда. Тайком. Я вот родился. Говорят, от любви. Или врут?

– Знамо дело – без любви не бывает. Была бы у меня такая краля, я бы её разлюбезную холил да лелеял! Разве рядом с такой поспишь? Какая там картоха с зайчатиной, какие вожжи! Там, если честно, без крупы и хлеба есть, чем голод утолить. Вот подрастёшь, я тебя с собой возьму, чтобы не на словах. Сам увидишь, о чём я тебе талдычу. Ты ночами-то крепко спишь?

– Я уже и так подрост. А сплю, как все. лягу, потом просыпаюсь.

– Дурак, однако. Ночью, самое интересное в природе и в жизни происходит. Как услышишь – кровать у батьки скрипит, прокрадись – послухай. Про сон забудешь. А ежели подглядеть удастся... да не, лучше спи. Это я так, размечтался. Вот погода наладится, в затон тебя с собой возьму, за крутым бережком, где девки в воде резвятся. Такого насмотришься! Рифмы стихотворные сами на ум ложатся от такой прелести. Стихи любишь?

– Не знаю. Наверно люблю.

– Прислушайся, – среди миров, в мерцании светил одной

звезды я повторяю имя... не потому, что я её любил, а потому, что я томлюсь другими. Я, брат, всеми бабами круглосуточно томлюсь, всех разом люблю. И тебе советую взять на вооружение служение красоте.

– Вот это да, что надо стихи! Сам сочинил?

– Не, в газете прочёл. Мне председатель колхоза на самокрутки пару штук пожертвовал. В душу до самого доньшка запало. Я, правда, не хуже сочиняю, особенно когда на баб нарядных гляжу, а особенно на девок. Только забываю потом. Пошли уже, лодку смолить подсобишь. Тебе-то маманя борща наварит, а мне где пропитание взять? Зарабатывать нужно, трудовую повинность блюсть. Судно подотчётное положено в исправности содержать, иначе с голодухи ноги протянешь. Осенью, когда лёд встанет, в бригаду устраюсь – жилицу подсекать. У них в лесохимии сытно, но не очень весело. Дисциплина, мать её, порядок, норма выработки. Я свободу уважаю, девок до страсти люблю, таких, как твоя маманя. Одна беда – они меня не очень привечают. Жадные стали. Подарков хотят, норовят повязать по рукам и ногам. Ты, Федька это, не женись. Настоящему мужику в неволе не выжить. Бабами издаля любоваться надить, как картинками в глянцевом журнале. К себе в крайних случаях подпускать, когда не вмоготу просто наблюдать. Иногда мозг над мужиками так чудит – не вырваться. Снизу доверху всё сводит.

Порой даже жениться приходится, чтобы с ума не сойти. Ты бы мне пожрать чего приволок. На голодное пузо даже созерцать нет охоты. Идёт, идёт любушка, Сметанина Фёкла, куколка смазливая, не идёт – плывёт! Росточком махонькая, а какова! Королевична, не иначе. Бёдрами ах-ах ! Это они так нашего брата соблазняют. На кукан подцепят и в сельсовет – печать ставить. Видал, какие у неё тыквы спереди болтаются. То-то! Две пригоршни каждая – не меньше. Была у меня одна такая по молодости, до сих пор мурашки по телу. Про то я тебе потом расскажу. Сладенькая была – словами не передать. Как я её любил, как любил!

– А чё не женился? Пошли к нам, я тебя борщом накормлю.

– Не, сюда тащи. Меня от вашей комфортной жизни с души воротит. В ту пору не до женитьбов было: себя искал. Хотел исследователем земли русской стать, открытия эпохальные делать, книжки умные издавать. Валентина ту краплю звали. Тоскую по ей до сих пор – просто страсть. Первая моя. Времечко благодное упустил, таперича бобылём помирать.

Много чего он мне рассказывал. Про зимовки в тайге и тундре, про раскопки в степи. Как оленей пас, как на трале по морю два сезона болтался, золото искал, морским зверем

промышлял, грузчиком в порту подрабатывал. Но всё больше про любовь неземную сказывал, про девок сказочно чудесных, непорочных, про тех баб, коими восхищался повсеместно. С кем сходился и расходился.

Интересная у дядьки была жизнь. Мне тоже так хотелось.

– Ты девок хоть раз без штанов видел, хоть до одной до-трагивался?

– Ха, ато! С маменькой в баню каждый выходной хожу. Фроську Колесникову лапал.

– Малохольную? Не смеди. На чё у той Фроськи глядеть? У ей даже сисек нет. Маменька – другое дело. Ну, рассказывай, чего узрел. Любопытно – страсть!

– Да ничего особенного. Мамка как мамка, обыкновенная. С нормальными титьками. Она же меня до трёх лет своим молоком кормила.

– О-то ж, с титьками, балбес! Разглядел-то хоть хорошо?

– Чё на их глядеть? Как у всех.

– Не, не орёл. Когда ты успел у всех рассмотреть? Я и то

каждый раз чуть не до обморока удивляюсь. У кого спелые тыковки, у других меньше яблочка, в ладошку аккурат поместить можно. Встречал таких баб, у кого под лифами ничегошеньки нет – как у новорожденных. Во как! Обнаковенные! Дурень ты. В следующий раз внимательней смотри, каждую жилочку запоминай. Вишенку на колокольчике видел? Титьки – произведение искусства. Цельные институты этот парадокс изучают и ничегошеньки постичь не в силах. Какая в бабских недрах божественная сила дремлет, чем они нас, мужиков, за жабры берут? Вы по пятницам моетесь или по субботам?

– Знамо в субботу.

– Ты это, окошко лучше протри. Хочу твою маменьку, как следует рассмотреть, как под мелкоскопом. Надумал я Федька книгу писать про женскую эстетическую исключительность. Материал исследовательский собираю. У меня кажись талант истории рассказывать. Сам разве не понял?

Интересно мне стало, чего дядька Василий особенного в моей мамке отыскал. Решил тоже в окошко на неё полюбоваться, как она титьки моет со стороны глянуть. Может я чего не догоняю.

Помылся скоренько и Василия позвал.

Вместе созерцали.

Маменька вихоткой меж ног трёт, а дядька Василий языком цокает, – не тому, ох, не тому ягодка досталась. Не тому! Исключительной красоты архитектура. Ювелирный, можно сказать, шедевр, мать её! Чё она торопится-то, куды спешит? Погодь, покрутись маненько, ноженьки ширше раздвинь, попку отклячь. Такой и запомню. Про неё цельную главу с тобой отпишем.

Мамка помылась и в предбанник юркнула, а я вспомнил, что у Кабановых все девки разом в баню ходят, что шестеро их, мал мала меньше.

Там веселее было. Смехотища! Но кое-что необычное я почувствовал, особенно когда Люську, старшенькую, вблизи рассмотрел. Чуть сердце из меня не выпрыгнуло. Тогда я и понял, чем Василий вдохновляется.

С тех пор мы повадились в выходные дни вдвоём по баням шмыгать. Василий и меня обещал писательскому ремеслу выучить, – наблюдай внимательно. Каждую мелочь запоминай. Подсказывать будешь, если чего забуду.

Потом мы долго обсуждали, чего насмотрели. Вроде вместе наслаждались, а каждый своё запомнил. Странно.

Окошко одно, а видения разные.

С тех пор дядька Василий меня зауважал, – мы таперича, вроде как подельники, или соавторы. Хочешь, курить тебя научу? Девки жуть как любят, когда от нашего брата махорочкой душистой тянет. Дыхнёшь на иную, она и растает.

Попробовал. Не понравилось.

А девчонки в затоне, правда, замечательные были, особенно когда друг за дружкой гонялись, ныряли, когда намыливались да обмывались, потом вытирались да расчёсывались.

Раньше-то я особенно не замечал, чем девчонки от нас, мужиков, отличаются, кроме того, что у них краников нет. Теперь рассмотрел. Действительно, у каждой есть, чем удивить.

Смеются, галдят. Сколько ни гляди – не насмотришься. Никогда бы не подумал, что это настолько азартная забава. Потом ночью снилось, как подкрадываюсь, а они в чём мать родила, спать на бережку ложатся. Хожу меж них, разглядываю не спеша, где надо наклоняюсь, стараюсь ничего не упустить. Дядька Василий наказывал память тренировать и творческое воображение.

– Девки, – говорил, – самый ценный в природе минерал. Дороже алмазов и других редких самоцветов. Не каждому дано их абсолютную уникальность разглядеть. С виду все бабы одинаковы, а на деле – ни одной сколько-нибудь похожей. Ты рисовать пробовал?

– Так, рожицы да лошадок.

– Коники, да... но девки чудесатее, особенно, когда не знают, что ими любят. И так изогнётся иная, и так покроется. Линии, контуры, изгибы, блики разные, тени. Дразнят, проказницы. А в кузов не хотят. Да! Принца иноземного ждут, а того не смыслят, что самые ценные слитки под ногами прячутся. В простоте и смирении благодать. Женщина покориться должна, довериться. Тогда только из неё толк выйдет.

– Чего же ты от Валентины своей сбежал?

– Молодой был, глупый. Ответственности испужался, свободой пуще любви дорожил. Вернуться бы к ей, в ножки пасть. Иногда приснится ночью, зовёт куда-то, мальчика показывает. Мобыть у меня сын есть, только я о том никогда не узнаю. А жениться всё одно не советую. Бабы – народ наивный, но вздорный. Окромья красоты неземной да ларца с сек-

ретом промеж ног ничем не владеют. Нет, Фёдор, не слухай меня. Оправдаться перед судьбой пытаюсь. Я бы хоть сегодня любую под венец повёл, только предъявить в качестве приданого нечего. Пуст как зимний куст. Ну и ладно, может, тебя научу красоту любить да невинность блюсть.

– Главное, не спугнуть прелестниц, – наставлял Василий, – девки, как воробышки пугливые, каждого шороха шугаются, ибо каждой есть, что терять. Невинность однава каждой девке даётся, как приз за непорочное целомудрие. Заруби на носу – не любишь, портить не смей! Смотри, сколько влезет, погляд дармовой, но не балуй, руки не распускай, ежели судьбами переплестись в единое целое не намерен.

– Им про то, что мы красотой девственных форм вдохновляемся, знать не надобно, а то получится, что вместо того, чтобы искренне восхищаться, вроде как непристойным подглядыванием промышляем. За то можно срок схлопотать. Самое волнительное, когда они все вместе оголяются. Вроде как друг перед дружкой стесняются, а сами норовят каждую детальку продемонстрировать: мол, глянь, у меня сплее, круглее, глаже. И так ножку задерут, и эдак. Тихо, замри! Неровён час рассекретят. Это, брат, своего рода охота, только тихая. Один меткий выстрел и сыт по горло выразительными художественными образами. На сто книг может хватить. Есть, о чём приятно вспоминать. Учись, пока я жив.

– А как уши надерут?

– Я ж тебе про уши и толкую. Не высывай. Я хочу всю фильму до конца досмотреть. И вторую серию тоже, и третью. Жизнь, она короткая, конечно, но ежели ей правильно распорядиться, можно мильон необыкновенных событий без вреда для здоровья пережить. Девки не кажен день для нас нагишом танцуют. Лето как один день пролетит. Вкусного да сладкого не должно быть слишком много, неровён час оскомину набьёшь но и упустить возможность отведать скусный ломтик тоже нельзя. Как тебе вон та, тёмненькая, Глафира Сумарокова? Влюбиться бы в такую. Богиня, не иначе! Я вчера на закате её с Григорием Милютиным у тока за горячим застучал. Такое вытворяли! Любовь у их. Только бы не спортил девку зазря, супостат. Вон она какая: нежная, счастьем светится. Любовь – великая силища. Слыхал, как на сегодня голубки сговаривались. Пойдешь процесс любовной магии созерцать?

– Это тоже для книжки?

– Ато! Посмотришь, как тебя папка с мамкой делали.

– Так, то давно было. Я подрасти успел.

– Дурень. В библии писано: что было, то и будет, что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Тебя делали и ты подрастёшь – тем же займёшься. Тому тебя и учу, недоросля. Воображение тренируй. Представь, что Гришка – батька твой, а Аглая, чернявенькая та – вроде как маменька. Сам всё увидишь. Только не трепись кому ни попадя, что момент таинства видел. То дело интимное, деликатное, огласки не терпит. Нам не для сплетен при обряде присутствовать надуть, для усиления творческого процесса, чтобы талант писательский гармонией происходящего за пределами видимости стимулировать. Главное, чтобы до сумерек успеть досмотреть, иначе ничего толком не разглядим. Оденься теплее, чтобы комары не загрызли.

– Вот здесь, у скирды, – сказал дядька Василий, – вчера они ластились. Надеюсь, привычек не поменяют. Тут любовнички скороспелые про страх разоблачения помнить забудут, всё, что положено, в лучшем виде изобразят. К прекрасному прикоснёмся, душу согреем, себя на стойкость к соблазнам испытаем. Я тут слегка прикопал, сенца насыпал для камуфляжа, чтобы обзор по всем правилам тактики скрытого наблюдения обустроить. О, идут, кажись. Замри! Теперь гляди в оба.

Гришка приволок с собой одеяло, расстелил.

Поначалу стоя целовались. Эка невидаль. Я чуть не за-
снул, пока чмоки раздавались. В затоне куда интереснее за
девчонками подсматривать: не успеваешь глазами водить,
столько всего сладкого.

– Начинается, Феденька, не проспй, вот он – момент ис-
тины! Глянь, красотища какая. Сейчас Глашка ноги задерёт,
Гришка на локтях качаться будет. Везунчик! Посмотрим, на-
долго ли его прыти хватит.

– А меня делать, когда начнут?

– Смотри, запоминай! Сам попробуешь, тогда самое важ-
ное и узнаешь. Завтрева ко мне не приходи, у меня Стешка
Суморокова гостить будет. У нас с ей секретная миссия. В
субботу встретимся. Ты это, ежели батька с маманей твоей
в баню наладится – мне не забудь свистнуть, для такого слу-
чая время завсегда найдётся. О, кажись, уже кого-то сдела-
ли. Дышат-то как. Видно забег не просто задался. Скакуны,
блин! Одеваются. Дальше не интересно. Можно отползать.

– А книжку когда начнём писать?

– Когда вдоволь насмотримся, когда секретов не останет-
ся. Нам перепутать ничего нельзя. Люди же читать будут,
обучаться, как да чего. Выдумывать да врать, не имеем мо-

рального права. Миссия ответственная, особая: кому попало, не доверят.

Позже, когда я во вкус вошёл, понял – насмотреться на это чудо невозможно. Это ведь как рассвет, как рождение зелёного листка, как первый снег – всегда неожиданное, всегда разное.

Выходит, ту книжку мы никогда с дядькой Василием до конца не допишем.

Хотя бы начнём.

Течёт река, прекрасная река

Трудился я в колхозе в ту пору, во вспомогательном цехе. Бумагу резали на стандартные форматы, упаковку кроили и шили из картона для разнообразных хозяйственных нужд.

Заказов было – тьма, только успевай. И вдруг на тебе – затишье, вроде как перепроизводство. Профком предложил десятидневную автобусную экскурсию по Прибалтике, практически бесплатно, за тридцать процентов от стоимости, которые я оплатил из премиальных.

Жена повела себя несколько загадочно, – поезжай-поезжай, мы справимся. Карамелек привезёшь, чёрный рижский бальзам, янтарные бусики с паучками, костюмчики ребятишкам. Себя покажешь, на мир поглядишь.

– Чего это ты такая добрая, – недоверчиво спросил я, – разве что у тебя кто-то есть, – просто хохмил, чтобы диалог поддержать.

– Ха-ха, у кого чего болит, да?

Я поехал, но странная реплика, мной же нечаянно произнесённая, начала жить отдельной жизнью. Выкорчевать её не

получалось. Что-то незнакомое в поведении супруги насто-
рожило задним числом.

Накручивать себя на пустом месте начал. Глупость, конечно.

А тут ещё такое начало происходить – волосы дыбом: доб-
ропорядочные члены колхозного движения, отъехав кило-
метров на двадцать от дома, начали доставать из заглашн-
ков алкоголь и дефицитные продуктовые припасы, постепен-
но разбиваясь на сладкие парочки, словно по заранее утвер-
ждённой сценарии.

В воздухе всерьёз запахло развратом, хотя дома ни про
одного нельзя было сказать чего- либо предосудительное.

Я, как почтенный семьянин, в процессе распития, тем бо-
лее в интимных переговорах, участия не принимал.

Со мной рядом сидела Лидочка Сойкина, швея из нашего
цеха, которая ещё дома активно строила мне глазки. Во вся-
ком случае, смотрела довольно странно.

Ничего особенного, если честно, она из себя не представ-
ляла: на голову ниже меня, с мальчишеской причёской, со-
всем без талии, с широкими плотными бёдрами, крупными

ладонями, но молодая, общительная не в меру, проказница и хохотушка.

Успокаивало то, что не она меня как попутчика выбрала, сам рядом уселся.

Лида меня развлекает, я шугаюсь: у меня семья, у неё муж в тепличном хозяйстве механиком работает, где моя Лиза огурцы круглый год выращивает. Негоже давать повод для пересудов и сплетен, хотя просто поболтать – совсем не грех вроде.

– Егор Ляксеич, путь неблизкий, давайте дружить домами, – метала она в меня стрелы загадочного, чересчур тёплого, слишком интимного или задумчивого взгляда.

– Не кусаюсь я. Знаете, в стеснительности и скромности, на мой взгляд, нет ничего, что мешает общению привлекательного мужчины и молоденькой женщины. Напротив, эти замечательные качества как бы сближают и потрясающе заводят, – сама смотрит прямо в зрачки немигающим взглядом, словно гипнотизирует.

Хорошо, что я кое-чего про женское коварство знал. Меня соблазнять бесполезно.

Существует такой приём у профессионально флиртую-

щих дам – пристальный визуальный контакт с женщиной, которого хотят заарканить. Если быть точнее – бессознательное сенсорное свидание с незнакомым человеком, которое способно настолько мощно захватить внимание, что кое-кто полностью утрачивает связь с реальностью.

Чтобы вынырнуть из пучины нечаянного, ни на чём не основанного обаяния, выплыть обратно из заинтересованно навязчивого состояния, в котором таинственным образом отключается способность видеть и чувствовать что либо, кроме этого взгляда, может оказаться недостаточно сил.

Я много читаю. Так вышло, что буквально на днях попалась на глаза статья о гипнотическом дурмане, легко внушаемом именно через зрение.

Там было написано, что интим через взгляд бывает настолько агрессивным, что в некоторых странах всерьёз обсуждают вопрос о привлечении к уголовной ответственности за приставание посредством длительного похотливого всматривания глаза в глаза, приравнивая подобное домогательство к насильственному сексу.

Кто знает, может быть прежде, мы умели безмолвно общаться через взгляд: передавать эмоции, мысли, короткие текстовые послания.

Может быть! Нужно быть начеку.

Негоже отцу семейства легкомысленные шашни разводить.

Как, скажите, можно объяснить, что задержав, чуть дольше обычного встречный заинтересованный взгляд на случайном попутчике мы способны за доли секунд вообразить что угодно, как правило, в интимном ключе, совершая в бессознательном пространстве в ускоренном темпе цепь непредсказуемых для обычного поведения действий, даже спонтанно влюбиться, если предрасположены к адюльтеру или романтике?

Слаб человек, внушаем.

Выходит, глаза – чрезвычайно чувствительная эрогенная зона, можно сказать, канал телепатического воздействия, антенна приёма-передачи гипнотического импульса, включающая, без нашего согласия некий сканирующий зонд.

Не правда ли – странно: заглянул в расширенный от напряжения зрачок, не прибегая к тактильному, эмоциональному, даже когнитивному контакту, и поплыл разумом. Или заставил переживать своего визави, движимого непостижи-

мой магической силой, скрытыми от понимания энергиями. Проваливаешься помимо собственной воли в необъятную бездну эмоционального потрясения, не сознавая, что над тобой совершили насилие.

Давно известно, что даже встреча с взглядом человека на портрете активизирует участки мозга, ответственные за социальное взаимодействие, заставляя вести мысленный диалог с тем, кого с нами нет.

Что ещё способен натворить визуальный контакт – науке неизвестно.

Зато мне знакома беспредельная власть пытливого женского взгляда. Именно глазками околдовала меня Лиза, с которой и поныне связан священными узами законного брака, хотя само слово мне жутко не нравится: как можно дать настолько негативное определение, дающее отсылку к недоброкачественной продукции, отношениям, которые предполагается пронести через всю жизнь?

Гиппократ говорил, что брак – лихорадка наоборот: начинается жаром, а заканчивается холодом.

Если честно, Лидочка мне симпатична своей искренней непосредственностью. С такими женщинами легко общать-

ся, но это не повод отвечать взаимностью на нескромные интимные атаки.

– Отчего вы такой пугливый, коллега, неужели я выгляжу коварной искустельницей? Не хотите откровенничать – не надо. Давайте поиграем во что-нибудь. Например, в барышню. Это такой весёлый детский диалог, – вам барышня прислала кусочек одеяла, велела не смеяться, губки бантиком не делать, да и нет, не говорить, чёрный с белым не носить. Вы поедете на бал? С вас любой ответ, в котором отсутствуют названные слова и действия. Поспешаете не торопясь, только и всего. Упражнение на внимание и скорость реакции. А чего – весело.

– Помилуйте, Лидия Игоревна, это какой-то детский сад. Давайте помолчим. Так хочется расслабиться, вздремнуть. Впереди столько интересных событий.

– Успеете выспаться, вы же не старик. Хорошо, есть игра для взрослых, например, “к сожалению и к счастью”. Я буду оптимистом, вы – пессимистом. Я говорю, – к счастью, сегодня замечательная погода для путешествия и для более близкого знакомства с приятным попутчиком. Вы должны опровергнуть это утверждение или продолжить беседу любым способом, вставляя в диалог фразу, – к сожалению. Ну, чего вам стоит, Егор Алексеевич, уважьте даму! Мне одино-

ко, грустно.

– Хорошо, попробуем. Но недолго. Что будет, если я выиграю, вы от меня отстанете?

– Поменяемся ролями, только и всего. Это не опасно. К счастью, вы мне симпатичны. Сажу рядом и млею. Какой мужчина оказывает мне знаки внимания!

– Мы так не договаривались. Это похоже на откровенный флирт. Легкомысленные интрижки не для меня – так и знайте.

– Не кокетничайте, это только игра. Ну же! Давайте перейдём на “ты”. Чем доверительнее диалог – тем интереснее игра. Нас наверняка ждут сюрпризы.

– К сожалению, не могу ответить взаимностью.

– К счастью, это легко исправить. Чувствуешь, как занимательно бывает, когда вынужденно следуешь нелепым с виду правилам? Никогда не знаешь, в какой тупик может завести безобидное развлечение, какие варианты для милой беседы предложить.

– К сожалению, разделить твой оптимизм не могу. Дума-

ешь меня не испытывали на прочность? Сколько раз. Я не азартен. К тому же люблю жену.

– К счастью, есть тысячи способов заставить человека думать иначе. Уговорила же я тебя играть.

– К сожалению, мне пришлось уступить, но это абсолютно ничего не значит. Учтивость – не более того.

Лидия Игоревна лукаво посмотрела не меня, улыбнулась, выставила напоказ белоснежные зубки, – Так уж и к сожалению. К счастью, нет, и не может быть окончательно тупиковых ситуаций. Симпатия – это когда нравишься. Для построения искренних интимных отношений значение внешности явно преувеличено. Любого можно обаять заботой, сочувствием, дружелюбием, нежностью. Запахом, наконец. И конечно взглядом.

Я вздрогнул. Относительно взгляда всё ясно, но запах: откуда ей было знать, что я давно принохиваюсь, наслаждаясь странным возбуждающим ароматом, исходящим от её волос, который увлекает, дразнит? Ну, нет, ей не удастся так просто со мной расправиться!

– К сожалению, твоя тактика рассекречена, зря стараешься, Лидя. Ты для меня просто взбалмошная девчонка впол-

не заурядной наружности. Моя жена вне конкуренции – она красавица. Это сложно оспорить.

– Уколот, уколот. Сейчас заплачу. Лиза где-то там, я – здесь. Я девушка внимательная: слушаю, думаю, вижу. К счастью, у мужчин есть некий загадочный компас, который не даёт им возможности лукавить. Как бы ты не скрывал свой нечаянный восторг, сидя рядом с недурной молоденькой попутчицей, пусть не такой лапочкой, как твоя любимая, одна не вполне согласная с твоим утверждением часть организма не способна солгать, – Лида, кокетливо сжав губки бантиком, пристально посмотрела на мои брюки, – да-да, кажется, он тебя выдал.

– Прекрати... те, я не хочу больше играть! Вы меня провоцируете! К сожалению.

Честное слово, я не хотел произносить этой глупой фразы: сама вылетела.

Лидия Игоревна изобразила раскаяние, молитвенно сложив ладони, – прости, ради бога прости! К счастью, нам ещё долго ехать. Я успею заслужить прощение. Соглашусь, это был опрометчивый шаг, можно сказать без преувеличения – пошлый рискованный трюк. Но, что я могу поделатъ, если ты мне действительно нравишься? Ведь я нисколько не хитри-

ла. Посмотри сам, он... он, этот, с твоего позволения, магнит, так заманчиво топорщится. Я польщена. Наверняка виноваты духи. Я сама в восторге от этого экзотического аромата.

Моё лицо горело ярким пламенем. Она меня сделала, эта пигалица! То, чего невозможно выразить словами, ей без усилий удалось транслировать при помощи мимики, дополненной красноречивым, весьма продолжительным взглядом, который что-то болезненно-яркое вытащил из тайников души.

Я был расстроен, зол, но сердце трепетало; поначалу тревожно, но с каждой минутой слаще и слаще.

Это был я, и не я. Мистика какая-то!

В голову медленно вползали весьма похотливые мысли, когда я невольно нырнул в глубину её расширенных зрачков с колдовской тёмно-зелёной радужкой.

Остановив дыхание, я с наслаждением отдался движению приливной гравитации. Если точнее, под влияние её, нечаянной попутчицы воли, о которой на самом деле не имел представления, но чувствовал каждой клеточкой возбуждённого тела, как наполняюсь неодолимо-тягучим влечением.

Вынырнуть из пучины нечаянного, ни на чём не основанного обаяния, выплыть обратно из заинтересованно навязчивого состояния, в котором таинственным образом отключилась способность видеть и чувствовать что либо, кроме этого взгляда и этой женщины, в прежнюю жизнь – не было сил.

Минуту назад я ничего о Лиде не знал, и знать не хотел, а теперь ненасытно хотел знать буквально всё. Она явно мной манипулировала.

Когда мы невольно влюбляемся, интимный собеседник и романтическая ситуация в целом приобретают несоизмеримую с объективными обстоятельствами субъективную значимость. Мы боимся, что не сможем соответствовать преувеличенной важности момента, того, что не хотим упустить ускользающее малые возможности обрести пусть призрачное и краткое по времени, но счастье.

Волнение заставляет совершать ошибки, граничащие с глупостью.

– К сожалению, нами, мужчинами, рулят гормоны ... ну зачем тебе всё это, Лида? К чёрту игру, мы не дети! Я мужчина, которому природой назначено быть любознательным,

разбирать всё неожиданное, новое, по винтикам, заглядывать внутрь. Ты – дерзкая женщина, которой необходима интимная разрядка. Смотри, сколько желающих занять моё место. У них... словно с катушек послетали, черти, сперматоксикоз, что ли инфекционный. Почему меня-то, старика выбрала?

– Течёт река, прекрасная река, издалека таинственно пророчит: жизнь коротка, друзья, жизнь коротка... но, боже мой, она ещё короче! Не хочется говорить о грустном сегодня, не хочется портить человеку, к которому испытываю доверие и симпатию, настроение. Я знаю нечто, что уже убило меня, что определённо не понравится тебе. К счастью, у нас с тобой впереди десять дней, которые можно прожить беззаботно, весело, с чувством, с толком, с расстановкой.. Да-да, к счастью, это так. Подари мне малюсенькую весну. Это совсем не сложно.

– К сожалению, не могу разделить с тобой столь блаженную трансформацию. Зимой должен идти снег и должно быть холодно. Человек, изменивший однажды, перестаёт быть супругом, становясь не попутчиком даже – наездником. Для меня обман неприемлем в принципе. По идейным соображениям.

– Я не зову тебя в постель, Колесников. Во всяком слу-

чае, теперь. Поговори со мной, пооткровенничай, протяни руку помощи, которая мне крайне необходима. К счастью, мы встретились на нейтральной территории, где никто не может помешать говорить и слушать. Я тобой очарована.

– Не понимаю, на что ты всё время намекаешь. Прекрати, Лида. У меня всё замечательно: жена, дети... квартира. Живи – радуйся. В словесной игре я проиграл, нет больше повода сказать – к сожалению. Пессимизм – гадкая стратегия. Я счастлив, этим всё сказано.

– Есть, Егор Алексеевич, есть повод для разочарования. есть. К сожалению, не к счастью. Но об этом позже, не сейчас. Расскажи, как понял, что влюбился в жену. Как у вас всё начиналось. Обожаю волшебные сказки.

– Какой из меня рассказчик. Лиза – замечательная жена, великолепная хозяйка. До неё я не понимал, как это – купаться в любви. Наши чувства – самая важная часть восторженно изумляющейся души. И эта прекрасная, родниковая часть. Пусть на краткий миг, кто знает, что нас ожидает впереди, возможно, надолго или навсегда (время всё сумеет расставить по местам), наша любовь чиста, честна, кристально прозрачна и тщательно отмыта от каких-либо опрометчивых сомнений. Семнадцать лет вместе. Я верю ей, она – мне. Разве этого недостаточно, чтобы противостоять каким угодно

соблазнам?

– Да ты романтик. Мне бы такую уверенность, Колесников. Я второй раз замужем, а ведь мне только двадцать шесть. Первая любовь была настолько бурной, настолько стремительной и яркой, что я не успела ничего толком понять. Улетела и не вернулась, пока милый не открутил мне голову. Просто так, для профилактики бил, чтобы показать, кто в доме хозяин. Я не жалею. К счастью, у меня хватило мудрости переступить через незрелые чувства, которые пришлось радикально выкорчёвывать. Я долго болела, не могла понять, что сделала не так. Знаешь, отношения – неразрешимая загадка. Как снежинка на ладони: вот она была, и нету.

– Мне повезло больше. Лиза никогда не давала повода для ревности и вообще. Да я и не искал. Её легкомысленная игривость не в счёт. Мне даже нравится, что на неё засматриваются, а она как бы хвостом виляет. Знаешь, мне одна мудрая женщина рассказывала, как можно избавиться от сильной душевной боли, от недуга, вызванного предательством близкого. Это непросто, но точно помогает. Сестра пробовала. Нужно задержать дыхание. Не дышать, пока голова не закружится, пока в глазах не начнут мельтешить цветные фейерверки, пока не почувствуешь – ещё секунда и кислород больше никогда не понадобится.

– Чего замолчал? Продолжай.

– Хочу попробовать. Советников сам не люблю. Умничать грешно.

– Дальше чего, в чём секрет?

– Нужно заставить себя снова дышать. Только так можно понять, что самое ценное – сама жизнь, что никакие отношения, даже самые волшебные, не могут быть важнее возможности свободно дышать. Всё когда-то конается, в том числе любовь, но это не повод сводить счёты с собой. Жизнь продолжается. Очень не хочется, чтобы дальше всё происходило без нас.

– Ты уверен, что понимаешь, о чём говоришь?

– К счастью, понимаю. К сожалению, ничем не могу тебе помочь.

– Я выплыла, сама. Не без помощи второго мужа. Генка вытащил меня из депрессии. Я так обрадовалась, так усердно и добросовестно старалась стать счастливой, правда не сразу. Мы успевали незаметно улизнуть откуда угодно: спрятаться в постели в соседней комнате, слиться воедино в тихом уголке, отдаться в неудобной позе без разницы где, пусть даже в

подъезде, причём не единожды за день. В хитросплетениях рук, ног, разговоров, дыхания, в сладком забытии мне мерещилось истинное предназначение мужского и женского, чудилось, что я познала в полной мере тайну жизни, глубинный смысл бытия. Я была беспредельно счастлива.

Сначала, если честно, совсем не хотелось туда, в самое начало любовных отношений, где уже бывала однажды с другим мужчиной, куда приятный во всех отношениях, но совсем не идеальный любовник уверенно вёл, стремительно приближая неминуемую развязку. Координата, где приземляется любовь, где с головой накрывает иллюзорным туманом безмерного счастья, была мне известна. Но я знала уже, что по неведомой причине морок рассеивается со временем, обнажая то, что сокрыто от пьянеющего взгляда. Быть вероломно обманутой флёром фальшивой страсти, вслед за которой подступает одиночество и неминуемое отчаяние, не было желания. Да и страшно, если честно, стать инвалидом повторно. Напустить на себя морок просто, рассеять тяжело. Мне так плохо сейчас, пожалей меня.

– Хочешь сказать...

– Хочу... и говорю. Думаешь, если не видно слёз, значит, нет причины, нет предательства? Есть. Ты – моё призрачное спасение, но, пока не можешь понять причины, потому, что

не хочу убивать тебя правдой. Прости! Меня вполне устроило бы бескорыстное таинство, основанное на доверии, на симпатии. Без примитивной физиологии, без художественной имитации множественных оргазмов. Просто доверься, я не сделаю больно. Одно уточнение – я не сделаю больно, именно я.

– У меня голова кругом. Признаюсь, кое-что изменилось за те пару часов, что мы делаем вид, что играем. Никогда не думал, что меня может увлечь женщина твоего типажа. Мне всегда нравились фигуристые с маленькой грудью скромницы... моего возраста.

– Как твоя Лиза?

– Именно она. Не поверишь, но у меня не было другой женщины. Хватает одной.

– Скромная. Значит! Застенчивая, смиренная, добродетельная, да? Что ты знаешь о жене?

– Всё, всё знаю! У нас двое детей. Мы прошли через такое!

– Ладно, перебор. Конечно, всё знаешь. Но я тоже правду люблю. Иногда с удовольствием сама её сочиняю. Забавное развлечение. Знаешь, нет ничего печальнее разлюблен-

ных мимоходом надёжных мужчин. И брошенных в стремлении отведать как можно большее число сладеньких кудесниц женщин тоже жалко. Шаг влево – всегда ошибка, наступающая бумерангом любого и каждого, предавшего возвышенные чувства ради примитивного инстинкта. Когда-нибудь потом обманутая любовь покажется предателям лучшим, что было в их убогой жизни. Потом. Обманутым и преданным от этого знания ничуть не легче.

– Ты говоришь загадками. Или вываливай начистоту, о чём речь, или давай сменим тему.

– С превеликим удовольствием расскажу. Однажды в жизни каждого наступает час, когда приходится избавляться от переживания волнующих эмоций. Сентиментальные романтические фантазии и сопутствующие им соблазнительные декорации – это конечно здорово, но рано или поздно с сокровенных тайн осыпается мистический флёр, а волшебное томление плоти оказывается примитивным химическим процессом. Увы, волшебство любви теряет сверхъестественную силу, когда растворяется в постылой обыденности. Разочарование – ужасное испытание, как для мужчин, так и для женщин. Начинается поиск причин, выявление виноватого, которого как бы и нет, потому, что ага, это не игрушки – любовь. Не к тебе, увы, но что делать, такова селяви.

– Зачем нам говорить на темы, о которых даже думать противно. Мысли материальны. Никогда не призывай то, что способно разрушить обжитый мир. Любимым нужно верить.

– Знаешь, есть такая игра, точнее, развлечение – эхо. Кричишь любую белиберду в пустоту, и ждёшь от Вселенной ответа. Когда я узнала, нет, кокетничаю, когда увидела, и саму проблему, и впечатляющий визуальный видеоряд: шлёп-шлёп, туда-сюда. Отчётливо, громко. Она на огуречных ящиках: изящная, лёгкая, нагая. Стройные ноженьки порхают над головой любимого. Он как наседка над цыплятками кудахчет над ней с напряжённым голым задом... и рычит от удовольствия. Романтика, твою мать! Настроение у меня было хуже некуда. Тоска вселенская, обида на весь мир, одиночество, отчуждение, боль. До утра заснуть не могла. Вышла на улицу покурить, там туман. Чуть не завывала от досады и вообще от всего на свете. Они там оргазмами развлекаются, я – здесь, одна за всех страдаю. Решила прикольнонуться, вспомнив про любимый мультик. Кричу от отчаяния в пустоту, – лошадка-а-а, ау, где ты-ы-ы! Размытое безмолвие незамедлительно ответило, – ёжи-и-к, это ты-ы-ы, ты меня нашё-о-ол? Конечно, я слегка перетруссила, сразу в подъезд просочилась, а там меня нервный смех разобрал. Конечно, я ёжик, кто же ещё? Да пошли они все! В жизни столько интересного, столько неожиданного, увлекательного, земного. Ты, например.

– Стоп! Я ведь не пьян. Ты о чём сейчас рассказывала?

– И бьется пульс, и тихо тает время, ржавеют в ранах забытые ножи. Мы часто просыпаемся не с теми, и так наивно верим в миражи. Поцелуй меня. Просто так. Подумай, стоит ли знать то, что знаю я?

– Давай разберёмся.

– А давай не будем! Просто пожалей меня – вот и всё. Неужели я так много прошу? Щепотка нежности, горсть добра, пара листиков теплоты, горошина искренности. Я преданная, ты верный. Почти идеальное сочетание.

– Лида, уже стемнело. Давай просто поспим, не будем морочить друг другу головы. Тебе нужно успокоиться. Жизнь прекрасна!

– Только не у меня. Не у нас. Будь ближе, я прочла бы по глазам, по жестам, по флюидам между нами. С тех пор, как ты ни слова не сказал, минуты превращаются в цунами. Давай просто дружить, Колесников. Немного позже ты оценишь моё безумное предложение, поймёшь, что оно выросло не на пустом месте. У меня просьба. Организаторам тура без разницы, кто с кем, они всё понимают. Как ты отнесёшься к

тому, чтобы поселиться как бы в семейном номере в гостинице?

– Зачем? Как ты это себе представляешь?

– Элементарно. Мужчина и женщина хотят дышать одним воздухом. Что именно можно осудить? Тебе есть восемнадцать?

– Мы не одни. Здесь все всех знают. Хочешь разрушить свою и мою семьи?

– Замечательно. Тогда они наверняка в курсе некой пошлой интрижки. Кроме нас о ней все знают. Прости, но мне плевать, чего они могут подумать. Здесь будет такое твориться: дым столбом. На нашу маленькую семейную тайну никто не обратит внимания. Тем более что я не претендую на роль любовницы прямо сейчас.

– Хорошо. Тогда придётся определиться – почему мы должны так поступить?

– Мы с тобой, Егор Алексеевич, практически родственники. Правду хочешь услышать, не испугаешься?

– А валяй! Заинтриговала.

– Почему ты не спросил, что за кино я посмотрела там, в теплице, по какому поводу слёзыньки лью? Как бы тебя от удивления родимчик не хватил. Никогда не думал, что твоя драгоценная Лизонька, что она...

– Не продолжай. Дальше не интересно. Сплетни – не по моей части. Если нет фактов – лучше не начинай.

– Голову в песок? Замечательная тактика. Мой милый забивал голы в ворота Лизаветы, которой ты возвёл памятник нерукотворный. Темпераментно так, настойчиво, по-хозяйски обрабатывал лоно твоей безгрешной супружницы. Как-то, понравилось? Я их не выслеживала, случайно нарвалась. Чуть не проблевалась, глядя на романтическую идиллию.

– Зачем твоему мужу Лиза, которая на десять лет его старше? Тебе показалось. Зачем!

– Приедешь – спросишь. Можем заказать из гостиницы переговоры. Если я права – ты со мной спишь. Боишься? Это же!

– Но я тебя совсем не люблю. Хотел, согласен, была минутная слабость.

– Неважно, просто психани, сделай хоть раз как хочется. Уверяю – тебе понравится. Я сладенькая. Если надеешься, что Лизка – пострадавшая сторона, могу разочаровать. Любовь у них. Генка с пристрастием допрошен – во всё сознался. Давно эта парочка в экстазе сливается, даже планы совместные строили. Так-то! Я на развод подала, ты – как знаешь. Неужели проглотишь, простишь?

– Не знаю. Ничего я теперь не знаю. К сожалению. Как же так! Семнадцать лет, дети. Что я им скажу? Нет, Лида, не буду я с тобой спать. Вижу, что не врёшь, а поверить не могу. Пусть сама скажет. Тут разбираться надо.

– Просто обними меня. Увидишь – сразу полегчает. Думаешь, я подстроила нашу совместную поездку? Так нет, видно судьба так распорядилась. Чтобы отыскать достойного – нужно сперва ошибок наделать, чтобы было с чем сравнивать. Как же мне рядом с тобой уютно!

Как обидно что всё в этом мире не так!

Геннадий спешил домой: гнал по пустынной ночной трассе, подпевая группе “Наутилус Помпилиус”, – я хочу быть с тобой... я хочу быть с тобой, я так хочу быть с тобой, я хочу быть с тобой, и я буду с тобой.

Музыка была лишь фоном для размышлений. Он не слышал, о чём в ней поётся, потому, что в жизни, в его жизни, было кое-что гораздо более важное. Геннадий определённо хотел быть и именно с ней вот уже почти восемнадцать лет. Неизменно, днём и ночью его мысли согревал один единственный родной до боли необъяснимо притягательный женский образ, воплощённый в облике жены.

Он был довольно стеснителен и застенчив в общении, что не характерно для поведения мужчины. Слово люблю постоянно вводило Геннадия в краску. Когда жена, дурачась, приставала к нему с просьбой озвучить свои чувства, облечь их в словесные кружева, он впадал в ступор.

Сомневаться в его привязанности и обожании не было повода, однако, любимая с видимым удовольствием вызывала

у него смущение. Ей нравилось убеждаться в наличии слабости у этого сильного мужчины.

Фары выдёргивали из стены черноты огрызок шоссе. На встречу пролетали, заглушая на мгновение музыку, машины, о которых тут же забываешь, потому, что кроме них есть, о чём помнить.

Три дня Гена был в командировке, три долгих дня не видел свою Ларису – милую, любимую до колик в животе и судорог в мозгах женщину, жену и мать подросток, шестнадцатилетней Машеньки.

Мужчина соскучился, в том числе по тактильным ощущениям и чарующему букету Ларисиных интимных запахов, от которых буквально сходил с ума. Ни одна женщина на свете не могла его возбудить, пусть даже изысканным флиртом или наготой молодого упругого тела сильнее, чем супруга.

Именно по запаху он некогда и определил, что Лариса – именно та женщина, которую можно и нужно любить. Некоторые ведутся в своём выборе на внешний вид, очаровываются рассеянным или томным взглядом, острым умом, освежающим обаянием молодости, а Генка поплыл, ощутив исходящей от незнакомки пьянящий дурман, вскруживший голову, пленивший в одно единственное мгновение – сразу и

навсегда.

Я хочу быть с тобой!

Хочу, хочу, хочу!

Гена повторял и повторял эту незамысловатую фразу, высвечивающую, оживляющую в воображении, словно свет фар в ночи, моменты обожания, единения и волнующей близости. Сколько же их было – не сосчитать, тех ярких мгновений страсти, дарящих ощущения безмерного блаженства.

– Моя Ларисоль! Милая, любимая, единственная!

Ночь была довольно холодная. Ещё вечером лил дождь, но включать в машине печку не хотелось, чтобы случайно не заснуть. Желание примчаться как можно быстрее, обнять, зацеловать, начиная со сладких губ и заканчивая...

На этой возбуждающей мысли Гена потянулся в щемящей истоме до хруста в шее, представив, как зароется туда носом, вдыхая волшебный нутряной аромат, как сожмёт с силой ядрёные напряжённые ягодицы, как подогретая бесстыдной лаской жена замурлычет, засопит блаженно, многозначительно выгнет упругий стан, поощряя продолжить сладкую муку запустит в его волосы нежные пальчики.

Фантазировать конкретнее, ярче, было невыносимо. Два, от силы три часа и он дома. Стоит немного потерпеть, чтобы

не растратить зазря плотоядную нежность.

Стихи, что ли сочинить. Например, такие, – её волшебные глаза...я утопаю в них, я таю. Лечу, забыв про тормоза, люблю её, о ней мечтаю. Виденье, словно стрекоза. Я чудный аромат вдыхаю. Лечу на полных парусах. Меня ты ждёшь, я это знаю!

Нет, Геныч, не поэт ты, не поэт. Лучше подумай, что с премии Ларисольке своей подаришь. Вот, чего у неё нет? Или... о чём она мечтает? Нет, на это не хватит. Что, если нижнее бельё купить, такое, чтобы хоть стой, хоть падай? А размер? Такие вещи должны как влитые сидеть. Отпадает. Тогда банально – деньгами отдать, чтобы сама воплотила фантазии. И нечего голову морочить.

Километры и время пролетели незаметно.

Генка забежал в ночной магазин, выбрал приличный сорт Мартини, пачку апельсинового сока купил, пару шоколадок.

Продуктов в холодильнике достаточно. В прекрасном настроении, предвкушая океан удовольствий, влетел он на седьмой этаж без лифта, тихонечко, сюрприз, отомкнул замок.

В воздухе квартиры плотно висел тяжёлый мускусный запах, который сложно с чем-либо иным перепутать – насыщенный гормонами дух безудержной похоти.

Сердце невольно ёкнуло, остановилось, подпрыгнуло, пропустило пару размеренных тактов, вновь завелось с болью в груди, словно после удара тяжёлым предметом.

Генка не успел ничего понять – сработала интуиция. Или подсознание.

Банк памяти хранит многое. Специфическое пряное испарение пахло изнурительным, многочасовым энергичным сексом.

И где? В его доме, в супружеской спальне.

Ни знать, ни видеть того, о чём подумал, не хотелось. Но ведь он может ошибаться. Мало ли в жизни случайных совпадений. Говорят, так воняют некоторые сорта сыра. Правда пристрастия к данному экзотическому продукту Лариса точно не имеет.

Делать нечего – нужно проверять.

Генка снял туфли, осторожно прокрался в спальню, окна которой смотрели на восток. Было раннее утро, до рассвета оставалась пара часов. Зато, в окно ярко светила полная луна. В другое время такой пейзаж мог бы растрогать до слёз очарованием прекрасного, но сегодня, сейчас повода для благодушия не было.

Два влажных обнажённых тела наслаждались близостью

на его супружеском ложе; как голубки – в первозданном, никакой одеждой не обременённом виде, циничные и дерзкие в своей бесстыдной наготе.

Лариса, его Лариса, широко раскинула прелестные белые ноги, обнажая соблазнительно выбритый вход в пещеру наслаждений.

Голова её покоилась на руке атлета. По объёмным мышцам было видно, насколько он физически развит. Вторая рука обхватывала расплюсченную грудь жены.

Одежда любовников в беспорядке разбросана на полу. На тумбочке два фужера с остатками тёмного вина, пустая бутылка.

Вид и запах сцены душераздирающей были омерзительны.

Генку передёрнуло. Промелькнуло желание немедленно включить свет, насладиться панической реакцией коварных эгоистов.

Но зачем? Разве это чего-то изменит? Всё уже случилось. Возможно не в первый раз.

Шокировало, озадачило, возмутило до глубины души уверенное спокойствие жены. Она же знает, что у мужа исключительно острое обоняние. Даже спустя время он почувствовал бы посторонний запах.

Впрочем, это уже не имело значения: Геннадий больше не хотел видеть мгновенно ставшую чужой и враждебной Ларису.

Похоже, Маша, у её родителей. Такое часто бывает.

Думать ни о чём не хотелось. Даже не так – мыслей было слишком много: они суетились, толкались и мешали друг другу, создавая хаос, отчего казалось, будто голова пустая и звонкая.

Мужчина тихонько раскрыл встроенный шкаф в коридоре, отыскивал ключ от бабушкиной однокомнатной квартиры.

Лариса настаивала её продать, а Гена считал, что позже она пригодится для Маши, уже почти взрослой, чтобы жить самостоятельно. Не заметишь, как выпорхнет из гнезда. Нужно же ей где-то жить.

Вот и пригодилась квартирка.

Купленные перед поездкой продукты пришлись кстати. Он положил их в сумку. На выходе вспомнил, что нужно дать ж знать, что он всё видел. На тумбочке в прихожей открыл тетрадь, написал размашисто “Наслаждался в полной мере незабываемым зрелищем! В постели с Тарзаном ты была великолепна. Не решился отвлекать и беспокоить. Бывший муж”

До бабушкиной квартиры пять кварталов городской за-

стройки. Машина ещё не остыла.

Ехал Гена осторожно, медленно. Торопиться теперь было некуда. Заснуть всё равно не удастся.

По радио опять крутили ту же мелодию Наутилуса.

Горькая кривая усмешка отпечаталась на его лице, когда начал улавливать текст песни, – в комнате с белым потолком, с правом на надежду. В комнате с видом на огни, с верою в любовь. Я ломал стекло как шоколад в руке, я резал эти пальцы за то что они не могут прикоснуться к тебе, я смотрел в эти лица и не мог им простить того, что...

Генка определённо не мог простить коварное, чудовищное предательство.

С ним происходило нечто не совсем понятное – какое-то болезненное раздвоение: с одной стороны тошнило от безразличности и тут же всплывало желание грубо изнасиловать жену, чтобы она почувствовала боль и унижение, но при этом смотреть в её глаза.

Жалко было почему-то не себя – её: Лариса ведь такая беспомощная.

Она никогда не работала, ничего толком не умеет. Интересно, что скажет дочь, когда узнает причину его бегства? Как отнесётся к нему, к матери, с кем будет жить?

Возможность оставить всё, как есть, вернуться позднее,

даже не приходила в голову.

– Почему, почему, почему, – спрашивал себя Гена и не находил ответа.

Лариса – единственная в его жизни женщина. Он однолюб.

Ни детских, ни школьных романтических приключений у него не было.

Этим качеством верностью, мужчина гордился, женщиной своей неслыханно дорожил, относился к ней как к хрупкому экзотическому цветку: впитывал её сладкий нектар, наслаждался деликатным лакомством, оберегая от тягот жизни, от обстоятельств, житейских трудностей, ударов судьбы, бытовых проблем.

По возможности старался выполнять хозяйственные обязанности, выделял Ларисе значительную часть семейного бюджета на личные расходы, никогда не заводил склок, гасил большую часть незначительных разногласий, уступая во всём.

Взамен ему нужна была только любовь. Разве это так много?

Как же несправедлива жизнь, позволяющая расплачиваться за добро фальшивыми отношениями? Мозг высвер-

ливало жгучее желание немедленно проникнуть в сознание Ларисы, тайком узнать, в чём кроется причина предательства, что конкретно подвигло жену свершить над ним духовную казнь?

Геннадий во всём винил только себя, хотел разобраться в причине разобщения, вникнуть в суть своего и жены эксцентричного поведения, в тонкости взаимных отношений, в нюансы трагического несовпадения интересов.

Знать бы, чего любимой не хватало? Не было у него возможности уделять супруге больше внимания: ни друзей, ни посторонних занятий не имел, старался, как мог обустроить комфортную жизнь семьи.

Перестарался?

Гена задумался, отвлёкся, не заметил вовремя как возле остановки, на которой стояла женщина с чемоданом, въехал в глубокую лужу, подняв фонтан брызг.

Грязная вода с головой накрыла бедняжку.

Мужчина зажмурился, сжался, физически почувствовав негодование и праведный гнев, которое вместе с водой стекали с потерпевшей ручьём.

Немедленно остановиться, подать машину назад, извиниться, что-либо в качестве компенсации или оправдания предпринять, – вот что могло усыпить, рассеять невесёлые переживания.

Облитой грязью даме было сейчас гораздо хуже, чем ему. Женщина не кричала, не выплёскивала оправданное неприятным обстоятельством раздражение. На её лице отражалась лишь беспомощная растерянность.

Она была готова разреветься.

Так обычно выглядят обиженные дети.

Геннадий взял чемодан, не спрашивая разрешения, положил в багажник, не произнося ни слова, слишком уверенно для себя прежнего расстегнул на ней пальто, снял его, встряхнул, свернул грязной наружной стороной и тоже отправил вслед за чемоданом.

– Геннадий. Извините, не хотел – задумался. Если честно – была причина, хотя она меня не оправдывает. Что вы делаете на остановке в такую рань, автобусы ещё не ходят?

– Не поверите – развожусь. От мужа свалила.

– Бывают же такие совпадения. А я от жены удрал. Втихаря, как нашкодивший мальчишка. И куда теперь? Отвезу, куда скажете. Я теперь ваш должник и у меня уйма времени. Обязан реабилитироваться. Если в химчистке пальто не отчистят – обязуюсь купить новое. Так куда вас?

– Никуда. Сама не знаю. В этом городе у меня никого нет.

Наверно в гостиницу.

– Понятно. Вы так и не назвали своего имени. Не очень-то удобно общаться обезличенно.

– Маша.

– Надо же, так зовут мою дочь. Не представляю, как преподнести ей злополучную новость.

– А у нас, у меня – нет детей. Совсем нет. Муж всё просил подождать. Сначала институт, потом карьера... квартира, дача, машина, долги. Дождалась. Пришёл под утро: весь в помаде, духами, как шлюха провонял, в кармане презервативы. Оправдываться начал, врать. Я ведь ему всегда верила. Подозрительность убивает любовь. Не представляете, как противно, как обидно быть женщиной, которую используют как сменную обувь, как зарядку для телефона или вешалку в коридоре.

– Представляю. Смешно, но у меня... как в вульгарном анекдоте. Наверно слышали нечто подобное, Машенька, – муж неожиданно вернулся из командировки и... лучше бы не торопился, не знал ничего. Что теперь со всем этим кошмаром делать, что?! Она ведь у меня хорошая. Откуда мне знать, как, почему это произошло. Может, она совсем не

причём? Хотя... сложно представить, что её могли изнасиловать в собственной квартире на супружеском ложе. Тьфу, какая мерзость! Так что – представляю, милочка. Ещё как представляю. Своими очами видел, как вас сейчас. Лежат рядком... трогательные такие, забавные, искренние, нежные. Он в ней, она под ним. Грация, пластика, судороги, стоны. Думаете, смакую, собой, несчастным люблюсь? Противно как!

– Извините, Геннадий, мне холодно. Вы меня раздели, ноги мокрые. Я продрогла.

– Простите, Машенька! Эгоизм, это, знаете ли – не лечится. Расчувствовался, а о вас забыл. Садитесь, сейчас согрею.

– Вот этого... этого не нужно!

– Я имел в виду печку. Если вам некуда податься, значит поедем ко мне, в бабушкину квартиру. Правда в ней давно никто давно не живёт, но привести себя в порядок, покушать, выспаться – можно. Предлагаю заехать, купить что-нибудь горячительное. Я водку предпочитаю, а вы?

– Хотела бы сказать нет, как по первому, так и по второму пункту оптом, но не могу. Нет сил, искать приключения. Надеюсь, вы не воспользуетесь моей слабостью.

– Вот и ладно. Если честно – вы мне удачно попались. Мысли в голове скверные крутились, даже произнести вслух стыдно, какие варианты на полном серьёзе прокручивал, какую бесовщину в душу впустил. Я ведь жертвой себя представил, отомстить мечтал. Оказалось, что вам ещё хуже, чем мне. Из двух сомнительного характера неприятностей вышло одно забавное приключение. Предлагаю не выкать, Машенька. Неприятности сближают. Всё, что не убивает, делает нас сильнее. Не я сказал. Вы стихи любите?

– Под настроение.

– Согласен. Так вот... читал на днях и запомнил почему-то. Фамилия у пэтессы забавная – Софья Сладенько. Где ставить ударение – не знаю. Слушайте, – как подачку швыряет мне осень кленовый пятак, хмурит озеро лоб недовольно морщинами-рябью. И уходит старуха раскрашенной, яркой, но дряблой, проворчав напоследок, что всё в этом мире не так.

– Про нас написано. Всё не так, всё-всё-всё! А я назло ему стану счастливой.

– Зачем же назло? Лучше себе на радость.

Гена разыскал в бабушкиных вещах халат, большое полотенце. В ванной нашлись мыло, шампунь, массажная щётка. Жить можно.

Пока Машенька плескалась, мужчина вскипятил воду дляпельменей, нарезал овощей, накрыл на стол. Получилось вполне уютно.

Он даже успокаиваться начал. Если невеста уходит к другому – стоит ли её останавливать?

Маша вышла разомлевшая, розовощёкая, даже улыбалась. На голову навернула тюрбан. Совсем по-домашнему.

– Если ты не против, я тоже искупнусь с дороги. Трое суток в командировке не мылся. Пельмени пока не вари. Осваивайся, обсыхай. Заодно посмотрю, что можно с пальто сделать на скорую руку. Грязи на нём совсем не видно. Тебе что-нибудь простирнуть?

Маша смутилась, инстинктивно прикрыла ладонями грудь и рот, взглянула на Геннадия укоризненно и отрицательно покачала головой.

– Ты что, грязное обратно надела? Нечего стыдиться – тебе не двадцать лет. Снимай. Повесим над газом, высохнет моментом. Приставать не собираюсь.

– Тогда я сама. Надо же – такое непристойное предложить незнакомой женщине! Ты со всеми такой шустрый?

– Можешь не верить, но жена – единственная женщина в моей жизни. Надеюсь, ей и останется.

– Собираешься простить?

– Не знаю. Люблю её. Нельзя наверно рубить сплеча. Сначала выяснить нужно.

– Ну, ты даёшь, Геннадий! Что в данном конкретно случае тебя интересует – глубина проникновения, интенсивность фрикций, угрызения совести, покаяние? Ты же сказал, что поймал её с поличным.

– Знаешь, Машенька, в реальности всё может оказаться совсем не так, как на самом деле. В момент психологической травмы мы склонны преувеличивать, додумывать, искажать реальность, заблуждаться, наконец. Я уже начал слегка сомневаться, что действительно это видел.

– То есть, таким образом, признаёшься, что врал мне, что это был всего лишь способ затащить сюда, возможно изнасиловать? Вот для чего тебе мои трусы понадобились? Да ты извращенец!

– Не выдумывай. Если считаешь меня обманщиком – мо-

жешь поступать как угодно. Если хочешь – уходи. Денег на такси я тебе дам.

– Вот уж нет. Просто не подходи ко мне близко.

– Как угодно. Кстати, ты говорила, что муж пытался оправдаться. Выслушала его?

– Как бы... скорее нет. Нет смысла делать из меня идиотку. Факты налицо.

– Свечку над ними держала? А если это была провокация? Например, конкурентка у тебя появилась. Муж сопротивлялся, еле ноги унёс.

– Ага, только не унёс, а раздвинул. Я даже чувствую, как он её... урод! Ни за что не прощу!

– Ладно, это на его совести. Он обеспечен, успешен?

– К чему клонишь? Какое тебе дело до нашего достатка? Изменил он. Успокоюсь, соберусь с силами и выпровожу к той гадине.

– Хозяин квартиры кто?

– На него квартира записана. И машина, и дача – всё на него.

– Именно поэтому хотел выяснить его материальный статус. А ты сразу в маньяки меня определила. Разрушать легче, чем строить. Нужно быть реалистами. Он сейчас проснётся. Представь себе его переживания. Мало не покажется. Если честно – мне его жалко. Натворил дел, будучи нетрезвым, сам себе теперь не рад. Наверняка любит тебя.

– Чего это ты за него так заступаешься? Уж не знакомый ли твой?

– Машенька – мозгами пошевели немного. Фамилии твоей я не знаю, имени мужа не ведаю, где живёшь – тоже. Какой знакомый? Пытаюсь твою ситуацию прояснить. Тут с кондачка решать нельзя. Думать нужно.

– Нечего за меня думать. Сама справлюсь.

– Не ругайся. Тебе это не идёт. Не я причина твоего раздражения. Я под душ. А ты думай.

Пока Генка мылся, Маша остыла, высохла, заодно успокоилась. Стол решили перенести в комнату. Там диван, телевизор.

Мужчина высыпал пельмени в кипяток, принялся мешать, чтобы не пригорели.

Маша, наверно, очень проголодалась – подошла, через плечо посмотрела, как он варит, встав на цыпочки.

Положение было неустойчивым. Загляделась и привалилась к Генкиной спине упругой грудью. Тот принялся, уловил приятные нотки узнаваемого аромата, напомнившие о любимой жене.

В паху что-то предательски шевельнулось.

Генка повернулся, посмотрел женщине в глаза, вздохнул протяжно. Кажется, слишком долго и внимательно глядел.

Маша смутилась, но глаз в сторону не отвела.

Серые, глубокие очи, совсем как у Ларисы в ту пору, когда соловьи в душе пели.

Возбуждающий запах, упругое давление груди минуту назад, сигнальное биение сердца, прилив крови внизу живота – разве не повод?

Сомневался Гена лишь несколько мгновений, улавливая робкий призывный сигнал. Руки сами обняли Машу за плечи, притянули к груди.

Мягкие, не просохшие ещё кудряшки приятно щекотали щеку. Генка зарылся носом в причёску, вдохнул всей грудью

насыщенный дух взаимного желания, ощутил мощный чувственный позыв, ломающий все запреты.

Маша затрепетала под его руками, покорно превращаясь в горячий воск, напрягла мышцы живота, упругие ягодичцы, открыв для поцелуя нежную кожу шеи и бархатное ушко. Острые ощущения моментально ускорили оборот гормонов и крови. Остановить притяжение уже было невозможно.

Не помня себя, в горячечном бреду, Маша сбросила с Генкиных бёдер простыню, расстегнула халат, прижалась трепещущим телом, словно хотела прорасти в него, задрожала, вручила для поцелуя атласные губы.

Мужчину уже не нужно было уговаривать.

Проблеском сознания он вспомнил про пельмени, выключил газ, не в силах оторваться от самой желанной теперь и единственной цели.

Такого прилива сил Генка давно не помнил.

Через мгновение Маша оказалась у него на руках. Очнувшись, осознав произошедшее событие, очень не скоро, прерывисто дыша, обливаясь потоками пряного пота.

Лица их были спокойны, одухотворены и радостны.

Чувства стыда, неловкости, досады – ничего такого не бы-

ло в помине. Оба поняли, что сделали с огромным удовольствием именно то, чего хотели – перешли Рубикон. Напор желания, потребность продолжить удовлетворение похоти лишь усилилось.

Маша с наслаждением слизывала с мужчины пот, направляя движение губ вниз, туда, где греховное возбуждение опять поднимало голову. Ни она, ни он никогда в жизни не решились бы на то, чтобы даже намекнуть супругам о таком развратном желании.

Происходило с парочкой что-то невероятное. Раз за разом, даже не пытаясь чего-то согласовать, они воплощали самые смелые желания и фантазии, о которых даже не подозревали.

В голову приходило такое, о чём нельзя говорить вслух. Это можно было назвать оргией, если бы не взаимная учтивость, предельная осторожность и бережность.

Ничего неприятного и болезненного, только взаимное наслаждение на грани личного морального и физического запрета, которое не выглядело преступным.

В перерывах они ели, пили вино, полоскались под душем и в ванне, целовались, смеялись, внимательно, на предельно близком расстоянии рассматривали сокровенные физиоло-

гические детали, которые теперь не представляли никакой тайны, но всё ещё манили и притягивали.

Настоящее сумасшествие это было, временное помешательство или провал нравственности – неважно. Им было предельно хорошо, комфортно и весело.

Винить себя, судить, упрекать в совершаемых действиях не было ни малейшего желания. Была неудержимая чувственная потребность удовлетворить низменную страсть, чтобы посредством разврата погасить бурю негодования, возбуждённую коварными изменами.

Изменяют ли они сами – не имело значения. Пусть это останется их личной тайной.

Гена всё-таки посеял в голове Машеньки семена сомнения. Так ли нужно разрывать устоявшийся брак из-за единичной подлости, если она действительно случайна? Это ещё предстояло выяснить.

Любовники заснули, обнявшись в полном изнеможении, а когда проснулись, решение сложилось само собой.

Они никуда не торопились. Пусть супруги-предатели поволнуются, как следует, пусть осознают всю степень своей низости, просчитают варианты возможных событий и их последствий.

Как хорошо, думали оба, что взаимная боль допустила подобное сближение.

Пусть теперь каждый делает свои выводы.

Больше они не целовались, не обнимались – это стало избыточным, лишним. Договорились, если не получится восстановить добрые семейные отношения – попытаться создать новую семью.

Кое-чему они уже научились.

Первая любовь и старомодная скромность

Кирилл был скромным, послушным мальчиком, причём исключительно одарённым сообразительностью и памятью.

Нет, не вундеркинд, просто знания и навыки хватал на лету. С трёх лет его показывали гостям, демонстрируя выдающиеся на фоне прочих детей способности.

Кирилл мог пересказать сказку Чуковского «Федорино горе» от первой до последней строчки без запинки. Много других знал на память, запоминая не только тексты, но и расположение строк. Если в руках у него была книжка, создавалось впечатление, что читает с листа, так уверенно водил мальчонка пальцем по строчкам.

Тем не менее, читать Кирилл пока не умел.

Родители его были людьми прагматичными, сразу придумали для себя фантазию на тему обеспеченной старости, в связи с чем начали учить Кирилла всему сразу: игре на пианино и скрипке, танцам, гимнастике, математике, английскому языку, живописи, пению и фигурному катанию.

Были попытки развить Кирилла и в других областях, но

не прижились, не вписались в режим дня по тем или иным причинам.

Детство у мальчика пролетело в рамках экзотических диет, строгого режима, наказаний и плотного расписания занятий. День его был расписан по минутам. Отступления от графиков исключались.

Так незаметно пролетело детство, перешедшее в точно так же до предела загруженную упражнениями юность.

Ничего сверхъестественного не произошло: Кирилла везде хвалили, его уровень во всех начинаниях был довольно высоким, но ни в одном направлении он так и не преуспел.

В десятом классе, когда Кирилла усиленно готовили к выпуску с золотой медалью, произошёл серьёзный срыв, скорее всего по причине перенапряжения.

Юноша провалился в болезненную меланхолию, с треском завалил все экзамены, сдав их на четыре и три.

Родители бушевали, но что-либо изменить были бессильны.

Состояние юноши плавно перетекло из апатии в нервозность и в затяжную депрессию.

Кирилла поставили на учёт в психиатрической клинике, освободили от службы в армии. Год после школы юноша

медленно приходил в себя, превратившись из человека, который умеет всё, в того, кому ничего не хочется и ничего не нужно.

Однако через год он почти поправился, даже поступил учиться в Финансовый университет, правда по покровительственной протекции непростых папиных друзей и благодаря щедрым денежным вливаниям. Винтики в родительских мозгах по-прежнему крутились лишь в одну сторону – победа в борьбе за тёпленькое место под солнцем любым путём.

Учился Кирилл неплохо, но без огонька. К двадцати годам юноша так и не приобрёл друзей, общался исключительно с преподавателями и родителями.

Однако в двадцать лет (скрыться от физиологических изменений организма невозможно в принципе), Кирилл начал превращаться в обычного юношу с присущими его возрасту потребностями и интересами.

Внешне он был весьма привлекателен: подтянутый, мускулистый, рослый, с энергичной пружинистой походкой, благородным профилем и мягким характером.

Лицо Кирилла отличалось правильными чертами и породистой мужественностью. На подбородке его красовалась привлекательная ямочка. Говорили, что он похож на Кирка

Дугласа, сыгравшего в фильме Спартака.

Не заметить эксклюзивный экземпляр породистого самца не могли. Большинство девчонок в стенах университета рассматривали юношей исключительно в матримониальных целях, как будущих перспективных мужей, иначе, зачем вообще учиться в элитных учебных заведениях.

К нему постоянно подкатывали длинноногие красотки с высокой грудью, одетые гламурно и ярко, чем пугали претендента на роль благородного рыцаря.

Постепенно интерес к парню прокис. Дамы шёпотом домысливали его физические и сексуальные особенности, не стесняясь в фантазиях, нелестных эпитетах и предположениях.

Так бы всё и шло своим чередом. Родители и педагоги привили ему множество специфических навыков, забыв научить общаться, жить в социуме, любить роскошь, комфорт и достаток. Ко всем этим излишествам Кирилл был абсолютно равнодушен, чему способствовал спартанский образ загруженной интеллектуально и физически жизни.

Учился он легко, но без интереса, единственно для того, чтобы не выслушивать родительские выговоры. Впрочем, они тоже устали – поняли, что звёзд с неба сын хватать не

будет. На том и оставили в покое. Лишь бы получил хлебную профессию.

Однако Амур предприимчив. Не сумев вонзить копьё, решил попробовать маленькие дротики. Что с того, что мальчик не имеет склонности к развлечениям и сентиментальной романтике ввиду провалов в воспитании, зато умеет видеть настоящую естественную красоту: не ту, на которую молятся представители имущих классов и ценители массовой культуры, а истинную, основанную на эстетике, созданной самой природой.

Кирилл был уверен, что человек не способен создать более совершенное творение, чем это может сделать среда обитания. Улучшить или облагородить настоящее, цельное искусственно – невозможно.

Очарование изящных линий, великолепие природной гармонии, богатство изысканной пластики, волшебство пропорций, контрасты и тени, притяжение скромности, обаяние простоты и минимализма.

Кирилл имел свои критерии и суждения о прекрасном, любил подмечать тонкости, превращающие повседневные, привычные объекты и явления в магические, способные заставить чувствовать и переживать.

Такие моменты он старался запечатлеть, набрасывая ежедневно десятки эскизов, для которых всегда имел при себе блокнот и карандаши.

В аудитории юноша обычно садился в отдалении от всех, чтобы не мешали думать и рисовать. Наброски Кирилл делал постоянно.

Сама учеба не тяготила и не привлекала. Науки и теории он усваивал с одного прочтения, но серьёзно увлекали лишь мысли о сокровенных знаниях, способных объяснять суть вещей и явлений: не всех, только таких, которые побуждали к плодотворному творчеству.

Рисовать Кириллу нравилось, даже очень, но совсем не то, чего от него ждали родители и педагоги. Он хотел научиться изображать тайную жизнь предметов, чтобы посмотрев на рисунок можно было проникнуть в глубину его сущности, понять спрятанные за гранью банального представления о нём глубинные, эстетические и тайные, мистические его смыслы.

Последнюю неделю недалеко от него, то справа, то слева, иногда немного спереди, садилась одна и та же девушка.

Прежде Кирилл её не замечал, хотя мог поклясться, что она ему знакома. Видимо это была единственная из всего по-

тока представительница противоположного пола, которая не предпринимала попыток понравиться, познакомиться.

Она не носила ярких, привлекающих внимание одежд, двигалась естественно: плавно, изящно, словно уверенная в безопасности и физических возможностях грациозная кошка.

Особенно привлекали выразительные жесты, чарующая женственность, соблазнительная хрупкость, пропорциональные, обаятельные, дружелюбные черты лица.

Впрочем, он не особенно внимательно вглядывался в её внешность, чувствуя значительную долю стеснения. Лишь мимолётные, беглые, перехватывающие настройки фокуса, улавливающие отдельные интересные детали давали пищу для описательных фантазий, на основе которых Кирилл делал эскизы и наброски.

У незнакомки было симметричное, изящное, если не сказать совершенное лицо, маленькое, аккуратное, просвечивающее насквозь ушко, высокая шея с прозрачной кожей, кокетливые завитки волос, лёгкий золотистый пушок на щеках, утончённый профиль, изящный носик, миниатюрные пальчики, узкая аккуратная ладонь.

Ему нравились как отдельные черты, так и общее впечатление.

Вот девочка потёрла мочку уха, засунула ручку в рот, вытащила от напряжения язычок, сжала губы, сморщилась, изобразила непонимание, растерянность, отрицание. Теперь улыбнулась. Движения, позы, нюансы подвижной мимики, выразительные жесты – вот где кладезь неповторимой, благородной красоты.

Мимолётных взглядов было достаточно, чтобы делать серии набросков с разного ракурса, схватывать особенности поведения, увлечений, характера.

Кириллу уже удавались многие моменты, но пытлиное желание создать совершенный образ заставляли смотреть внимательнее и дольше, разглядывать фактуру кожи, характерные топографические мелочи, без которых нет возможности раскрыть цельность, которая увлекает и привлекает.

Довольно часто появлялось желание разорвать эскизы, уничтожить, потому, что линии и штриховка не отражали чего-то основного, главного. Чего – Кирилл не понимал, не видел. Ощущение, что вот-вот удастся схватить суть, проникнуть под таинственную завесу, скрывающую её настоящую, не давало покоя.

Сердце его билось от напряжения, заставляя разглядывать гипнотизирующий его внимание объект вновь и вновь, ино-

гда слишком назойливо, явно.

Он потел, краснел, испытывал внутреннюю неудовлетворённость, но уже не мог отказаться от затеи.

Кириллу не хватало подробностей, иногда настолько пикантных, как форма ресниц или бровей, расположение и рисунок морщин, особенности мимических мышц, объём и упругость губ, поры кожи.

Юноша хотел видеть радужку её глаз, предметы, отражённые в зрачках, детальную картину эмоций, внезапные порывы, движения души.

Чем внимательнее он вглядывался, тем отчетливее понимал, что его таланта для того, чтобы раскрыть такое многогранное явление как привлекательность юной женственности конкретно этой особы недостаточно. Нежная девичья обаятельность потрясла, удивила.

Захотелось знать о ней всё.

Кирилл записался в библиотеку Ленина, читал книги о природе женской красоты и индивидуальности, вникал в понятия, раскрывающие глубинную суть, параллельно увлекаясь не только, даже не столько образом, сколько самой девушкой.

Чем дальше, тем отчётливее понимал Кирилл, что невоз-

можно раскрыть оригинал через метафору. Необходимо проникнуть в индивидуальные особенности темперамента, в глубину настроений и эмоций, изучить и понять проявления разнообразных свойств характера, стереотипы и логику мышления.

Как человек состоит из органов, органы из тканей, ткани из клеток, клетки из отдельных элементов, так и образ из отдельных характеристик, большинство из которых рассмотреть можно лишь в значительном приближении.

Кирилл день за днём подкрадывался к своей модели ближе и ближе, пока не оказался совсем рядом, пока не ощутил живое тепло, не почувствовал букет исходящих от вождельённой модели запахи.

Близость невероятным образом взволновала, посеяв в его сознания семена чего-то особенного, необычного, заставив перейти границу неуверенной робости.

– Разрешите представиться, точнее, познакомиться милая девушка, меня зовут...

– Знаю, как тебя зовут, давно заметила, что ты меня преследуешь. Скажу сразу – мне неинтересно. Я слишком нуждаюсь материально, чтобы терять время на флирт и любовные развлечения.

– Что вы, девушка, у меня совсем другие цели.

– Относительно целей и их реализации я уже высказалась. Мне нужен диплом, необходима хорошо оплачиваемая работа и уверенный карьерный рост. Это всё, что увлекает и развлекает. Относительно остального, не помню точно, но, по моему, на планете живут и нуждаются в мужском покровительстве около трёх с половиной миллиардов женщин. Выбирайте любую на свой вкус. Можно даже попытаться составить карту желанных черт и отыскать именно то, чего хочется. Меня, пожалуйста, оставьте в покое.

– Всё же осмелюсь спросить ваше имя.

– В этом нет секрета. Виктория Ефимовна Силаустьева. Папа механизатор, мама доярка. Удовлетворила вашу любознательность?

– Увы, нет. Как раз это меня не интересует. Посмотрите, пожалуйста, эти эскизы. Может, взглянув на них, вы перемените гнев на милость. Я интересовался, знаю, что каждая женщина считает на этапе знакомства с мужчиной, что его привлекают исключительно доступность.

Кирилл покраснел, застеснялся, но близость к цели разогрела интерес.

– Мечтаю нарисовать ваш портрет. Живой, понимаете?

Не отказывайте сразу, подумайте, Вика. Мой интерес не связан с желанием заработать. У меня вполне благородная цель. Я искренне поклоняюсь красоте. К развлечениям и флирту моё желание отношения не имеет. Попробуйте поверить.

– Допустим, убедили. Что дальше?

– Мне нужно видеть вас в непринуждённой обстановке, наблюдать, как вы ведёте себя в обыденной жизни, вне присутствия кого бы то ни было. Хочу наблюдать эмоции, мимику, жесты, поведение, естественные реакции. Обещаю показывать все наброски.

– Во-первых, прекрати выкать, не люблю. Дальше, как ты себе это представляешь? Я должна переселиться к тебе? Не смейся. Так нагло меня ещё никто не клеил. Будешь приставать – заявлю в милицию.

– Всё гораздо проще. Не нужно выдумывать того, о чём я не помышляю. Для начала достаточно, если вы, то есть ты, разрешила мне быть иногда рядом. Час, два, сколько сможешь вытерпеть мою близость.

– Никакую близость терпеть не собираюсь. Хочешь – учи со мной уроки. От помощи не откажусь

– Спасибо, Виктория Ефимовна! Можно, сегодня начать?

– Я живу в общежитии. Туда не пустят. Твоё предложение.

– Могу снять квартиру.

– Ещё гостиницу предложи. Ты меня разыгрываешь. Думаешь, наверно, что я деревенская дурочка без мозгов и принципов. Размякнет и даст – никуда не денется. Беру своё обещание обратно. Мне роль девочки по вызову не подходит.

– Вика, домой я тебя, к сожалению, пригласить не могу. Родители имеют на моё будущее определённые виды, которые не соотносятся с моими желаниями.

– Я бы и не пошла. Давай так – найдём дешёвое кафе, где нет официантов, закажем покушать, а потом будем учить. Платишь ты.

– Годится. Но у меня есть просьба. Ты будешь вести себя естественно, как обычно, не обращая внимания на моё присутствие. Можешь ничего не говорить. Пока это не обязательно.

– Уверен, что не собираешься приставать?

– Смешно, но я не умею этого делать. Ты первая девушка, с которой я останусь наедине.

– На какой ещё едине? Мы же договорились.

– Не ищи подвоха в моих словах. Всё обстоит именно так, как я говорю. Ты модель, я художник – не более того. Кстати, насчёт квартиры, если вдруг передумаешь, поселить тебя я там не могу, а учить уроки никто не помешает. Это квартира моего дяди. Он сейчас в командировке, где-то в Африке, электростанцию строит, а ключ нам оставил. Мама туда только в выходные ходит. В остальные дни мы можем спокойно там заниматься. Если хочешь – могу подтянуть по любому предмету. Из меня ваяли вундеркинда, но я сопротивлялся.

– Хвастун. Так уж и по любому?!

– Честно. Общие предметы для меня вообще семечки. Мне учиться неинтересно. Я музыку люблю, рисовать. Но никогда не буду заниматься любимыми делами за деньги.

– Хочешь сказать, что играешь? А на чём?

– Пианино, скрипка. Могу на гитаре.

Ела Вика с завидным аппетитом, много. Наблюдать за ней

было ужасно интересно.

Кирилл рассматривал девушку, представляя, как кормит её с ложечки. Он так увлёкся, что забыл, зачем пригласил девушку в кафе. Блокнот лежал закрытым, карандаш он почти целиком успел сгрызть.

– Так и знала, что врёшь. Уставился, ничего не рисуешь.

– Ты такая забавная, насмотреться не могу. Хочешь, закажу ещё чего-нибудь вкусненькое? Кофе с пирожным, мороженное. Или цветы. Я потом нарисую, по памяти.

– Мы зачем сюда пришли, уроки учить или развлекаться? Ты рисуешь, я учу. Проверю, какой ты художник. Меня что-то сомнение берёт.

– Всё, приступили. Молчу, как рыба. Будут вопросы по учебе – спрашивай.

Через час их попросили из кафе. Они шли и смеялись. По любому поводу. Было очень странно, но получалось это само собой.

Кирилл проводил Вику в общежитие, спросил насчёт решения, где заниматься завтра.

Вика долго крутила нос, словно желала расплющить его

всмятку, смотрела на юношу одним глазом, – ладно, уговорил, бери ключи. Но имей в виду, никаких вольностей не допущу.

Вика протянула руку для прощания и посмотрела, долго, по-особенному, словно впуская парня погостить в сверкающие коричневым блеском пределы души.

Кирилл успел заметить в её глазах своё отражение. Это поразило, буквально потрясло. Ладонь девушки, прохладная, мягкая, была удивительно эластичной, нежной. Отпустить руку совсем не хотелось. Самое удивительное – Вика словно умела читать мысли, не торопилась выдергивать желанный приз, даже потрогала пальцем запястье Кирилла. От этого мимолётного прикосновения застучало в висках.

На метро парень побежал вприпрыжку, необычайно довольный, даже возбуждённый. Спустившись вниз, уселся на первую же скамейку, приступив к рисованию. На портретах Вика была разная, чаще улыбалась, а он пытался вспомнить лицо в тот миг, когда через кожу ладони чувствовал её всю.

Эскиз за эскизом юноша выбраковывал, не в силах поймать тот, проникающий в глубину открывшейся на мгновение тайны, взгляд, запечатлевший их нечаянное единство.

Кирилл рисовал, раздражаясь, чуть не плакал от негодования. И лишь тогда отразил нужные черты, когда душа ощу-

тила сначала сладость, потом восторг, потому, что понял, что именно означал тот таинственный взгляд.

Вика ему поверила. Даже не так. Доверилась, несмотря ни на что. Означать это могло лишь зарождение определённого чувства.

Кирилл обрадовался, прикусил указательный палец почти до крови, испугавшись нечаянной мысли. Он не был готов к настоящей ответственности. Нет, нет и нет. Договорились только рисовать. Нельзя злоупотреблять доверием. Нельзя!

Рисунок между тем вышел отменным. Нужно дома изобразить то же самое в цвете на большом листе. Как бы то ни было, день представился необыкновенным, поистине удачным.

Кирилл рисовал, наслаждаясь вдохновением. Сегодня, как никогда, получалось, словно играючи. С портрета на него внимательно, доверчиво смотрела смелая девочка, но как, как смотрела! Юноша боялся вслух произнести это слово. Зато, оно кричало где-то внутри. Если он нарисовал так, как было на самом деле – это любовь.

И что тогда делать? Отказаться дальше встречаться или напротив, подыграть и будь, что будет? Как художнику ему интересно досмотреть весь изобразительный ряд, потом вы-

брать лучшее, но чем это грозит? И потом... он обещал.

Что, если события не дадут возможности быть зрителем, потребуют не просто участия – активных действий? Это так страшно – влюбиться.

Хорошо, если взаимно. Бывает иначе. Что потом? Страдать, мучиться?

Его всю жизнь учили следовать указаниям и никогда не позволяли самому принимать решения. Совет спросить не у кого. Родители однозначно поймут неправильно.

Кирилл обдумывал нечто, о чём не имел ни малейшего представления. Название чувства, ряд общих описаний. Он переживал не любовь, скорее её ожидание или предвкушение. Предпосылок, кроме мимолётного взгляда, ощущения трепета от прикосновения к ладони, размытой природы томления, непонятно, приятного или раздражающего – не было. Что-то в его душе, несомненно, происходит, но это так неоднозначно.

Ясно лишь одно – природа не пожелала оставить его в покое, включив вопреки воле механизм принуждения. Но он не воспринимает эти ощущения предвестником насилия. События происходят, следуя личному желанию, собственным усилиям, предпринятым для знакомства.

Девочка по-настоящему для него интересна. Общаясь с ней, Кирилл впервые в жизни соприкоснулся с отличиями мальчика от реальной девочки. Пока на уровне визуального контакта.

Даже эта степень близости показала, как велика пропасть физиологических различий, насколько беспредельно сильно хочется нырнуть в омут непохожести с головой, окунуться в бездну неразгаданных тайн, засекреченных воспитанием, социальными запретами, прикоснуться к тому сокровенному, что тщательно скрыто.

Кирилл ложился спать, ворочался с боку на бок, опять вставал, смотрел сквозь окно на ночную улицу.

Его посетило страстное желание очутиться там, где никого нет и кричать, кричать. Не важно, отчаяние этим будет выражено, восторг, ликование. В любом случае, ему станет легче. Он шептал имя девочки, просто имя, но оно отдавалось во всём теле набатом, заставляя кровь прорываться сквозь сосуды со свистом и скрежетом.

Юноша пытался разговаривать с иллюзорной, воображаемой Викой, вступал с ней в полемику. Много раз, внимательно и скрупулезно разглядывая портрет, сравнивал с эскизами, задавал девушке на картине вопросы, получал ответы, спорил.

Временами Кириллу казалось, что он сходит с ума. Возможно, так и было на самом деле. Происходило нечто из ряда вон выходящее: он обонял воочию запах её волос, слышал голос, даже чувствовал прикосновение миниатюрного пальчика к своему запястью.

Это было приятно и тревожно одновременно. Измученный, он ненадолго уснул лишь под утро, забывшись настороженным сном, полным видений.

Желание как можно скорее увидеть Вику гнало в университет. Он боялся, что всё, происходящее вчера, привиделось.

Грань между сном и реальностью стёрлась. Кирилл хотел знать правду и боялся её узнать. Что-то происходило не так, как должно быть.

Ключ от дядиной квартиры жёг ладонь. Неужели они действительно проведут какое-то время наедине?

Картину юноша надёжно спрятал: завернул в холст, положил свёрток под подушку. Изображение слишком сильно будоражило воображение.

Вика, как обычно, сидела в аудитории на привычном ме-

сте. Поздоровавшись с ним кивком головы, уткнулась в конспект, словно не замечая волнение Кирилла. Он не знал, что об этом думать. Наверно, действительно привиделось.

Юноша присел рядом, вдохнул букет пряных ароматов молодого тела, от которых закружилась, поплыла голова. Рука сама собой потянулась к Вике, накрыла её ладонь, такую же прохладную и нежную как вчера. Значит было.

Девушка улыбнулась, не выказав даже тени раздражения. Это растопило робость, придало уверенности, подтолкнуло к дальнейшим действиям.

– Принёс ключ, как и обещал, – заговорщическим тоном прошептал он.

– Замечательно. Я так голодна – не представляешь.

– У меня яблоко есть.

– Давай. Мне кажется... я бы наверно целого поросёнка съела.

– На перемене обещаю накормить в буфете.

– Там дорого.

– Ничего. Ты сегодня такая красивая.

– Мне кажется, что ничего не изменилось. Я вчера пришла в общежитие и свалилась в постель. Правда, ты совсем не дал мне выспаться.

– Я, как это могло случиться?

– Не знаю, чем ты занимался всю ночь, я так и не смогла тебя прогнать. Снишься и снишься. Приставал с каким-то особенным портретом.

– Тебе, правда, это снилось? Не может быть!

– Ещё как может. Если и дальше будешь мешать спать – больше не буду позировать. Покажешь?

– Чего показать, квартиру? Конечно, покажу.

– Я про портрет. Получилась хоть? Я так и не поняла, похожа или нет.

– Похожа. Только... пока не покажу – нельзя. Кое-что нужно переделать. А эскизы можешь смотреть. Вот они.

– Ого. Правда я. Как тебе удаётся уловить такое сходство?

Можно, девочкам в общежитии покажу?

– Это же личное, интимное. Мало ли что про меня подумают. Скажут, что влюбился.

Вика внимательно посмотрела Кириллу в глаза, потом на руку, лежащую на своей ладони.

– Это правда?

– Ты о чём, Вика?

– Кирилл, ты читал Фрейда? Человек ничего не произносит просто так, случайно. Ни-че-го. Ты сказал про любовь. Мы договаривались – только рисовать, так?

– Да, сама видишь, рисую. Вон сколько. Это всё – ты. Но мне пока не хватает информации... о тебе. Ты до сих пор для меня загадка.

– Женщину, если ты вообще чего-нибудь смыслишь в этом вопросе, разгадать невозможно в принципе. Кирилл, я должна получить диплом и профессию. Не вздумай морочить мне голову своей любовью. А ещё лучше, давай сразу остановимся, пока не стало поздно. Если честно, мне тоже не по себе. Сны эти дурацкие, волнующие мысли, тревожные предчувствия, непонятно откуда выросшее желание до-

тронуться до тебя. Бред! Между нами ничего нет и быть не может. Убери руку. Ишь ты, иллюзионист хренов. Гипнотизирует тут. Выставил свои серые глазищи, зыркает, а у меня мурашки по телу. Не поддамся, даже не думай. Сегодня сходим последний раз, потому, что кушать хочется, и всё, на этом заканчиваем портреты ваять. Не дай бог ещё чего попутно воплотим в жизнь. Я за себя теперь не отвечаю. Чёрт меня дернул связаться с авантюристом. Напою, накормлю! Купить задумал, художник! А я, как дура, уши развесила.

– Вика, ты что, я ни о чём таком, даже в мыслях... я же не виноват, что приснился тебе. Может ты тоже мне снилась. И разговаривала. Что теперь – портрет не писать?

– Ничего! Сказала же, кушать хочу. Всё из-за тебя началось. Сказочник. Чего ты там про любовь говорил?

– Ничего. Это ты, ты говорила.

– Значит, врал? Не любишь, а словами бросаешься?

– Вика, ты меня вконец запутала. Ничего такого я не говорил.

– Выходит, я вру, да? Сознавайся, а то уйду.

– В чём сознаваться?

– Ладно, проехали. Не хочешь – не надо. Когда уже эта пара закончится? У меня от голода голова пухнет. Или от любви? Что ты со мной сделал, негодяй! Если так дальше пойдёт, я без диплома останусь.

– Ну, что я говорил, это ты, ты, не я про любовь.

– Не отказываюсь. Потому, что дура. Учиться надо, а ты, ты...

– Что я? Рисую и рисую. Как обещал. Никаких вольностей не позволяю.

– Ты... ты первый начал. Сидела себе в сторонке, никого не трогала. Как деревенщина неразумная, на приманку повелась. Теперь мучаюсь. Ладно, можешь руку обратно положить. Ты мне давно понравился, если честно. Держалась, терпела. Но это ничего ровным счётом не значит. Не облизывайся. Я не пирожок какой-нибудь.

– Пошли лучше завтракать.

Само собой получилось, что до квартиры дяди они добились, держась за руки.

Удивительно, но чем ближе Кирилл знакомился с Викой, тем меньше мог разглядеть, плотнее сосредоточиваясь на личных переживаниях. Он начинал чётко различать оттенки ощущений, замечал различные реакции физиологии на слова, действия, поступки. Вместе с этим росла в геометрической прогрессии масса неосознанных желаний.

Кирилл даже представить не мог, что общение с девушкой может быть настолько разнообразным, несмотря на то, что внешне ничего особенного не происходило. На ходу учились разговаривать глазами, жестами, прикосновениями, понимая не намёки даже, а предчувствия и мысли.

С каждой минутой росла плотность соединения, чувство сопричастности, даже привязанности. Для этого им не понадобилось слов, обещаний, клятв.

Тебе хорошо со мной, спрашивала глазами Вика? Кирилл нежно сжимал её пальчики, передавая тем самым именно тот ответ, который девушка ожидала. Её реснички сладострастно хлопали именно столько раз, чтобы юноша понял, насколько ей дорог.

Ребята не хотели говорить вслух, пока кто-то посторонний мог невольно вмешаться, услышав их деликатный диалог,

слишком интимный, чтобы о нём можно было сообщить миру. Их чувства едва возникли, не успев покинуть девственную колыбель. Возможно, они сами ещё не догадывались, что это начало появления более сильных влечений, но уже стремились быть вместе и боялись этого.

Не прошло недели, как они, скрестив пылкие взгляды, признавались друг другу в любви, делились своим прошлым, раскрывая самые закрытые тайны, превращая их в общее настоящее.

Последовавшие за откровенностью душ поцелуи и объятия лишь укрепляли союз. Несколько месяцев изо дня в день множество раз влюблённые клялись в вечной любви, хотя наутро иногда их забывали, но повторяли вновь.

С тех пор довольно долго не рождалось портретов и рисунков. Не так просто оказалось полностью, как он мечтал, раскрыть желанный образ. Художественный вкус и тяга к прекрасному сублимировались в самое яркое из чувств, уготованных человеку природой, изменяя тем самым и само понятие красоты, раскрывшей ему множество тайн, достойных лишь исключительно талантливой кисти.

Кирилл был обжигающе горяч, впечатлителен и пылок, Вика – нежна и податлива, но осмотрительна, терпелива и

осторожна.

Работа над портретом продолжалась каждую минуту, добавляя желанному образу обаяние и изящество.

Юноша оказался талантлив ещё и в любви.

Несмотря на то, что девушка полнее и глубже раскрывалась с разных сторон, оставив в прошлом невинную стыдливость, скромность и целомудрие всё так же занимали в её характере лидирующие позиции, составляющие прочную основу первоначального образа, с которого и началась эта история.

Романтическую взаимность, безумную страсть и чистоту восторженных чувств талантливой парочке удалось сохранить в секрете до окончания университета.

Оба получили дипломы с отличием, замечательную работу, но любовь на богатство и роскошь они так и не променяли.

А портрет... в их совместной квартире изображения Вики, с детьми, без детей – висят везде. Они заполняют пространство совместной жизни, как свежий воздух необъятные пределы природного ландшафта.

Разглядывая их один за другим можно проследить, как девушка выросла, вместе с ней изменялась удовлетворён-

ность жизнью, восхищение таланту художника, нарисовавшего вместе с портретами всю её замечательную жизнь.

А тот, самый первый портрет, написанный вдохновлённым неожиданным открытием трогательным в своей девственной стыдливости юношей, рукой которого водило небывалой силы вдохновение, занимает центральное место в их доме, напоминая о том, что любовь может родиться даже из целомудрия.

Даст или не даст?

Кто, как и почему влюбляется, что заставляет нас принять решение превратить нежные романтические чувства в частное семейное предприятие, подавая заявление на регистрацию брака – неважно. Наверно у каждого на то своя – особенная причина.

Лично я влетел в романтические отношения после продолжительного периода безысходного одиночества, в состоянии которого слишком часто тешил себя иллюзиями и таинственными мечтами, разыгрывая в воспалённом ожидании воображении сентиментальные сюжеты одной и той же – нежно-лирической направленности.

До жути хотелось любить и быть любимым.

То, чего невозможно потрогать, можно запросто придумать. Эффект присутствия гарантирован. В тоскливом уединении сцены иллюзорных свиданий получались детально расцвеченными, наполнялись горячими эмоциями и реально ощутимыми соблазнами.

Мне грезились настоящие чувства в ответ на взаимные признания и нечаянные прикосновения.

Если вдуматься – пьеса любви с первого взгляда была заранее, ещё до моего рождения написана, отредактирована, утверждена, разыграна, отрепетирована многократно и лишь ждала утверждения внутренним духовным худсоветом кандидатуры героини на самую главную роль.

В мире, который мы считаем сугубо материальным, любой объект легко меняет своё поведение и даже физические свойства от одного лишь внимания к нему.

Не правда ли – странный мир?

Инна была обычной, такой же, как тысячи проходящих мимо, но не оставляющих никакого следа в душе и биографии с одной лишь разницей – девчонка обратила на меня пристальное внимание: ей показалось обидным или вызывающим моё поведение.

Не вполне заслуженное мнение.

Я сидел, точнее, дремал, а она свалилась на меня, когда автобус основательно трянуло на глубокой ухабине.

Девушка вместо извинения начала скандалить. Видимо защищалась методом нападения.

Мне же ещё пришлось извиняться, чтобы не заводить неприятную разборку в тупик.

Слово за слово. Инна невольно привлекла моё внимание, я – её.

Скандал – тоже способ взаимодействия, пусть не такой позитивный как флирт, но не менее эффективный.

Иногда шумная перебранка позволяет довольно быстро навести надёжные мосты. В этом я убедился на том драматическом примере.

Банальной пикировки оказалось достаточно, чтобы внутренний контролёр сделал вывод – почему бы не познакомиться, если девушка настолько равнодушна?

Дерзкая пигалица вполне годилась на роль соблазнительной романтической дебютантки: руки, ноги, талия, грудь, искорка в глазах, чувственные губы, взрывной темперамент. Как говорится – не догону так согреюсь. В ней явно что-то есть, этакая чертовщинка, экзотическая изюминка.

Возможно, впечатлило и нечто большее, чего невозможно увидеть невооружённым взглядом, тем более понять, не дотронувшись.

Девчонку окутывал тонкий, соблазнительно женственный аромат, заставивший закипеть кровь и возбудить фантазию.

Роль соблазнителя, тем более влюблённого, я играл впервые, оттого слишком сильно волновался, по причине чего основательно перепутал тщательно отрепетированные в иллюзиях сценарные наработки, скомкав и исказив сюжетную линию ожидаемой романтической новеллы.

Кто знает, получилось бы что-либо интересное из нашей встречи, произойди она в иных обстоятельствах и в другой тональности.

Свидание получилось странным, несколько агрессивным, но её глаза заметно загорелись ответным восторгом, скрыть который Инна не сумела. Или не захотела.

Похоже, ей тоже было любопытно – чья индивидуальность способна взять верх.

Сам не понимаю, как я сумел воспользоваться щекотливой ситуацией, но мы познакомились, подружились, даже стали со временем близки друг другу.

И вот, позади конфетно-букетный период романтического ухаживания, свадьба, потрясающе сладкий с щепоткой перчика медовый месяц.

Семейные отношения изменили нас до неузнаваемости.

Месяцы сентиментально чувственной практики, пылкой

страсти, ароматных и сочных до вывиха мозга интимных экспериментов – это не шутка.

Молодая жёнушка раздалась – совсем немного, но очень симпатично в районе соблазнительных ягодичек и в области талии: удивительная, весьма пикантная трансформация, прибавившая желания ей обладать.

Животик её округлился до размера среднего по величине арбуза, притягивая не только взгляд, но и потребность до него дотронуться.

К ароматам цитрусов и пряных трав от её нежного тела, как было тогда, в самом начале, прибавился запах сладкого молока и ещё чего-то настолько пикантного, что немедленно вызывало прилив крови в нижней части чувствительной мужской конструкции, стоило только уловить мимолётном её соблазнительный интимный запах.

Ещё недавно абсолютно не было нужды думать: даст или не даст: невеста, а потом жена хотела

близости постоянно, круглосуточно, всегда.

Всё изменилось мгновенно и вдруг.

Двигалась она теперь плавно, словно танцевала маленькие сценки из балета "Лебединое озеро".

Жена щедро, с нескрываемой нежностью задумчиво оглаживала набухающее брюшко, словно ласкала мурлычущую кошечку: закрывала глаза и уплывала в мыслях, в ощущениях далеко от того места, где находилась физически с блаженным и счастливым выражением на лице.

Инна стала задумчивой, противоречивой и немножко капризной, но по-прежнему желанной и соблазнительной.

Вот только уставала непонятно отчего и засыпала на ходу.

Проснётся, точнее даже очнётся ото сна, встанет с постели с закрытыми глазами, на ощупь накинёт на плечи телогрейку и бредёт в сторону туалета, который, как это принято на селе, расположен во дворе.

Доходит Инна до двери в полудрёме и вдруг вспоминает, что давно уже осень, что на улице слякоть, что там промозгло и зябко, а ещё лужи по колено и размокшая глина, возможно студёный ветер.

От мыслей таких девочку мою мгновенно пробивает озноб, отчего она мгновенно впадает в ступор.

Приходится открывать один глаз, искать ведро, в которое она и справляет малую нужду, звонко барабана неудержимой утренней струёй по гулкой жести.

Очень эротичная музыка, когда знаешь наверняка, из какого инструмента извлечены божественные звуки. Во всяком случае, я подобное интимное явление нахожу очень возбуждающим. Возможно такое восприятие не вполне нормальное, но что я могу с собой поделать, если всё, что делает моя милая, вызывает неудержимое желание?

Меня моментально посещает ненасытная греховная страсть, лишаящая рационального разума, которую, увы, удовлетворить невозможно.

Не то чтобы наложено жесточайшее табу на интимные ласки, даже не график исполнения супружеского долга тому причиной, но тесные интимные контакты теперь происходят исключительно по требованию вынашивающей драгоценный плод супруги.

Как вы понимаете, случается это крайне редко.

Наблюдаю, находясь одновременно в реальности и во власти сладких галлюцинаций, как супруга нехотя подходит к

умывальнойнику, как медленно берёт в руку зубную щётку и тут же застывает безвольно с ней во рту, стоя проваливаясь в сон.

Спит Инна с некоторых пор много и часто.

Иногда приходится ловить её в свободном падении и нести досыпать на кровать.

Прикосновение к желанному, разомлевшему нежному телу, беззащитный соблазнительный вид, чувственный волнующий запах, внезапно залетевшие в голову, набухающие ментально эротические мысли – всё вместе превращает меня в сгусток желания, которое требует немедленной реализации.

Не даст, – снова и снова разочарованно хныкаю я.

Посапывающая на моих руках жена неожиданно вызывает сильнейшую эрекцию, которая вырастает до немислимых размеров, доводя до экстаических судорог.

Мысленно допускаю гипотетическую возможность (она же так крепко спит) тайно проникнуть в центр блаженства, самую малость, буквально тютельку и тут же понимаю – подобное желание, это недопустимое кощунство. Она же беременна!

Укладываю свою девочку в постель, сижу и вою, как волк ночью в зимнюю стужу от абсолютной несбыточности разыгравшегося совсем некстати вожделения.

Пытаюсь успокаивать себя, приговаривая, подражая испорченной пластинке, – я спокоен, мне хорошо, не очень-то и нужно.

От сорочки жены сочится, обнося голову, нежный возбуждающий аромат, усиленный духмяным теплом, пряным хмельным дурманом от беззащитного спящего тела.

Тяжёлая грудь, изрезанная трепетно притягивающими взор синеватыми малахитовыми прожилками кровеносных сосудов нахально вываливается наружу, маня своей мнимой доступностью и дьявольски выразительными, восхитительно трепетными очертаниями.

Твёрдый сосок вызывает невольную мысль, – неплохо бы отведать сладость его упругой прелести.

Возьми, говорит подсознание, это желанное чудо, отведай, сделай немедленно то, чего страстно хочется!

Господи, если бы она знала, чего м сколько я хочу на са-

мом деле!

Кладу на тёплую плюшевую мякоть её тела ладонь, сквозь которую в меня вливается неудержимая похоть, заставляющая дрожать всем телом.

Невыносимая, мучительная кара. Всё равно не даст!

Беременность – немыслимое, чересчур жестокое наказание для молодого мужчины.

Моя девочка тем временем потешно посапывает.

Жене неведомы мои фантомные муки, борьба с ними её не трогает.

На лице Инны выразительно, очень живо блуждают сдержанные тени сонных эмоций, посетивших в минуты предутренних грёз.

Интересно, что ей снится?

Конечно, не я. Теперь её прелестная головка занята до отказа другими видениями. Интересно, какими?

Наверняка общается со своим будущим чадом.

А как же я?

Я тоже хочу её и её внимания!!!

Ведь это она приучила меня к ежедневному употреблению предельно пикантного, до невозможности лакомого блюда.

Не успел я насладиться ощущением пульсирующей тяжести объёмного бюста с восставшими сосцами (всё-таки решился подержать в ладони ценный приз), как её тело сотрясли спазмы.

Нет, совсем не те, о которых можно догадаться, читая эти строки.

Опять мою девочку некстати посетила тошнота, началась рвота и сопутствующая этим неприятным процессам истерика.

Едва успеваю подставить ведро, чтобы не опросталась на постель.

Она заходится в выворачивающем внутренности приступе, отплёвывается, матерится, вытирает губы краем простыни, рыдает, бьёт меня кулачками в грудь, винит во всём про-

исходящем опять же меня.

Придётся снова стирать постельное белье, её одежду!

Инна рыдает у меня на плече, размазывает на рубашке коктейль из слёз, соплей и исторгнутых организмом соков.

Это уже совсем иные, не очень возбуждающие желание ароматы.

Исторгнутая организмом субстанция мгновенно гасит вспышку эротического влечения, включая между тем механизм эмпатии – экстренное желание помочь, облегчить страдания любимой.

Мне её так жалко! Печально, что природа не нашла более приемлемого способа примирить женское чрево с потребностями вызревающей в нём новой жизни.

Неужели действительно я тому виной?

Как же ей тяжело!

Приходится успокаивать, умыть, ласкать, заглядывать в потухшие глаза, моментально теряющие цветовую насыщенность и искристую живость. Попытка угадать невысказан-

ные желания и потребности, которые появляются и исчезают, не успев реализоваться, словно шаровая молния, ни к чему не приводят. Мужчина не способен помочь своей женщине, ослабленной борьбой с собственным плодом.

Долго в таком режиме мне не выдержать, а впереди ещё месяцы вынашивания младенца и полуголодный интимный паёк, который может превратиться со временем в абсолютно сухой.

Грустно. Печально. Даже больно иногда.

Неудовлетворённое желание действительно вызывает сильные, весьма неприятные болезненные ощущения.

Зато нас скоро будет трое.

Через некоторое время ситуация поправилась, но не так чтобы очень.

Несмотря на облегчение, отступление тошноты и постоянных головокружений, уроки любовного танца девочка моя опять начала систематически прогуливать, находя тысячи весомых и надуманных причин.

А я! Только разохотился, вошёл во вкус, наработал совер-

шенную технику интимной близости в новых физиологических условиях и на тебе – снова здорово.

У меня стоит всё, извините за подробности, что способно принять вертикальную ориентацию: пухнет, болит, ноет.

Неужели так сложно раздвинуть ноги и немного потерпеть?

– Ой, – по любому поводу верещит супруга, медленно, но верно разрушая мне нервную систему, стремительно превращая в импотента.

Жизнь становится похожей на ад.

Вроде привыкнуть пора к положению пленника, интимного изгоя, но черти изнутри меня с этим не соглашаются. Вынь да положь им ритуальное жертвоприношение, иначе устраивают физиологический шабаш, приводя психику в абсолютное озверение, рождая стойкое неприятие жизни и депрессию.

Впечатление, что привязали к детородному механизму суровую бечеву, а рычаги управления передали в сторонний арбитраж, оператору, которому по барабану твои проблемы и метания.

Спрятала милая поводок подальше от глаз, прямо в свои кружевные трусики, и водит меня на той верёвке как деревенские бабы племенного бычка.

Даст или не даст?

Я ведь молодой, здоровый, мне без дозы адреналина при избытке мужских гормонов край.

Женщины, похоже, осведомлены о том, чувствуют беспредельность власти, позволяющую контролировать сознание партнёра, переместившееся, постоянно или временно, кто бы знал почему, в область нижнего мозга, в самую его чувствительную часть.

Не способен мужчина, загруженный под завязку лошадиными дозами тестостерона, думать до поры категориями очевидности: за него похоть решения принимает, которая нализуется спелостью и требует жертвы.

Этим дамы и пользуются, почём зря, иногда себе во вред.

И управы на них нет за подобное самовольство, поскольку отдают своё, исконное. Право имеют кочевряжиться, цену набивать.

А мы, мужики, подаём им изысканное блюдо из энер-

гичных здоровых сперматозоидов, оживляющих яйцеклетку практически даром, да по первому требованию, на тарелочке с голубой каёмочкой. Чего изволите, сударыня? Вам глазунью или омлет? Может, в блинчики раскатать, полосками порезать, с чесноком или луком, холодное, либо горячее?

Может, живьём съедите?

А если и съедят, мы не обидимся, поскольку на сей деликатес повышенный спрос.

Вон, самки паука своими любимыми после хорошего секса, утомившись от грёз, закусывают с большим аппетитом, а те, пока ими с аппетитом хрустят, в глаза доверчиво даме заглядывают, – удобно ли, вкусно ли, милая?

Никто ведь не заставляет жертвовать собой. Сами в рот лезут.

Идиоты, право слово! Это я про всех нас, мужиков, скопом.

Ничего не попишешь – древнейший рептильный инстинкт, биология.

И вечный вопрос: даст или не даст? А если даст – сколько

и чего запросит?

Бред какой-то!

Может, эти болезненные мысли приходят в голову от дурной крови, от её застоя и исключительно мне?

А как же любовь, верность, привязанность, подсознательное стремление продолжить род?

Чего я там подумал – привязанность?

Вот, именно она – та самая верёвочка!

Обмозговать нужно на досуге, но позже, когда опухоль спадёт.

Давит, зараза, свербит, стоит и требует сатисфакции.

А стоит ли оно того?

Кто бы знал. Хочется и всё, хоть убей!

Сначала нужно возбуждение успокоить, хоты бы вегетарианскими методами, не прибегая к услугам любимой.

Ручками, чёрт возьми, ручками!

Так и привыкнуть недолго к комплексной сексуальной терапии в рамках счастливой семейной жизни.

Оттого с вожделием приходится смотреть на каждую проходящую мимо симпатичную самочку, извините, женщину, с энтузиазмом и изяществом виляющую аппетитным задом, дабы подчеркнуть силу порочных чар, внушить своё превосходство по причине владения приспособлениями, в которых ты, греховодник, безумно нуждаешься, ритмично раскачивающую спелые тыквы груди, томно отводящую хитрющие, маскирующиеся под непорочность глазки.

Интересно, а она даст? Тоже ведь стремится понравиться, тоже чего-то страстно хочет.

Возможно, того же, чего и я.

Смотреть не воспрещается – за погляд денег не берут, и вообще, созерцание – ещё не измена, но активный шаг в левую сторону.

Хотя, даже семейным не возбраняется наслаждаться возбуждающим видением, хоть и влюблённым по уши в ненаглядную ... которая не даёт, чёрт возьми. Не даёт и всё!

А уж в потайных комнатах воображения ты и вовсе волен в своих фантазиях, позволяющих употребить видение в любой форме, хоть даже в извращённой.

В мыслях утомлённого воздержанием индивидуума то и дело случается подобное продолжение.

О-о-о! Ейес! Воображаемое, конечно, но удивительно реалистичное.

Зато у меня скоро будет замечательная, славная малышка, успокаиваю себя.

Я уже слышу её писклявый голосок.

А Инну люблю!

Я ведь только смотрю на этих изящных кокетничающих прелестниц, ничего более: нужны они мне как рыбке зонтик.

Разве можно интерес и любознательность квалифицировать, как измену?

Ну, упругие как спелые яблочки, ну сисечки, аппетитная, словно спелый персик, попочка, губки бантиком, глаза-ому-

ты. Фигня, ничего особенного. И у жены этого добра валом.

Правда, ведь там, под легкомысленным платьицем, ничего срамного не видно, но не сложно додумать, именно то, без чего жизнь не в радость.

Бред. Что за глупые фантазии!

Я же не пристаю к ним, не соблазняю, не флиртую даже.

Инночкина упругая попка, упрятанная под коротеньким платьицем, когда стоит она у плиты или моет посуду, не меньше заводит. Руки сами собой тянутся к оголённым кусочкам нежной кожицы с проступающими под ней голубоватыми прожилками живых кровеносных сосудов.

Представляю себя маленьким лейкоцитом. Или эритроцитом, пробравшимся туда, внутрь и...

Чёрт возьми, это же ненормально. Уж не маньяк ли я?

Что же будет со мной, когда плод разовьётся, превратится в настоящего младенца, а любовные ристалища будут окончательно исключены из семейного меню?

Страшно даже подумать!

Сегодня у моей жены не болит голова, таинственным образом исчезла тошнота. Наверно договорилась с дочкой. Теперь уже точно известно – девочка будет.

Настроение моей дамы на высоте, яркий румянец, улыбка в половину лица, иронично лукавый взгляд.

Ура, хочет, даст, точно даст!

Похоже сегодня мой счастливый день.

Чувствую себя в ней, её в себе до самых смелых мыслей.

Что может быть прекраснее, вкуснее!?

Мысли сосредоточены в Инкиных трусиках, в которых припарковано нечто до одурения влажное, истекающее любовными соками – загадочное и влекущее мохнатое чудо.

Да не нужно мне ничего, кроме этого! По крайней мере сейчас.

Вам не понять! Вы не умирали от жажды, скитаясь без надежды насладиться хоть одним глотком в безбрежном океане неправильной влаги.

Вот ведь – засела занозой в дурную голову шальная мыслишка, заставляющая кровь пульсировать со свистом в ушах, проталкивая её под невероятным давлением вниз живота.

Хочу и всё, требует голодное чудовище!

За что она там зацепилась, эта бредовая идея, какого лешего, как бы выковырнуть свербящую думу из воспалённого мозга, чтобы жизнь окончательно не испортила!

– А не испить ли нам с тобой кофейку, графинюшка, – подкатываю я к супруге без особенной надежды добиться интимного десерта, единственно из навязчивой вредности и по причине опухшего от неистребимого желания как верхнего, так и нижнего мозгового вещества.

– Помнится, в потайном уголке заваривала ты мне божественный напиток. От крепости, аромата и вкуса у меня до сих пор в полнейшем беспорядке ползают мурашки по всему телу. Очумел я от интимного голода, родная, припух, рассудком едва не двинулся. Сама понимаешь – непросто быть мужем беременной дамы.

– Дурачина, ты на что намекаешь? То экспромт был. Так теперь не получится. Сама соками истекаю. Такая же глупая как ты. Ладно, уболтал, будем пробовать. Я ведь не каменная

баба. Уголёк внизу живота и меня порой жаром щекочет.

– Тогда не медли, начинай охмурять.

– Чего? Если и дам, то в долг, под проценты. И не забывай – это кредит доверия.

– На всё согласен. Проси, чего душа пожелает.

В юности, когда ты ещё не отягощён житейским опытом, ответственность, зачастую, несказанное удовольствие, совсем даже не обуза.

Как приятно бывает встать чуть раньше, пока подружка спит, затопить выстывшую за ночь печь, вскипятить чайник, нарезать бутербродов, сварить молочную кашу, пусть даже с комочками, на большой тарелке подать дымящийся ароматный напиток и завтрак прямо в постель.

Какое счастье видеть эмоции добра, ликующее от трогательной заботы блаженство любимой.

Разбудил поцелуем, угощаешь, радуешься, глядя в зелёные омуты очаровательных очей, переполненные до самых краёв любовью и нежностью, утопая с головой в этих озёрах, чувствуя, что нет никого на свете родней.

Руки сами собой тянутся к тёплому, желанному телу, под тёплую ночную сорочку, где хранится столько всякого добра.

Руки холодные: не догадался согреть.

Прикосновение к обнажённому телу вызывает мимолётное негодование жены, бурю пока скромных эмоций, но без особенного раздражения, лишь мурашки на возмущённых безалаберностью сосках и напряжение в области бёдер, спадающее по мере продвижения пальцев от живота к гроту вождения.

Возня, объятия, поцелуи.

Через минуту её и меня с головой накрывает страсть, неведомая сила уносит сознание в иные миры, где нет проблем, где каждый получает то, о чём мечтает.

Застываю в сладостном предвкушении.

Вот оно, милое, дорогое лицо самого близкого на свете человека.

Разве можно не заметить его, если каждая чёрточка притягивает внимание, вынуждая прикоснуться.

Губы складываются трубочкой, трансформируясь в поцелуй, который встречают другие, влажные и ароматные, дарящие восторг и чувство погружения в раствор бесконечного счастья.

Её губы божественны. Я пью из них благословенный напиток, по всему телу разливается импульс блаженства, внутренний жар и ощущение эйфории.

Руки, между тем, блуждают по известному маршруту, встречая горячие податливые препятствия, отзывающиеся на прикосновение напряжением, чувственной пульсацией и тёплой тягучей влагой.

Можно! Теперь точно всё можно.

Грудь подруги набухает, приветствуя движение пальцев, маленькие чувствительные сосочки становятся налитыми вишенками, напрягаются, вибрируют, заводя источник желания, сокращая мышцы упругого пресса.

Инна постанывает, выгибаясь всем телом, выражая нетерпение и восторг.

Воздух вокруг наполняется терпким ароматом, вызывающим неодолимую жажду слияния.

Не удивляйтесь, у беременных это тоже случается.

Жена начинает меня раздевать, я стягиваю дрожащими руками её намокшие трусики.

В мозгу выключается яркий свет. Или мне это только чудится, но весь мир съёживается, вмещаясь без остатка в глубине податливой плоти.

Я сосредоточен только на ней, на силе и частоте толчков, которые, если чрезмерно увлечься, могут повредить развивающийся плод.

Острые коготки партнёрши больно впиваются в спину, рождая яростное желание проникнуть глубже.

Инна торопит, видимо чувствуя неминуемое приближение финала, двигаясь со мной в одном ритме.

Дыхание становится прерывистым, огненно-жгучим. Она выгибается дугой, несколько конвульсивных движений, протяжные всхлипывания, сдавленные стоны.

Я падаю рядом в полном изнеможении.

Наконец-то дождался, получил драгоценный бонус, окры-

ляющий, возрождающий желание жить и служить милой дальше.

Инну ещё некоторое время корёжат интенсивные судороги, после чего моя девочка затихает на моём плече.

В изумрудных глазах с янтарными искорками, делающими их похожими на кошачьи, бегают озорные чертенята.

Сегодня она была активна. Даже чересчур.

Неужели будет продолжение? Хочет накормить близостью досыта, чтобы завязать на виртуальном поводке ещё один, самый крепкий морской узел?

– Любимая! Только не ешь меня, ну пожалуйста!

Её учителя

Дедушка у Любы был известным в своём городе портным. Настоящий мастер.

Не из тех, что сидят нынче за машинками и строчат, как попало, потому, что работают почти бесплатно.

Он был портной с большой буквы.

Сам моделировал, сам рисовал эскизы, сам кроил и ваял швы.

Особенно любил окончательную примерку, когда на лице клиента расплывалась довольная улыбка. Иного результата дедушка не признавал.

Любочка любую свободную минуту стояла у него за спиной. Ничего не спрашивала, только смотрела.

Шить начала позже, когда немного подросла. Только дедушки к тому времени уже не было.

Многие знали, что Люба мастерица, но никто к ней не обращался, потому, что когда вопрос вставал об оплате, она

становилась пунцовая и потела, не в силах вымолвить слова.

Такая уж родилась, альтруистка по жизни.

Да ещё мамка, которая учила тому, что людям нужно помогать, всегда и во всём, даже если они не могут об этом попросить.

– Необходимость в твоей помощи нужно чувствовать, видеть. Нуждающиеся, как дети, хоть и взрослые.

Выйдет обычно мамка после получки на улицу с пакетом дешёвых конфет и пряников и раздаёт всем детям подряд. Как сытым, так и голодным.

Любочка вела себя соответственно этому своеобразному воспитанию.

Однако пришло время, семейная она уже была, нужда к самой в дом постучалась. Так вышло, не её в том вина. Время случилось странное: ни работы, ни заработков.

Все так жили.

Тут подружка школьная заходит.

На носу Новый год.

Люба ей на выпускной вечер когда-то бальное платье шила. Даже немного денег взяла, самую малость, чтобы самой на отрез для шитья хватило. Тоже красивой хотела быть.

Мамка узнала о заработанных копейках, отругала. Велела деньги вернуть. Обозвала маклёршей. Обидно было.

Света Докукина нисколько не смутилась, деньги обратно приняла, даже за материал не вернула.

Давно они не встречались. Много воды с тех пор утекло.

Люба уже замужем. Дочь приёмная, живёт крайне скромно.

– Любаня, сшей мне платье. У нас корпоратив будет. Люди все небедные. Нужно блеснуть. Знаю, ты можешь. В ателье не хочу заказывать: безрукие они там, всё испортят. А ты – настоящая мастерица. Помню, как в твоём платье блистала. Все мальчишки от меня в тот вечер не отходили. Я не бесплатно. Ты меня знаешь.

Любочка была в растерянности, потому, что действительно знала: коварная Светка женщина, завистливая, хитрая,

жданая. Не однажды судьба с ней сводила.

Ни разу не осталось от тех встреч хорошего или просто доброго воспоминания.

Вспомнила Любочка её злорадную, недобрую какую-то улыбку перед тем выпускным, когда неделю потратила на шитьё, истратила свой, заработанный, отрез материи, но не получила даже благодарности.

Сама Люба на выпускной бал пойти не смогла – не в чем было. Может оно и к лучшему – соблазнов меньше.

Ещё был случай, когда собрались через несколько лет после школы выпускники на встречу.

Гуляли в кафе.

Светка тогда сказала Любочке, что нечаянно кошелёк дома оставила. Попросила заплатить, а потом благополучно об этом забыла.

Были и другие неприглядные эпизоды, по мелочи.

Да что там: кто старое помянет...

Времени много с тех пор прошло. Говорит же, все сотрудники – люди состоятельные.

Красавицей Светка стала. Вон как одевается, какую причёску носит. Запах и вовсе симфония.

Туфельки на ней модельные на высоченном каблуке, платье дорогое, яркое, врзлёт. Пальто стильное, сумочка фирменная.

Всё в одном фасоне и цвете выдержано.

Красота, глаз не отвести.

Так хочется на праздник себе и мужу хоть по небольшому, но подарочку.

Мамке тоже, племянникам.

Вот и представился благоприятный случай.

Посмотрела Любочка Светке в глаза: улыбчивая, приветливая, уверенная в себе. Глаза светятся добротой и пониманием. Люди с возрастом меняются.

Согласилась. Любит она приятное людям делать.

Долго обсуждали детали. Предпочтения, которых оказалось довольно много.

Загорелась мастерица энтузиазмом. Давно ничего подобного не шила.

У Любочки сразу выдумка включилась, воображение улетело в дальние дали.

Делала на ходу наброски, много спорили.

Любочка записала все прихоти и пожелания заказчицы. Фантазия начала бурлить, выплёскиваться наружу. Хотелось необычного, волшебного.

Денег Светка не оставила. Стукнула себя по лбу, – вот растяпа, на работе наверно кошелёк оставила. Не беда. Мы же обо всём договорились.

Любанька целую неделю после работы шила и кроила.

Ушла в творческий процесс с головой. Купила материал, украшения, всё, что нужно для шитья.

Муж её не трогал. Знал, что процесс создания нового ше-

девра сродни глухарину току. В процессе реализации мечты Любочка становилась раздражительной: ничего не видела и не слышала, кроме деталей желанного изделия, растворялась в творческом процессе целиком и полностью.

Любит. Любит она создавать и радовать.

Через неделю изумительной красоты и изящества наряд был готов. Висело платье на самом видном месте в комнате, радовало взыскательный взгляд швеи мудрёным изяществом.

Потратилась мастерица на него в долг. Смотрит на своё изделие и радуется.

Гордость за свой талант и старания – не пустяк для настоящего мастера. Такой прелести она ещё не шила. Самой бы такое примерить, поносить!

Ладно, успеется: было бы из чего шить.

Руки есть, ноги целы. Дедушка инвалид был безногий, а содержал всю семью!

Светка прибежала, как и договорились, вечером.

Говорливая, шумная, звонкая: любо-дорого глядеть.

Счастливая.

Померили обновку. И так, и так крутилась она у зеркала.

Платье, как влитое. Красоты необыкновенной.

Спасибо сказала раз триста. Вертится, напевает что-то, радуется, восхищается.

– Здорово, Любанька! Просто класс! Не зря я к тебе обратилась. Знала, что лучше мастера не найти.

Посмотрит, подбежит, поцелует Любочк: то в шею, то в щёчку.

Мастерица млеет от радости и гордости за своё детище.

Говорливая гостя чайку у хозяйки попросила, обновку обмыть.

Попили, потолковали душевно.

Светка спрятала обновку в фирменную сумочку, упаковав её предварительно в импортный пакет, достала оттуда короб-

ку конфет, поцеловала Любаньку ещё раз и упорхнула.

Стоит мастерица у двери и плачет.

Сколько же теперь времени долг отрабатывать?

Муж узнал – успокоил, – ничего страшного, проживём. Я подработку нашёл. Не твоё это дело – бизнес. Для меня шей, себе, мамке. Бог ей судья, Светке твоей. Не впрок ей придётся обновка, вот увидишь. Хотя, зачем тебе это всё знать? Человека невозможно переделать, исправить. Каков есть, такой и жить будет. Мы с тобой ещё разбогатеем, вот увидишь.

Года через два встретила Любанька Светку на улице.

Та ещё краше стала. Зима была, опять перед Новым годом. Шубка песцовая, пунцовые губки, – Привет подруженька, привет кудесница! Как дела? Хорошо, что встретила тебя. Платье тебе хочу заказать. Лучше тебя никто не сошьёт. Денег не пожалею. Сколько скажешь, столько заплачу.

Посмотрела на неё Любанька и выдала, первый раз за всю жизнь, – конфеты в коробках у меня у самой есть. Муж покупает. Свои кушаю. Правда, твои дорогие были. Полгода за них расплачивалась, «подруженька». А платье у китайских мастериц покупай. Или, давай так: расплачиваешься за вы-

пускное платье, сполна, затем с процентами за то, что я для корпоратива шила, ведёшь нас с мужем в шикарный ресторан, оставляешь предоплату. Да, на чай не забудь оставить. Красота денег стоит. Годится?

Больше она ту подругу не видела.

Сюрприз!

Судьба занесла Виктора Салазкина в захудалую северную деревушку, где ему предстояло отрабатывать затраченные государством средства на образование.

Существовал тогда в стране незыблемый порядок: получил образование – верни деньги работой в сложных производственных условиях.

По сути, нужды тратить драгоценное время на то, чтобы стать самостоятельным, ехать в отдалённую, лишённую перспектив и возможности глубинку, не было. Можно было разрешить эту коллизию иначе, через руководителя управления сельского хозяйства, у которого был на хорошем счету как перспективный специалист.

Гордость не позволила парню отказаться от навязанного комитетом комсомола предложения: как же, характер надо закалять, преодолевая трудности, а не бегая от них. Если не он, то кто будет поднимать сельское хозяйство там, в заброшенной глубинке?

Ко всему человек привыкает, если подстёгивает мотивация. Умение приспосабливаться к любым сложностям, вжи-

ваться в ткань эволюции изначально заложено в нас природой. Мир постоянно меняется, причём быстро. Мы просто обязаны успевать за прогрессом. Если игнорировать стремление развиваться, можно остаться в лаптях на обочине цивилизации.

Работой и трудностями Витьку не испугать, есть проблема куда серьёзнее: насыщающий кровь компонентами непонятого романтического брожения возраст. Диссонанс и волнение при взгляде на особенности любой женственной фактуры не дают парню ни минуты покоя, ни днём, ни ночью.

Грезит, мечтает: не о чём-нибудь отвлечённом – о любви. Иногда такое привидится, что возвращение в реальность кажется изгнанием, каторгой.

Кто в двадцать лет не путешествовал в романтических грёзах – поднимите руку. Что, нет таких? То-то!

С некоторых пор часто и подолгу шуршит в ушах, не умолкая, как ворох сухих осенних листьев под ногами, воспалённая любовными соками кровь, толчками проскальзывая в набухшие от предвкушения чего-то неведомого вены.

Знаете, что любого юношу в этом опасном возрасте волнует? А ещё тревожит, возбуждает. И конечно будоражит:

восхищает, смущает, расстраивает, беспокоит, манит, томит и вдохновляет – желание любить и быть любимым.

Ух! Вон сколько всего навалилось разом, вдруг.

И как, скажите, справляться со всем этим, если кроме чувственных переживаний есть ещё кое-что, вполне материально наполняющее тело пьянящими соками?

Как только сознание посещает пусть и мимолётная, нечаянная мысль о волшебных изгибах и иных заманчивых несоответствиях, отличающих девочку от мальчика, все осязаемые пределы взволнованного, неожиданно меняющегося внешне и внутренне тела тяжелеют разом, разогреваясь так, что на коже появляется испарина.

В голове наплывами, наподобие шума морского прибоя, возникают помехи, отвлекающие от безрадостной реальности.

Каждая клеточка юного организма начинает вибрировать, вступая в резонанс с ускоряющимся током крови, подчиняясь пульсациям чувствительной сердечной мышцы, реагирующей на химию фантазий, на мгновенно возникающие в воспалённом воображении причудливые события, которых с вожделением ждут. Увы, события в данную минуту вне зоны

доступа.

Видения, живые и красочные, посещают Виктора всё чаще, забывая согласовывать с ним время и место возникновения.

Днём, особенно на работе в присутствии подчинённых и сотрудников это бывает так некстати.

Кажется, будто каждый, кто находится в этот момент рядом, может нечаянно подглядеть, как на экране в кино, одолевающие его наваждения, не просто ярко и зримо живущие в нём – диктующие желания и странным образом направленные в воспалённый желанием мозг мысли.

Конечно, приятно, если фантазии посещают в урочный час, но они живут своей жизнью, внося беспорядок и смятение, начиная своё чувствительное шоу в самый неподходящий момент.

Уж не сходит ли парень с ума?

В деревне, ничего не поделаешь – глухомань, нет претенденток, способных отвлечь его разгорячённое иллюзиями внимание.

Женщины, девушки и даже девочки – уже разобраны. Разве только одинокие, с кучей ребятишек неприкаянные женщины в возрасте за тридцать, над которыми вдоволь поглумилась немилосердная судьба. Одиноких холостячек на селе немало.

Некоторые из них и сами щедро покуролесили в своё время: влюблялись без разбору во всякого, кто поманил, мечтая о большой и чистой любви, но без оглядки на последствия, не замечая предостережений, красных флажков, расставленных на жизненном пути, а ведь жизнь всегда предупреждает заранее, кричит беззвучно – оглянись, подумай!

Куда там! Любовь.

Или то, что ей представляется.

Женщине, ещё девочке внушают, что основа счастья – семья, дом, мужчина. Без него, хозяина и защитника, ничего не срастётся, никакого, даже самого скромного счастья не бывает.

Горемычных вдовиц и брошенных мамочек и в этой деревне, как, впрочем, во всей глубинной России, хватает. Давно повенчались они с одиночеством и лихом, не ведая ни достатка, ни радости, забыв о романтических мечтах и благополучии.

Назвать их вдовами язык не поворачивается, поскольку и замужем-то большинство из них никогда не были, хотя детишек нарожали на полную героическую медаль, а цену на любовь опустили до бутылки водки с малой закуской.

О чадах своих они не пекутся: пускай сами выживают, свою тропинку топчут: авось выплывут.

Бывает, что и из них толк выходит. Редко. Яблоко, как известно, далеко от яблони не падает.

Дитё, всё до капли от папки с мамкой перенимает, судьбу тоже.

Кто на что учится. Подранкам урок счастья преподать некому.

Вот это и есть выбор без выбора, когда другой тропинкой идти некуда, или вовсе запрещено, а если и можно, то обстоятельства из круговерти мамашиных обязательств, да нищета беспросветная, прочего шанса напрочь лишают.

Пойди, предъяви свои предпочтения, попробуй извлечь хоть какую-то пользу. Только лихо и разбудишь. А оно радо поиграть: непристойно, азартно, требуя ставить на кон всё,

что имеешь – знает, что в прикупе одни козыри.

Нет, пускаться во все тяжкие Витьке рановато. Вдовы и горемыки – не его контингент.

Делить с кем-то из них неприкаянную судьбу, значит заранее и навсегда отказаться от светлого будущего. Даже если однажды переступишь черту лишь из одного любопытства, завязнешь в болоте порока. Вылезешь ли?

Фортуна, однако, благосклонна и к нему. Во всяком случае, Витька это воспринял именно так, подсознательно уловив вибрации интереса в поведении девушки, неожиданно появившейся на горизонте событий.

Просто ехали вместе.

По воле судьбы или по стечению обстоятельств сошли на одной остановке. Теперь стоят, изучают безмолвно впечатления от увиденного и конечно внешность друг друга.

Шанс на неслыханную удачу искрился лучезарной улыбкой, сигнализировал что есть мочи – выбери меня.

А кого ещё выбирать-то в такой глуши?

Девочка семафорит о своей исключительности, уникальности и привлекательности, посылая в безбрежный, но настроенный именно на её волну эфир рябь отработанных женской интуицией сообщений. Не потому, что наметила жертву: так, на всякий случай. Расшифрует – нет?

Подобным образом поступает большинство охотниц, стреляя навскидку, на внезапный шорох: вдруг попадёт.

Юноша на стрельбу глазками и обозначенные с особой тщательностью соблазнительные округлости, размытые правда под скромной одеждой, но вполне осязаемые, реагирует классической охотничьей стойкой.

Оба рисуют в воображении счастливое продолжение, противоположное по содержанию, но сходное по смыслу.

Шифровка принята, иду на сближение.

Первый шаг уже сделан: о том говорят открытые позы и заинтересованная мимика замороженных первым впечатлением воодушевлённых лиц.

Сентиментальная, поэтическая любовь завязывает первый небрежный узелок.

Конечно, с фантазии всё и начинается.

Неловкие фразы, обжигающие прикосновения, пробуждающие каскад неодолимых волнений, переживания, поднимающие настроение, как дрожжи квашню, случаются много позже, когда появляется повод доверять.

Лишь тогда появляется нужда в бесконечном увлечённом общении, потребность видеть, говорить, ласкать.

А сейчас, в самом начале, замешательство и смущение, долгие разговоры ни о чём, с единственной целью – как можно дольше погреться в загадочной, но желанной интимной зоне партнёра.

Потом будут прогулки при Луне и без неё, рука в руке, томные взгляды.

До поцелуев и объятий дошло лишь через месяц, когда расставание на целый рабочий день стало бедствием.

Витя с Верочкой и сейчас живут в эйфории этого волнительного этапа, в мире, который создан и существует исключительно для двоих.

Они довольно самостоятельны: не зависят в полной мере от воли родителей. Оттого их отношения после первых поцелуев довольно быстро перешли в иное, более откровенное

измерение, когда люди делают попытку быть вместе всегда, хотя и не представляют в полной мере, что это означает на самом деле.

Это ещё не семья. Скорее сообщество, клуб по интересам, где мальчик и девочка день и ночь изучают с азартом биологию с физиологией, постигая азы взаимодействия и взаимопроникновения.

Первые шаги совместного быта заставляют ускоренно проходить уроки взросления, когда на первый план ставится не личное потребление, а коллективная ответственность.

Первые уроки семейного единения принесли радость новизны, лишь разбавили её необходимостью подстраиваться, уступать, находить компромисс.

Несколько ссор со слезами и обидами, неприглядные сцены ревности на пустом месте, исключительно от избытка воображения, расставили точки над большинством проблемных координат, определили приоритеты, круг обязанностей и новые правила отношений.

Для Вити на первом месте забота о своей маленькой девочке.

Она действительно младше.

Юноша чувствует ответственность и готов для своей милой на любые уступки.

Любовь щедра. Хочется отдавать и отдавать. Чем больше даришь, тем сильнее желание идти дальше.

Вот и они повзрослели, настолько, что их пригласили на свадьбу друзей не простыми гостями – свидетелями.

Самостоятельная жизнь на первых порах, если рассчитываешь только на свои силы, скудна материально.

Откуда у человека в начале трудового пути деньги?

Понятно, что их предельно мало. Вот и у ребят не было средств, чтобы купить достойную одежду.

А хочется. Тем более свадьба, можно сказать бал.

Виктор старался, как мог, крутился – денег всё же добыл: уговорил директора совхоза выдать часть квартальной премии заранее, прямо и честно рассказав о предстоящих событиях и непреодолимых для молодых обстоятельствах.

Кое-что наскрёб подработками, немного занял. Молчком. Сюрпризом. Веру посвящать в проблемы не захотел, желая преподнести подарок внезапно, чтобы лишний раз увидеть радость в глазах любимой, восторженное ликование от неожиданного воплощения её нереальной в данных обстоятельствах мечты.

Ведь понятно, что для девчонок, нет большего счастья, чем новенькая, ладно сшитая, яркая и красивая одежда. Причём, подруга, воодушевленно, в мельчайших деталях обрисовала, в чём мечтает появиться на свадьбе подружки, объясняя ему обоснованную необходимость отдельных элементов воображаемого облачения.

Фантазии не были чрезмерными или утопическими. В некоторых семьях женщины щеголяют в подобных нарядах чуть ли не повседневно. Но Верочка выросла в многодетной семье, где младшие донашивали отремонтированные вещи после старших, а у Виктора трудовая жизнь только началась, с полного, можно сказать абсолютного нуля.

О поездке в город Виктор информировал Верочку по факту, даже не накануне, а незадолго до отправления автобуса. Да и то не пояснил, с какой целью отправляются они в областной центр за две сотни километров.

Еле успели переправиться на лодке на противоположный берег к автобусу.

Вопреки ожиданиям благодарности, подружка устроила небольшой, но грандиозный скандал с горячими слезами и топаньем ножкой.

Её сжатые губки и пронзительный взгляд не предвещали ничего хорошего.

Такого оборота Витя никак не предвидел: откуда ему было знать, что для женщины, даже юной, начинающей, так важна стадия подготовки к любому событию: мытьё головы, укладка, макияж, тщательный подбор одежды и аксессуаров.

Чего там готовить и выбирать, если ничего, в принципе ничего нет?

Короче, слёзы вытирали в лодке, причёсывались на ходу, а тени рисовали на остановке автобуса стоя.

Вера ни за что не желала прощать бессовестного басурмана, поставившего её в неловкое положение. Она жаждала отмщения, сатисфакции.

Виктор старался успокоить подругу, как мог, используя элементарные, но действенные приёмы обольщения: поцелуи, объятия, заверения в вечной любви, одновременно про-

свещая в том, что мужчина, практически мальчик, не может знать тонкостей женской психики.

Он действовал так, как поступил бы на его месте любой неопытный жених.

Тем не менее, до областного центра они добрались, потратив на это половину дня, и сразу побежали по магазинам.

Виктор не очень в курсе, где чего покупают, а Вера в этом городе два года прожила, пока училась, многое знает.

Ходят по большому торговому центру, у подружки глаза поначалу разбежались, но мигом собрались обратно в кучу. Выбирать, вроде как, и не из чего, хотя магазины большие и красивые.

Сами понимаете – советский ширпотреб уныл и безрадостен: топорного качества, блёклых расцветок и фасонов, больше подходящих для нелёгкого труда рабочего и колхозницы немногочисленные изделия, явно не для бала.

Для свадебной церемонии, чтобы ощутить себя богиней, ничего не годится.

Витька уже и не рад, что инициативу проявил. Однако,

назвался, как говорится, груздем – полезай в кузов. Примеряют: то одно, то другое. Что девушка ни наденет – или смеяться хочется, или плакать. Сплошной конфуз.

А Верочка уже размечталась, разохотилась.

Ну, хоть что-нибудь должно же подойти!

Весь город вдоль и поперёк исходили, все отделы посетили по несколько раз. Из намеченного воображением списка ни одной вещички так и не купили.

У подружки глаза опять на мокром месте. Истерит, не унимается, – хочу, такую, этакую. Обычные женские заморочки, но парень к ним не готов – нервничает.

На всякий случай заглянули в салон для новобрачных, а там... там именно то, что надо: зелёное с блёстками прозрачное воздушно-невесомое платье с множеством струящихся складок, с подюбочником и художественной отделкой.

Ажурный узорчатый воротник, украшение для волос из вологодского кружева, брошь малахитовая, туфельки на каблучке в цвет платья, телесного цвета изумительные чулочки.

Что до белья – глаз не оторвать. Сразу и наповал сразило разнообразие фасонов.

Для завершения ансамбля небольшая элегантная сумочка.

Короче, слёзы в три ручья: видит око, да зуб неймёт.

Неужели простому смертному одеться можно лишь один раз в жизни – на собственной свадьбе?

Всё по талонам.

Вера рыдает. Тушь растекается пугающими окружающих потёками. Симпатичная девчока в один миг превращается в персонаж из кошмара.

Витька пытается обратиться к продавщицам: с подходцем и по-всякому.

Нет и всё.

Не судьба Верочке щеголять в презентабельном одеянии. А ведь как хочется!

Что ты будешь делать?

Стоят на выходе, курят, горюют, приводя в нормальное состояние опухшее, размалёванное под боевую раскраску индейцев самого захудалого племени потёками туши лицо.

Подходит тощий с красным острым носом доходяга, – могу, – говорит, – помочь вашей барышне выглядеть принцессой. Если денежки имеются в достаточном количестве. Мне на два пузыря водки и трёхлитровку пива, а девчатам из отдела две десятки сверх стоимости товара.

Подруга побледнела. Где вообще такие деньжищи водятся?

Витька согласился на грабительские условия не глядя. Верочка начала истерить, скандалить. Пришлось потратить время на уговоры.

Доходяга терпеливо ожидал, не вмешиваясь в процесс переговоров. Видимо опытный.

– Только из рук в руки: товар – деньги, деньги – товар, иначе, мы пошли.

Короче, ударили по рукам.

Завёл мужик ребят в подсобку. Продавщицы засуетились. Примерили всё по списку: сказка, да и только.

Кругом красота необыкновенная, вещи, каких в реальной жизни не увидишь.

Виктор ещё и брюки себе присмотрел.

Купили, упаковали вещички, денежки отдали. Всё по-честному.

Теперь обедать и пристраиваться на ночлег.

В гостинице, как всегда, мест не оказалось.

Витька думал, сомневался – предложить к подружке, Марии, ночевать идти, или лучше не нужно? Опять же – если нет, то куда податься? Две сотни километров по воздуху не пролетишь – крыльев нет.

Маша, это младшая сестра старосты в техникуме, с которой Витька до сих пор поддерживает дружеские отношения. В командировках или по иной нужде, если в областном центре оказывался, всегда у неё в общежитии останавливался. Так, то когда один!

Маша в педагогическом институте учится. Комнаты в общежитии большие, по десять-пятнадцать коек. Девочки молодые, интеллигентные, воспитанные.

Виктору обычно прямо в девчачьей спальне место осво-

бождали и одеялом кровать завешивали. Он давно успел со всеми передружиться. Куда только с ними не ходил. Весёлая, между прочим, кампания, дружная и интересная.

Девчата Верочке должны понравиться. Последнее время они Витьку к физкультурникам спрашивали, там ребята что надо – с понятием.

Идут по городу, Витя не знает, как невесте такой стрёмный вариант предложить: не хочется повторения сцены ревности, какую Вера устроила, обнаружив его переписку с Таней Дружининой.

Обычные письма, стихи и дружеские новости. Ни слова о любви, но реакция последовала бурная и жёсткая, едва не рассыпав в прах баланс отношений.

Конфликт удалось затушить, однако, послевкусие осталось. Повторение шторма нежелательно. Красивый был спектакль: на эмоциях, но смотреть его нет больше желания.

Деваться, однако, некуда – надо говорить.

У Верочки другой гвоздь в голове: где, откуда у Виктора такие деньжищи?

– От верблюда! В тайгу ходил, нашёл небольшую такую

кучку денег, а тут как раз и надобность в них случилась.

– Нет, – скажи, где взял!

Витя ей, мол, любопытной Варваре на базаре нос оторвали. Верочка в слёзы.

– Украл, – говорит.

Опять не то.

– Платье хотела? Хотела. Туфельки в цвет мечтала? Бельё мне самому понравилось. Вот прямо сейчас одел бы на тебя, потом раздел, приголубил. Хотя, нет, сначала приголубил бы, тогда раздел. Опять не то, пришлось бы тебя прямо в одежде той... тьфу, зараза! Не доводи до греха. Премию получил. Так устраивает? Вот и всё. Чтобы больше ни слова о тех деньгах не слышал, иначе взорвусь как триста тонн тротила, усвоила! А сейчас мы к друзьям спать пойдём. Купим, коньячку, шампанского, закусить чего-нибудь. Только ты себя в руки сначала возьми, успокойся, потому, что друзья мои – девчонки из пединститута.

И поведал ей всю историю – что, куда, как.

Видно, Вера, тоже хорошо помнила первый, поворотный конфликт: на прямую конфронтацию не пошла, но и радости в глазах не было видно.

– Сначала нам надо к Андрюхе Сапрыкину в воинскую часть заскочить. Он сразу после техникума в армию загремел, служить оставили здесь, в городе. Потому, что чемпион области по стрелковому спорту. Теперь и за область стреляет, и за военный округ. В части редко бывает, больше соревнования, да сборы. Сейчас точно знаю, здесь или нет. К нему едем.

Целый час на КПП промаялись, пока его позвали, На двадцать минут парня отпустили. Андрей, конечно, спортсмен, прежде всего, но армия есть армия – когда в роте, из нарядов не вылезает.

Вышел Витькин дружище: худющий, как жердь. Он и так, несмотря на богатырский рост, тощеньким был, а тут совсем высох. Но румяный и рот до ушей.

Андрей контактный, общается с Верой, будто век знакомы были.

На прощание отозвал Андрей друга в сторонку, деньги сунул, двести рублей.

– Это мне за победы, подбрасывают. В армии деньги ни к чему, а тебе теперь в самый раз.

Что-то на небе и правда происходило не совсем понятное. Две недели назад ни копейки не было, теперь полный карман. Ну и дела!

К Марии поехали. Общежитие большое, современное, светлое, тёплое.

– Ничего себе, – удивилась Верочка, – нам такая общага и во сне не могла присниться. Мы ютились в бараке с клопами и крысами.

На вахте Виктор поздоровался. Все его знали.

Поднялись на второй этаж. Двадцать шагов налево.

Постучали. В щёлочку двери выглянула Женька, самая мелкая в комнате: редкого очарования и грации девчонка. Мальчишки в институте от неё без ума.

– Машка! К тебе Виёк приехал.

– Пусть проходит. Я сейчас. Только допишу.

Девчонки вскочили, обнимают, целуют Виктора, который моментально становится пунцовым.

– Девчата, вы наверно не заметили, я с подружкой.

– К нам ревновать нельзя, мы по-дружески. Как зовут?

Машка освободилась, тоже на шее с поцелуями повисла. Верочку губки надула, покраснелась. Нервничает.

Девчата с неё верхнюю одежду сняли, сумку из рук выхватили. Пяти минут не прошло, как проблемы были улажены: стол соорудили из четырёх тумбочек, тарелочки разложили, стаканчики, ложки. Всё как у людей.

Выпили по стопке коньяка с лимоном, заели шоколадом. Девчата загалдели, – показывайте обновки.

Дети, блин.

Начали свёртки разворачивать, к себе примеряют. Потом переглянулись, захохотали и Витьку из комнаты выперли, чтобы не подглядывал.

Покурил, приложил ухо к двери: шум, музыка, топот лошадиный. Не выдержал, зашёл. Пластинка в проигрывателе крутится, девчонки в танце кружатся, прыгают. Галдят, смеются.

Вера в полном параде во всех обновках тоже пляшет. Дев-

чата хлопают, подзуживают. Расшумелись так, что вахтёрша пришла.

Притихли, но всё ещё на эмоциональном подъёме.

Витьку опять выставили, чтобы Верочке обратно переодеться, словно тот её в бикини не видел. Ну да им этого и знать не надо. Посидели, пока Женька гитару не расчехлила.

Уселась на стул, ножку на ножку, затянула о чём-то грустном, романтическом. Голосок ангельский, мелодия за душу щиплет. Песен пять-шесть спела, зевать начала.

Пора праздник заканчивать: Вите с Верочкой рано утром на поезд, девочкам на учёбу.

Витьку отправили спать к физкультурникам.

Вера на следующий день на крыльях летала, всю дорогу только про новых подружек и удивительные обновки разговаривала.

Жених рад, что сюрпризы понравились.

Едут в поезде, болтают, как всегда, о будущем мечтают.

Позже утомились – задремали.

Мужичок, невзрачный, неприметный, что сидел на боковом месте, встал осторожненько, как только ребятки глаза прикрыли, приказал, прижав указательный палец к губам, всем пассажирам молчать. Повертел для убедительности ножичек и тихонечко за сумку с вещами взялся.

Витя чутко спал, услышал, или почувствовал. Тот даже в лице не переменялся. Улыбнулся и сел на прежнее место, словно ничего не произошло.

Так дальше и ехали.

Никто не посмел с ним связываться, да и Витька не стал. Коленки, конечно, здорово калинку выплясывали: насилу успокоился.

Вере он этот эпизод так и не сказал, не захотел расстраивать.

А как приехали в деревню, она тут же в магазин к девчонкам метнулась – обновки примерять-показывать.

Жених и здесь лишним оказался.

Вот и покупай девчонкам подарки.

Ну, да ладно, дома насмотрится на неё вдоволь.

Всё вместе разглядывать будет и по отдельности, потом вовсе без обновок. Уже соскучился. Совсем забыл, как любимая выглядит.

Поужинают и в кровать. Ох уж тогда он насмотрится.

Сколько можно хвастать и хвастать? Вчера бахвалилась, сегодня. Как бы ещё к кому не пошла.

А у соседей как раз баня случилась. Разве выдержит ненаглядная, если кому-то ещё можно обновки показать?

Теперь не остановишь. Ну и пусть себе радуется.

Витьке тоже приятно, если честно. Сюрприз-то удался, хоть и не без инцидентов.

Времечко началось, не иначе как золотое: свадьбы косяком пошли, все друзья-подружки приглашали на торжества. Платье везде погулять успело, а какой популярностью пользовалось – словами не передать. Ни минуты покоя у молодых. Приходят домой, с ног валяются, а тут любовь.

Как бы, не сглазили. Тьфу-тьфу!

Видно сюрпризы только начинаются.

Пора бы и им пирком да за свадебку.

Эх, прокачу!

Еду на днях в сумерках домой – на дороге, впереди по курсу, энергично скачет силуэт, отчаянно жестикулируя, просит остановить.

В движениях танцора чувствуется экспрессия, отчаяние. Видно, давно прыгает и явно безрезультатно.

Обычно, я не реагирую на такие сигналы, поскольку по-счастливилось поработать в такси: имею объективный, сугубо отрицательный опыт, связанный со случайными попутчиками. Не знаю, что заставило меня остановиться, но... тормознул.

– Захвати, дружище, тачка гикнулась. Деньги есть. Не обижу. Последняя фраза насторожила. Было дело, когда катал весёлую кампанию несколько часов. они не расплатились. Слова были те же. Я, тогда, возмущился, за что был жестоко отфигачен и ограблен. Это у них отработанная технология. Надо же на что-то девочек в рестораны водить.

– Промолчал бы, не пришлось обижать. Сам виноват, – пояснили весельчаки.

Этот малый деньги протянул сразу, даже не спросил сколько, не торговался. Вытащил из кармана брюк смятую

горсть и швырнул небрежно на торпеду.

Приличная сумма, между прочим. Поездка однозначно столько не стоит.

Чувствую, персонаж на взводе. Не нервничает, напротив, возбуждён не в меру: энергия из него искрами брызжет, из ушей выливается.

Жестикулирует юноша агрессивно, но при этом ржёт как конь при виде мешка с овсом. Мимика, та просто ламбаду танцует.

Явно пациент хочет выговориться, избытки адреналин на зрителя выплеснуть.

А я в своих проблемных мыслях в ту минуту тонул, жизненные коллизии развести по разным углам пытался, чтобы самому с собой лбом не столкнуться, но по профессиональной привычке быть начеку наблюдал параллельно за возбуждённым пассажиром.

Парень явно вёл с собой непростой внутренний диалог: размахивал кулаками, словно футбольный болельщик в особо напряжённые моменты, дублируя жесты губами и интенсивными движениями головы, похихатывая при этом.

Несколько раз бил кулаком правой руки в раскрытую ладонь левой, словно бы вопя, – да-да, йес, мы их сделали. Спартак чемпион!

Сидит, извращается в таком духе, но беззлобно, даже забавно. Не хватает только знака виктория и сжатых кулаков с поднятыми вверх большими пальцами. Зато скачет на сиденье, словно наездник, всем своим поведением выказывая крайнюю степень нарастающего возбуждения. Может колёс наглотался.

– Извини дружище, не хотел тебя напрягать, но не могу в себе удержать. Просто прёт меня. И позвонить, главное, никому не могу, чтобы поделиться, чтобы нервяк скинуть. Телефон, бля, в сердцах грохнул. Да и хрен бы с ним, с телефоном! Дерьмо вопрос, три тонны зелёных и будет новый, ещё круче.

Пассажир начинает всерьёз танцевать сидя, выдавая верхней частью туловища движения современных молодёжных танцевальных кружев, как обычно это делают вертлявые обнажённые девицы из групп поддержки на стадионах: то ли шафл, то ли тверк.

Весело ему, похоже, невероятно. Ладно, пусть резвится. От проблем отвлечёт.

– Короче, дружище, тут такая история: необузданная страсть, азарт, любовь, вожделение. Фантастика! Сидели мы в баре с друзьями. Всё как обычно. И тут... входит такая... описать словами невозможно. Короче, шикарная краля. Нет, лучше... богиня, Афродита. Не обычная глянцева красотка – картинка той милой Алёнушки, что на шоколадке, только лучше. Не Барби какая или фотомодель из Хаципетоаки, куда им нафиг до неё. Короче, волшебная вся такая, милая. Бля, слов не хватает. Переклинило меня. Ты точно такую фигну никогда не встречал. Отвечаю за базар.

Всё это время он описывал руками настолько рельефные силуэты, что они не вмещались в салон моего автомобиля. Раза три сбил мне зеркало заднего вида, извинялся и докладывал ещё купюру на торпеду.

– Ну, я тебе скажу, брат, таких грандиозных тёлочек реально не бывает. Фигура божественная. Силуэт... эх-ма! Видел бронзовые скульптуры Бенджамина Мэттью Виктора? Будет время – погугли. Моя ещё прекраснее. Одежда воздушная, простенькая, но штучная, не из магазина. Олений взгляд на половину лица. Глазищи яркие, сочные, тёмные-тёмные с золотистыми искрами. И томные. Зовут, завлекают, околдовывают, требуют любви. А у меня, любви той, всегда навалом. Не веришь? Зря. У меня от баб отбоя нет. Зуб даю! Короче,

у этой, из бара, распущенные волнистые волосы чуть не до талии, пикантные такие нежные изгибы тела, грандиозные формы. У меня сразу хлоп – на двенадцать часов. И торчит! Прикидываешь!

В этом месте он изобразил руками некий холмистый предмет, который несколько раз натянул энергично на себя, приходя в невероятное неистовство.

– Извини, я не художник. Мне вообще сложно нарисовать нереальность. Могу только тонко чувствовать и мечтать. Кожа у девчонки нежная такая, полупрозрачная, тонкая, мраморная с голубым отливом. Хочешь, верь, хочешь – не верь, видно насквозь, как кровь по сосудам течёт. Каждая жилочка на груди и шее, словно кистью гениального мастера нарисована. Явно северянка, поскольку нет следов загара. Белая как снег, но щёчки румяные. Ресницами хлоп-хлоп. Очаровала меня в одно мгновение. Влюбился – не передать как. Если не познакомлюсь, думаю, лучше застрелиться. А она походкой соблазнительной, иноходью плавной, но стремительной, чешет мимо меня – не замечает. И тут улавливаю её непорочный, но настолько греховный аромат, что у меня крышу сносит. Это, скажу тебе, брат, что-то. Роскошно, бесподобно, офигительно. Вдохнул, а выдохнуть не могу, словно прикоснулся к чему-то настолько нереальному, что теряться начал – живой я ещё или уже нет. Делаю шаг в её направлении, робкий, нерешительный такой, можно сказать трепет-

ный. Не поверишь, это я про себя сейчас. Отлетаю куда-то, будто сознание потерял и падаю, падаю, спиной вниз. Кричу. Это мне так кажется. Но девочка реально оборачивается. Я ныряю с головой в её взгляд и тону. Представляешь, когда падаешь и вместе с тем тонешь? Короче, пропал.

– Всё нормально, психушка не понадобится?

– Сам, брат, так подумал. Не, всё норм. Не менжуйся. Слушай дальше, я в себе такое удержать не могу. Это же мистика. Кажется мне, словно она ручками своими к себе манит. Я иду, не отрывая взгляд, она остановилась, явно озадаченная, развернулась. У меня шок: внимание обратила. Чуть не столкнулся с ней. Дальше, как в тумане. Чувствую, руки мои у неё на талии, губы на шее и вдыхаю, вдыхаю. Короче, танцуем. Пофиг чего. Не помню. Медляк, кажется. Один танец, второй, третий. Дальше со счёта сбился. В любви ей признаваться начал, замуж позвал. Прикидываешь, это я-то. Околдовала. Про друзей забыл. Уговорил, кажется, прокатиться. Сели в мою машину. Мне только месяц назад отец Лексус подарил. Втопил я педаль газа в пол, несёмся, чёрт знает куда и зачем. Мне, если честно, без разницы, лишь бы с ней. Короче, влетаем на скорости около двухсот в яму. Трясануло нас не по-детски, чуть в переднее стекло не вылетели. А королева, невеста то-есть, ну, подруга, тёлка, короче, можно сказать рядом сидит и мне по барабану, ну просто парал-

лельно на всё. Я же в сказку попал. Хрен с ней, с машиной. Я с такой тёлкой, и мне по*** на ямы. Видел бы ты её. Глаза, думал, влюбилась, по полтиннику, клянусь. Выехали на трассу.

– Навигатор показывает, что нам сюда. Правильно едем?

– Да хрен его знает, брат, мне не до того. Пофиг! Я поделиться должен. Клянусь, такого не бывает. Короче, я вообще не в себе. Влюбился, как олень. Намертво. Жизнь готов отдать. Разогнался по максимуму. По-моему, на спидометре километров триста уже было, но мне без разницы. На неё смотрю. Богиня. И тут лампочка загорается, масло, блин, кипит. А у меня судьба решается. Не могу же я, как последний какой-нибудь нищий лох по тормозам врезать. Согласись, ты бы так сделал? Я же её поразить должен, в самое сердце, чтобы без осечки. Я же детей от неё хочу: мальчика и девочку. Давлю на газ, девчонка моя вжалась в сиденье, а меня азарт пробил конкретно. Адреналин. Словно без парашюта со ста метров. Кровь кипит. Представляешь: тёлка божественная, скорость, возбуждение, страсть. А тут дым из-под капота. Я по тормозам. Подруга носом в стекло. Остановились кое-как, чуть не вертанулись. Меня всего трясёт, нога на газ давит, мотор ревёт, потом огонь. Мы, короче, успели выскочить. В машине, как хлопнуло... такой фейерверк – охренеть! Просто кайф! И тут, представляешь, она мне предьяву

бросила, что я её чуть не убил. Я для неё машину не пожалел, а она... овца драная... обидела она меня, короче. Сильно обидела.

Тут попутчик загрустил, сдулся, как проколотый воздушный шарик и замолк.

Ехали минут пятнадцать. Молчит.

Решил спросить, что дальше-то было.

– Да пошла она! Тоже мне, принцесса. Вон их на трассе сколько.

Доверяй, но проверяй

Прочитал однажды книжку по психологии, где объясняют, что любой человек, если желает объяснить туманный факт или пытается ответить экспромтом на вопрос, отчего и почему происходит так-то и так, невольно рассказывает на самом деле о самом себе, как он поступил бы в такой ситуации, почему, зачем... именно сам.

Я и задал, нелёгкая меня дёрнула, вопрос жене, – Ларис, как ты считаешь, почему женщины изменяют любимым мужьям?

И что же я услышал!

Мамочки! Имена персонажей были разнообразные, ситуаций вагон и маленькая тележка, причин измен – море, реальных случаев – не перечесть.

Сижу, думаю, обтекаю: если она, сама не понимая того, всё это про саму себя сейчас лепит, пора разводиться?

И вообще – что это было: отягощённость личным сексуальным опытом или обыкновенная женская осведомлённость во всём, что касалось интриг, коварства и лицемерия в

отношениях между мужчинами и женщинами?

Когда влюбляешься по уши, кажется, что это навсегда и забыть, потерять, отпустить свои чувства и того, кто их породил, попросту невозможно. Даже в принципе. Это как кусок кожи от живого тела отделить: больно, знобит, дотронуться невозможно.

Проходит не такой уж большой срок счастливой семейной идиллии, и ты уже не просто понимаешь, а знаешь точно, что в реальной жизни возможно всё.

Мы живём в мире собственноручно создаваемых иллюзий, которые точно так же, как и мы сами, рождаются, дряхлеют и умирают.

А ещё со временем приобретаешь способность отличать настоящую шоколадную конфету от пустого фантика.

Некоторые насобачились настолько ловко с серьёзным выражением на лице предъявлять фантики со съеденным задолго до этого или испорченным содержимым, что приходится слова и эмоции тех, кто с тобой общается пропускать через тонкий фильтр оголённой души: отсеивать всё, что в рекламных целях ими бессовестно выставлено напоказ.

Особенно поднаторели в этом вопросе коварные женщи-

ны, научившиеся скрывать свои недостатки косметическими средствами, превращая их в мнимые достоинства.

И что в сухом остатке? В сущности ничего.

Когда начинаешь вникать в ситуацию, развернув постепенно мишуру, созданную искусственно, слой за слоем, наблюдаешь истинную картину того, что было скрыто. Реализовать включение заднего хода уже невозможно: к объекту давно довески присовокуплены, свернуть которые чересчур мудрено. Например, общая жилплощадь, неделимое имущество, дети.

Вот и приходится приспосабливаться к ситуации, находя один из вариантов безысходного отступления на ещё более слабые позиции. Если точнее, вынужденно уходишь во внутреннюю эмиграцию, находясь реально и функционируя духовно в разном жизненном объёме.

Чего уж греха таить – не случилась вечная любовь, сломалась на восьмом или пятнадцатом годочке, да и те прожиты большей частью в соперничестве и распрях.

Кто их знает, откуда они берутся, те неразрешимые проблемы, по большей части вырастающие из обычных, казалось бы, пустяков.

Никогда такого не было и вот опять. Из малюсеньких зёрнышек, брошенных женой в благодатную почву, выросли ростки ревности. Не то, чтобы настоящий припадок безумной подозрительности, а так, пока поросль, жиденькие такие всходы.

И что делать? Что выросло, то выросло, придётся поливать и окучивать.

Прежде случалось всякое, когда те или иные факты заставляли задуматься про непоколебимую верность: в обнимку на вечеринках заставал, засосы фиксировал, на наглой лжи ловил, запахи посторонние обонял неоднократно, однозначно совокупительного характера.

Понимаю, что большинство фактов можно объяснить случайностью, стечением обстоятельств и даже неоправданной ревностью. Кто из нас при определённых предпосылках не страдает подозрительностью?

Даже самый стойкий, уверовавший в непогрешимость супруги, порой спотыкается об интуитивное ощущение если не трагедии, то её предвестника. Про такие случаи говорят: спинным мозгом чую.

Вот и у меня шестое чувство проснулось. Фактов нет,

только предположения, но не на пустом месте.

Масса косвенных подтверждений моей интуитивной раздражительности тут как тут: домой позже обычного приходит, возбуждённая чересчур, глазки косит куда-то мимо меня, краснеет неловко, особенно уши и грудь в области декольте.

От своих же подруг шарахается, детишек почём зря наказывает. А главное – духами насквозь пропиталась, как последняя, прости господи, слишком свободная женщина.

Когда улики вместе объединил да сопоставил, вот тут мне кисло стало: это похоже на настоящий залёт. Понятно, что доказать ещё нужно. Но в целом картина складывается неприглядная.

Иду вабанк, рассказываю жене о якобы измене, в надежде, что начнёт нервничать и сама тоже расколется, желая отомстить. Для женщины невозможно психически остаться побеждённой. Ей обязательно понадобится реванш.

Ну, я и леплю. В деталях, в красках, с эротическими картинками. Мужики в курилке такие истории каждый день пачками на обсуждение выставляют.

Скомпилировал, добавил гротеска, сгустил краски. Живо получилось, натурально. Сам поверил. Мало того – возбуждился.

Как правило, в этих историях мужчины всегда на высоте. дама обычно раскрасавица писаная, ножки до самого бюста, бюст тяжеленный и упругий, глаза по блюдцу и все прочие приправы на месте.

Понятно, что любовница замужняя, кто же с одиночкой свяжется, страшно чего-нибудь подцепить, и практически недоступная, а он...

Он, естественно Парис, наделённый богами чарами ментального обольщения: пришёл, увидел, победил.

Подбоченился я, брови насупил, сдаваться ведь, как бы, пришёл. И приступил, потупив очи долу. Чем наглее врѣшь – тем охотнее тебе верят. Это тоже от психологов взял.

Начинаю брехать без оглядки: пусть побесится.

Встретил, говорю, полюбил, завоевал. Вчера, мол, когда с ней беседовал отвлечённо про измены, одумался, совесть заела. Понял, что не прав, жить дальше во лжи мочи никакой нет.

Хочешь казни, хочешь – милуй. Вот моя повинная голова – руби. С приговором согласен заранее.

Смотрю на реакцию

Она, естественно, зацепилась и вопросы наводящие задаёт: кто да что, когда, как, почему.

Врать, так врать, – подруга твоя лучшая, – говорю, – Светка Ионова. Влюбился в неё до безумия. Когда ты на работе была, она проведать тебя приходила, но не застала. Разговорились, флирт там всякий, ради хохмы поначалу. Хи-хи, ха-ха, пара интимных шуточек, рукой нечаянно по сиське провёл, она затряслась, застонала. А я чё – здоровый же мужик, живой. Конечно, захотел, возбуждился. Ну и понеслась. Попробовали – разохотились. Горячо, сладко. Бой баба оказалась, я тебе скажу, просто конфетка с перчиком. Слаще и острее не встречал. С тех пор мы того... короче, спим, целуемся и о браке мечтаем.

– Сука! Не зря я ей не верила. Как в воду глядела. Это надо же! Вокруг пальца обвела, подруженька. Ну, ладно, отольются ей мои слёзки. А как, как, расскажи, всё было то... у неё там что промеж ног, пироги с начинкой, что ли, или пещера Алладина? Неужто я хуже этой рыжей шалавы? Стараюсь для тебя, стараюсь – всё без толку. Волк, он всегда в лес

смотрит. Чувствовала, знала. От оно что!

– Да нет, баба как баба, только у неё темперамент взрывной, желание круглые сутки и пылкая страсть. А ещё она дозволяет что угодно, сама предлагает такие варианты – мёртвого поднимет: спереди, сзади, сверху – как угодно, хоть вверх ногами. Хочешь, не хочешь, а если в кровать к ней попал – пиши пропало. Часа на четыре попал – не меньше. И потом фигура у неё, мышечная плотность, упругость в самых круглых местах. Мышца такая есть, вумена называется. Она её так натренировала, так натренировала – буквально выдаивает. Извини, но ты последнее время раздобрела, обабилась, ленивая стала. У меня на тебя аппетита нет.

– Это я-то обабилась? А у стервы этой, значит, фигура идеальная и дырка с доильным аппаратом? Так вот что я тебе, муженёк, расскажу, чтобы тебя от её бесподобного силуэта вырвало: мы с её мужем, Эдичкой, раньше вас закрутили. Вот так-то! Съел! И мужик он, не в пример тебе, элитный, просто конь породистый, скакун из конюшни султана. Четыре часа... да Эдичка... шесть может, без перерыва на обед. И доить его не нужно, сам кого хочешь выдоит и отмассажирует. А языком-то как он мне, языком. Кунилингус называется, французская такая любовь. По десять раз с ним кончаю. По десять, умник. Обабилась я! Так-то, муженёк благоверный. Вумена! Жопу тебе с ручкой, а не вумену. А зарабатывает,

между прочим, вообще вдвое больше тебя. Подарки мне дарит. При всём при том, он спокойный и верный, не то, что ты, кобель задрыпанный. Я тебе покажу вумену!

– Это чего ты там про верность бормочешь, перебежчица? А я знал. Знал, что ты с Эдькой связалась. Потому и со Светкой скооперировался. Хочешь сказать, лично тебе он не изменяет? Смешно. Ему не пофиг, на ком скакать шесть часов кряду? В какое такое место можно тебя шесть часов без передыха тыкать, чтобы ты не заснула при том? Да ты через пятнадцать минут храпеть начинаешь. А ещё интересно, с какого бока он к тебе так ловко подкатывает? Твой фартук на пузе пещеру Алладина полностью закрывает. Как он в неё входит, заклинание знает?

– А вот и не изменяет. Не то, что ты, ренегат. У него в любом положении стоит. Хоть сзади, хоть спереди. Не ожидала от тебя такого низкого коварства, подлого предательства. И с кем? Худая, мосластая, волосёнки ошипанные. Тоже мне, царица Савская. На одну кость лёг, другой прикрылся. У неё же ключицы и рёбра торчат, словно у заключённой из Освенцима.

– Мне именно такие женщины и нравятся. Зато каждой клеточкой чувствуешь, кудаходишь. Между прочим, она твоя лучшая подруга.

– Была.

– Это точно. Как узнает, что ты её мужа совращаешь, как курочку по пёрышку ощиплет, у самой рёбра торчать будут и пеньки от волос. Причёску твою фирменную Светка на шиньоны для промежности подёргает.

– Кто кому. Пусть забирает своего Эдичку, пусть проваливает с ним подальше. Знать её больше не хочу.

Не думал я, что мой блеф свернёт на просёлочную дорогу и понесётся по бездорожью. Надо, думаю, выкарабкиваться.

Ну, не верю я во всю эту чушь, хотя брешет вполне правдоподобно, как, впрочем, и я. Так не бывает. И сам себя поправляю, – сам же говорил, в реальной жизни бывает всё. А ну, ежели правда?

Разошлись мы по разным комнатам и курим прямо дома. Дым коромыслом стоит, в голове вовсе бедлам. Ходим нервно кругами, как больные медведи в клетке.

Всё! Это конец. А чему, собственно, конец?

Я изменил, она изменила. Мы же квиты.

У-у-у! Что значит, квиты? Я-то реально не изменял, на выдумывал фигни всякой с целью проведения разведочных

действий, а она...

Лариска-то, похоже, на самом деле того. Шесть часов, десять раз! Сзади, спереди. Тоже мне, порнозвезда из Тербиловки.

Есть, есть повод для развода, есть. У-у-у, стерва, удавлю!

А квартира, а машина, а дети? Какой к чёрту развод? Уйти с голой задницей? Ну, уж, нет. Дураков нема.

Узнал, твою маму, чего хотел? Ревнивец хренов. Оно тебе нужно было так облажаться? Вот идиот, право слово. Ну, гульнула баба мальчика, на полшишечки ей вставили, с кем не бывает. Эка невидаль. Не мыло же – не измылится.

Кто теперь на стороне не кайфует? Хороший левак укрепляет брак. Говорят, даже лебеди и те налево бегают, чтобы нервы успокоить, но обратно возвращаются, потому, что своё, родное.

Адюльтер, он природой генетически заложен, чтобы кровь не застаивалась. Но семья дороже удовольствия.

– Ларис, а Ларис!

– Не подходи, убью! Век предательства не прощу. На смертном одре вспоминать буду.

– Я это, того, пошутил. Набрехал, хотел тебя проверить.

– Проверил? Отчаливай. С Эдкой жить буду. Он хотя бы не врёт. Не то, что ты.

– Ну, да, ну, да. Постель же не повод для беспокойства... самый честный он, блин. При живой-то жене, точнее с двумя жёнами сразу. Конь, говоришь? Может, размер гривы покажешь? Хотя, грива, это про тебя. У него другие выдающиеся детали. Ларис, а сильно у него выдающиеся? Вот, чего ты меня опять завела, зараза? Я ведь мириться пришёл. Зуб даю, что соврал.

– Тогда или сейчас? Соврал-то, спрашиваю, когда? А то, что у Светки шрам в паху и родинка на правой ягодице, тоже выдумал? Конечно, милый. Не делай из меня идиотку. Есть... и шрам есть, и родинка. Небось, перецеловал всю, с ног до головы. И эту, прости господи, через которую дети вылазят, тоже облизал. Вот как я тебе теперь доверять смогу, как с тобой целоваться после этого? У, шалава! И ты тоже хорош.

– Сама же хвасталась, кунилингус тебе подавай. Откуда

слов-то таких нахваталась?

– Просветили люди добрые. В нормальных семьях и этим тоже занимаются, между прочим, не только в миссионерской позиции поршень гоняют. А сам-то, откуда про вумену знаешь, и про Лариску тоже? Такие интимные подробности разглядывать внимательно нужно, с подсветкой, пощупать со всех сторон.

– Это же просто, Ларис. Мы летом на пляже вместе отдыхали. Она в бикини была. Всё же видно, кроме того, что под матерчатым треугольником. Вы же, бабы, дуры набитые, норовите всю внутренность потенциальному потребителю предъявить, хотя он вас об этом не просит.

– Ах, вот мы, значит какие? Развратные, пошлые. Вуайеристки. А вы, мужики, образец чистоплотности и целомудрия. Нигде у вас ничего не видно, только топорщится. Вы нам, мы вам. Квиты. Только у нас есть, на что приятно посмотреть, а у вас – шиш, без слёз не взглянешь. Висит чёрти что, ветхая тряпочка. Тьфу!

– Понятно, а у вас ничего не висит и не топорщится, просто жиром заросло. Зато почти стоит в другом месте, по стойке смирно, если на карачки встанете, а снизу висячего стояния призывно ягодка наливается: сорви меня, добрый

молодец, только не подавись. Только где всё это богатство находится, почему я его не вижу? Я ведь не спрашиваю, откуда ты знаешь, что у Эдьки одно яичко длиннее другого.

– Любовница твоя рассказала, Светка, рыжая стерва. Кстати и о том, что шесть часов кряду может, тоже она набрехала. А ещё... ладно, не важно, проехали. Мириться он, видите ли, пришёл. Так и мирись, не хамя. Ягодки не такие! А ничего, что я ими детишек твоих выкормила? Посмотрела бы я как ты своим... не-не, ничего, проехали, пошутить хотела, неудачно. Давай, паразит, мирись по-человечески. Я ведь тоже тебе врала. Мамой клянусь. Отомстить хотела.

– Так и я тоже... блефовал, чтобы тебя расколоть.

– Чего это меня? Он, главное, изменил, а меня проверять удумал. Хорошенькое дельце. Со Светки слез и сразу мириться приполз. Не дала что ли? Или совсем выгнала? Чего это я несу, господи? Ты, дорогой, не слушай меня, бабский глупый характер. Всегда хочется последнее слово вставить. Допустим, я тебе поверила. И что? Чем компенсировать прелюбодеяние коварное будешь?

– Ну, ты, Лариска, и стерва. Предлагаешь за твои кувырки сЭдичкой мне расплачиваться? Я тебе как на духу: ничего у нас со Светкой не было. Ни разу. Усекла?

– Я твои извинения условно принимаю. За стерву потом, отдельно мириться будем. Она тебе гораздо дороже обойдётся, чем просто Светку трахнуть.

– Да не было у меня с ней ничего.

– Я и не сказала, что было. Постель – не повод для знакомства, сам сказал. Один раз разрешаю.

– Выходит ты мне не поверила?

– Доверяй, но проверяй. Есть такое понятие – срок давности. Извинения приняты, но с испытательным сроком.

– Тогда и ты... одну из подробностей, которую ты мне предъявила про Эдичку, эпизодик такой малюсенький, он мне как-то рассказывал, только не про тебя конечно, но, то же самое. Вот я и думаю...

– Думает он. Чем размышлять-то собрался? Гнилой тыквой? Значит, мне тоже он рассказал.

– Ага, прямо так взял и сдался с потрохами лучшей подруге своей жены в измене. Я тоже Светке обо всех своих приключениях на стороне каждый раз честно докладываю.

Чисто для хохмы, чтобы ты не волновалась, а то ещё ревновать вздумаешь.

– Кого ревновать? Тебя что ли? Кому ты нужен, разве только мне, да и то, потому, что дети.

– Вот и не ревнуй.

– Даже не думаю. Трахайся, сколько влезет. Только не со Светкой.

– Ловлю на слове. С какого дня мне налево можно?

– Прямо сейчас и начинай. Я готова.

– Так мы уже чего, померились?

– А я тебе, о чём битый час талдычу?

– Может нам Светку с Эдиком в гости пригласить? Расскажем им всю эту хохму с обоюдной разводкой, посмеёмся от души.

– Ты чего, совсем ку-ку? Хочешь меня с лучшей подружкой поссорить? Анекдот знаешь, когда часы пропали? На человека подумали, а он не брал. Потом часы нашлись, а осадоч-

чек на душе у хозяина остался.

Мы рассмеялись и побежали в кровать, мириться.

Темпераментно вышло, азартно, чертовски чувственно. И чего я ей всякой хрени наговорил. Хорошая же она у меня баба.

Нет, с другими так сладко не получится, надо же, аж мурашки по телу.

Только я так ничего и не понял. Умеют же бабы воду мутить. Ни фига я ей не поверил.

Ведь изменила, стерва, как пить дать изменила.

Интересно, а она мне поверила? Что-то я совсем запутался. И как теперь со всем этим жить?

Букет эмоций

В школе Ромка числился записным ботаником.

Увлечением его были физика и математика. Олимпиады, конкурсы, диспуты, лекции и задачи, задачи без конца и края – вот мир его увлечений.

Он был по-настоящему одинок. Правда, совсем не тяготился этим. Друзей не имел и не искал. Зачем?

Однако, как и все мальчишки, бывал на школьных вечеринках, на концертах. Иногда посещал танцы. И девочки им интересовались. Заметьте, не он ими, а совсем наоборот. Парень-то интересный, рослый, ухоженный, с волевым лицом и крепким телосложением.

Мама его, Софья Терентьевна, швея. Работала на дому, обшивала весь истеблишмент в посёлке. Свадебные и выпускные наряды, костюмы для самых-самых – её рук дело. Мастерница-кудесница.

Естественно, Ромка всегда был в обновках. Да каких... за-качаешься. Только ему эти изыски были "по барабану". Вот, если бы книжку по программированию, тогда, да.

“Шмотки важны для балбесов”. Это не я сказал. Ромик так думал.

Девочки то и дело пытались с ним знакомиться. Он непременно улыбался, кивал головой и исчезал при первой возможности. По-английски: тихо, бесшумно.

Иногда, правда, танцевал. Когда девушки проявляли крайнюю настойчивость.

Получалось у него это из рук вон плохо. То и дело мальчик наступал на ноги партнёршам, краснел от своей неуклюжести, извинялся и старался незаметно ретироваться.

Однажды в школу пришла новенькая, Аська Малькова. Вся такая воздушная, гибкая, ловкая, энергичная, яркая, светящаяся. Не девочка – мотылёк с прозрачными крылышками.

Перемещалась девчонка в пространстве как ртуть – ни минуты не ведая покоя. Улыбка не сходила с её удивительного лица.

Глаза цвета спелого гречишного мёда в половину лица, остроумие. Изящество, грация и море обаяния.

Про таких девушек, говорят – кровь с молоком. Точёная фигурка, весьма заметные холмики груди, упругая попка. Но, это, конечно, на любителя.

Она и вела себя соответственно, не принимая никаких возражений, если чего-то хотела. А хотела она всегда и много.

Разговаривала громко, уверенно, как обычно общаются учителя с учениками.

Язычок у Аськи скорый и чрезвычайно острый. Всех коассных говорунов и охальников буквально за неделю поставила на место.

Старшеклассники, из тех, что успели созреть, добивались её благосклонности довольно яростно, на конкурентной основе, нередко выясняя отношения после уроков на спортивной площадке один на один.

В числе боевых трофеев были разбитые носы, брови и даже выбитые зубы.

Аська была непреклонна, не принимая ничьих ухаживаний. Зато с нескрываемым интересом засматривалась на

Ромку. Дело вкуса.

Несмотря на сидячий образ жизни ботаника, юноша мог похвастаться атлетическим торсом и рельефным прессом. Он запросто крутил солнышко на турнике, на кольцах и во все показывал мастер-класс.

Ростом Ромка довольно высокий. Пружинистая походка, ловкие движения, выразительный взгляд. Правда, выражение лица обычно озабоченное, отвлечённое.

Он редко находился там, где пребывало в данное время его тело. Решал в уме некие проблемы, которых не существовало в реальном мире.

Каким он был на самом деле, никого не интересовало. Ботаник. С такими не интересно.

Зато Аське во что бы то ни стало, хотелось заглянуть в его внутренний мир.

Не удивляйтесь, она входила в немалое число девушек-скоропелок, которых интересовал по большей части не только и не столько духовный мир, как реальное предназначение некоторых биологических приспособлений.

Внутренний мир по её понятиям находился, в том числе и под одеждой. Если говорить конкретнее, между ног.

Она мечтала о Ромке, как о мужчине, представляя, как должно происходить соитие их юных тел.

Знания её по этой части, были незначительны, фрагментарны, поэтому фантазии отличались инфантилизмом. По большей части её информировали подруги, которым посчастливилось... они сами так говорили.

Бес его знает, что там было и не было на самом деле, но хвастовства хватало.

Они делали большие круглые глаза, как в мультфильме про Настеньку, надували щёки, растягивали губы, отчаянно сопровождая повествование неопределёнными, но весьма непристойными жестами и вибрирующими звуками, видимо изображая крайнюю степень удовольствия.

Из словесных характеристик любовных упражнений Ася поняла, что это можно выразить как восторг, парение и шикарный букет разноцветных эмоций.

Букет интересовал её больше прочего. А раз так, она выбирала для своего пестика лучшую из тычинок.

Выбор Ася сделала, поэтому и взялась за претворение в жизнь своего желания или вожделения. Впрочем, это не так важно. Мечта, одним словом.

Как член школьного комитета она организовала тематическую встречу с местным поэтом, после которой намечалась танцевальная вечеринка. Присутствие всех старшеклассников обязательно.

Дальше, дело техники. Вечеринка началась с белого танца.

Ромка моментально угодил в западню. Девушка прижала партнёра к страстному торсу и не отпускала до конца вечеринки. Он хотел было воспользоваться привычной техникой, отдавив, почти сразу после начала танца Аське ногу. Но девушка, не сдалась, вытерпев и это, причём дважды.

Ромке, конечно, стыдился намеренности грубых действий, но терпеть над собой насилие не хотелось. Танцевали молча. Ася то и дело предпринимала атаки: клала голову ему на плечо, прижималась предельно тесно, намеренно тыча в парня упругой грудью, тёрлась о его лицо бархатной щекой, щекотала пальцем ладонь, дышала прямо в ухо.

Ромка, был в отчаянии. Не сказать, что девчонка ему не нравилась. Она была хороша, духовита, вызывала некое шевеление, даже подняла его рейтинг, но всё это не входило в планы его интересов. Любовь в них никак не вписывалась.

Нужно было поступать в институт, учиться на программиста. Ещё он писал компьютерную программу, которая занимала все мысли. А тут... совсем некстати. Он воспринял Аську как проблему.

Правда, организм парня был с этим не согласен, посылая сигналы, противоположные его мнению. Тело бунтовало, выражая протест за протестом всплесками эмоций, наполняя отдельные сосуды чрезмерным избытком крови.

Аська это сразу заметила, даже потрогала тайком, что вызвало на лице партнёра бурю противоречивых переживаний, которые он ловко закамouflировал под негодование.

После танцев пришлось провожать. Она уверенно и твёрдо держала его за руку. Отчего-то это было невыносимо приятно.

Её ладошка была горяча, прикосновение притягивало неодолимым соблазном, манило. Ему даже подумалось о большем. Мимолётом, как некий недостижимый, но весьма

искушающий бонус.

Внутри всё напряглось, приподняв рычаг, который ёкал и намекал. Только Ромка не знал, чего ему нужно, этому строптивому отростку. Вот так попал!

Аська затащила его в подъезд и сходу присосалась к губам, неловко сопя и задыхаясь, но в итоге получилось почти здорово.

Сладострастное возбуждение с трудом не заставило Аську скакать от радости, что она никак не могла себе позволить: не девочка всё же. То есть совсем наоборот...

– Ну, ты и ловелас, – сказала она с восторгом, – не успел познакомиться и сразу целоваться лезешь, – хотя сама являлась инициатором.

– Кто научил? Наверно до меня всех девчонок перебивал?

Ромке было обидно, ведь она сама.

С другой стороны, поцелуи, причём с девочкой, за которой пытаются ухаживать чуть ли не все одноклассники – это реальный сектор приза.

Он был горд собой.

Ромкина самооценка моментально взлетела на недостижимую высоту. Парень сделал вид, что это ему вполне привычно и чмокнул Асю в губки ещё раз. Затем прижал, нагло положив руку на грудь, причём ощутимо притиснул спелое яблочко, пошарив в закромах. Ощутил при этом биение сердца и осмелел вконец.

Можно. Теперь всё можно!

О своём, чем он был озабочен ещё недавно, думать не хотелось. Сознание, вслед за сердцем, выпрыгивало из груди.

Мозг пылал и плавился. В этот миг он не мог думать о чём-то ином, кроме Аськи и отдельных её соблазнительных модулях, которые манили, требовали индивидуального обхождения.

Да она же красавица. Почему раньше она такой не была? Такого совершенства, никогда прежде ему не доводилось лицезреть, тем более трогать.

Утром Ромку у подъезда встречала Ася.

И на следующий день тоже.

В школе они теперь сидели вместе. На переменах удалялись к дальнему окну, шептаться. Вечера проводили в парке

и на озере, стараясь уединиться.

Аська говорила, говорила, говорила.

Ромка обнимал и целовал. Молча.

Разговоры девушка вела всё больше о любви. Сначала намекала на возможную близость, потом подталкивала к ней. Но Ромке было страшно.

Она рассказывала, что секс – это нормально и очень просто. Про восторг чего-то несуразное плела. Про удивительное парение над собой. И про непонятный вовсе букет эмоций.

Ромка слышал этот сбивчивый, чересчур страстный сюжетный ряд уже в сотый раз, но держался. Зайти так далеко было выше его понятий. Другое дело страстные поцелуи.

Но однажды Ася сказала, что отправила родителей на концерт. Их не будет как минимум три часа. Можно успеть всё-всё. Ну, или хотя бы попробовать.

– Аська, ты сумасшедшая. Я же не умею. Сначала нужно подготовиться. Прочитать хотя бы.

– Ничего страшного, я тоже не умею. Научимся. Девчо-

нок тоже никто не консультировал, между прочим. Побежали скорее. Время пошло.

Они стремглав помчались домой.

В голове у Ромки стучало кувалдами. Он был ошеломлён, испуган. Как же так? Почему он идёт у Аськи на поводу. А если их застукают?

Дома Аська моментом выпрыгнула из платья, отбросила туфли, немного повозилась с колготками, сорвала одним резким движением бюстик и предстала перед парнем... в ажурных, полностью прозрачных, малюсеньких трусиках. А там...

Челюсть парня вывалилась на пол, во всяком случае, так ему показалось.

Он стоял и дрожал, как осиновый лист, не в силах сдвинуться с места. Аська даже не закрывалась. Ромка видел всё-всё, каждую выразительную деталь, совсем не такие, как себе представлял.

Малюсенькие груди с торчащими тёмными сосочками, гладкий животик, тёмный треугольник внизу, славные округлости, талия, которую так хотелось обхватить ладоня-

ми.

У Ромки закружилась голова, изо рта потекли слюни. Дотронувшись пальцем до соска, он моментально вспотел.

Аська! Боже мой! Она моя, вся. И там тоже!

Впрочем, что находилось там, он даже не представлял. Разве что на картинке однажды видел, но не очень отчётливо.

Девушка с негодованием посмотрела на растерявшегося Ромку, начала сдёргивать с него одежду.

Задача оказалась не такой простой, как представлялось. Мужские вещи застегивались и одевались совсем неправильно с женской точки зрения. Однако она справилась.

Свои трусики Ася сбросила заранее, экономя время. С Ромки стянула исподнее у постели, зардевшись от созерцания желанного, но весьма загадочного явления, похожего на рычаг.

Вот это оно и есть? Бр-р-р! Не такое она мечтала увидеть. Совсем не такое.

Своя кровать показалась Аське маленькой, негде развернуться.

Она постелила простыню на родительской двуспальной постели, где достаточно места, чтобы совершить долгожданное таинство.

Ромка стоял истуканом. Пришлось ронять его на кровать, как ваньку-встаньку.

Совсем телок.

Ася внимательно посмотрела на приспособление, которое сейчас ей предстояло опробовать. Ничего впечатляющего. А рассказывали-то! Никому нельзя верить.

–Ладно, разберёмся, – подумала она и побежала выключать свет, сверкая аппетитными ягодицами.

Мальчишка дрожал всем телом, опасаясь за свои способности. Он даже плавать не умел, а тут нырять нужно. И сказать стыдно – засмеёт.

Ну и чёрт с ним, наконец решился парень. Некогда разводить сантименты.

Аська вцепилась в его рычаг, который никак не соглашал-

ся со своим предназначением. Испугался и спрятался.

Это совсем не входило в её планы. А время подстёгивало, заставляло торопиться.

– Да вставай же ты, лентяй! Чего развалился?

Аська принялась реанимировать то, чему надлежало иметь твёрдость характера, но оно сопротивлялось, не желая наполняться желанием.

– Ну, наконец-то, – через некоторое время закричала она, ощутив вожделённую плотность и желанный объём.

– Ого! Именно про такое мне и рассказывали. Да не лежи ты как пень. Действуй. Делай же, что-нибудь, Ромка, мужик ты или нет? Я сейчас заплачу. Я что, всё сама должна делать?

Аська легла на спину, раскинув ноги, но не отпустила то, что должно было принести восторг и обеспечить парение.

Ромка забрался меж её ног, встал на колени и опять застыл. Было до жути страшно.

– Ну, же, вставляй.

– Как, куда?

– Вот сюда, – девушка взяла его руку, раскрыла что-то внизу и направила во влажную тесноту Ромкин палец.

Ромка отдернул его, поднёс к носу, понюхал, затем лизнул... его передёрнуло. Но природа не отступала. Процесс пошёл, его ничем уже невозможно было остановить.

Юноша залез рукой во влажное нечто и чуть не потерял сознание. Оно было живое, скользкое и очень упругое.

Неведомая глубина манила, требовала наполнения. Как в неё войти было неведомо. Аська заметно нервничала, но готова была на всё.

Ромка напрягся, потрогал своё, мужское. Оно стояло, ждало и рвалось в бой. Попробуй не уступить такому напору. Природа сама заявила о желании. Оказалось, что всё просто. Он откуда-то всё знал, только забыл.

Ромка, наконец, решился, направив это вздувшееся животное в ожидающую сюрприз бездну.

Вожделённая, зовущая влажная глубина оказалась неприступно плотной. Он уткнулся в упругую преграду, слегка помог пальцем, продвинулся ещё чуточку.

Напряжение внизу живота росло и разрывало тело на части. Ещё немного и внутри что-то лопнет. А рычаг сопротивлялся, не желая открывать дверь в непонятное.

Парень надавил на рычаг всем телом, провалившись разом до самого основания. Аська охнула, конвульсивно дёрнулась, но смолчала, хотя по лицу было видно, что ей очень больно.

Непреодолимо захотелось двигаться.

Ромка уже не мог сопротивляться желанию проникнуть внутрь девичьей тайны целиком, заработал тазом, вгоняя поршень быстрее и глубже.

Сделать он успел не более пяти движений. Девушка охнула, выгнулась, поджала под себя ноги, переместив ступни на Ромкину грудь, и с усилием толкнула его.

Ромка моментально оказался на полу, грохнулся головой о край журнального стола, очень больно.

Рычаг тем временем продолжал по инерции поступательное движение, исторгая из чрева липкое содержимое энергичными толчками. Семя под внутренним давлением ринулось прочь, вызвав конвульсии и невыносимо приятные ощу-

щения.

Ромка застонал, одновременно от боли и сладострастия.

Аська закричала, вскочила с постели, моментально включила свет.

Её ноги блестели потёками крови.

Ромке она казалась прелестной феей, но злой, как фурия.

Первое, что девушка сделала – засветила Ромке всей пятернёй наотмашь по физиономии, так, что у него загудело в голове.

– Идиот, мне же было больно, – кричала она, разглядывая свою мокрую сердцевину.

Ромка, глядя на рваную рану между ног подруги вспомнил про букет эмоций, о котором Аська мечтала и за который только что он получил по морде.

Взгляд девушки упал на белый персидский ковёр, привезённый родителями из-за границы, на котором блестели густые струи мужского секрета. Она застонала, сжала кулачки и зло посмотрела на обидчика.

До прихода родителей осталось меньше часа. Дальше, она увидела малюсенькую лужицу крови на простыне и родительском покрывале и не на шутку разревелась.

Это была катастрофа.

Вот где настоящий восторг и парение, злорадно подумала она, принявшись за безуспешную попытку ликвидировать "следы преступления".

Не тут-то было. С простыней оказалось просто. Застирали, высушили утюгом и всё.

Покрывало замыли порошком и тоже погладили. Почти нормально.

Ковёр никак не поддавался.

Аська гольшом стояла на коленях и оттирала с остервенением то, чсего там быть не должно.

Острые груди потешно, весьма эротично болтались из стороны в сторону. Их ужасно хотелось потрогать. Ещё бы, эти холмики не просто божественны, они настоящее произведение искусства.

Набухшие губки между ног манили теперь Ромку неодолимой похотью, которая вдруг проснулась. Вновь восставший компас заявил о себе, не желая признавать аргументов против повторения процедуры.

Теперь устоять против веления природы было невозможно.

Ромка подполз к Аське сзади, прижался к выпуклой, такой родной теперь попке и с силой вогнал инструмент в самую сердцевину, даже не помогая на этом раз руками. Да так ловко, словно тренировался не один месяц.

Аська прогнулась, ойкнула, застыла на мгновение, но немедленно выскочила из-под него и принялась хлестать по лицу мокрой тряпкой. Била и редела, редела и била.

Наконец, им удалось успокоиться, одеться и закончить с уборкой.

Если не вглядываться специально, всё почти в порядке.

Аськина истерика немного улеглась. Она стала почти прежней. А время-то ещё есть. Мало, но есть.

– Давай повторим, – прошептала она вдруг и улеглась на свою кровать. Возможно, она в первый раз чего-то неправильно сделала. Нужно попробовать исправить.

Ромка запрыгнул на подружку, стораая от желания, но с ужасом понял, что ничего, совсем ничего не получится, потому, что его герой трусливо спрятался и ни в какую не желает вылезать из своего убежища. Наверно обиделся на недавние грубые действия подруги.

Как ни старалась девушка исправить положение, продолжения не последовало.

Она опять разревелась, потом заорала, как ненормальная, что он насильник, импотент и вообще придурок. В одном лице. Короче, выгнала так и не получив долгожданные бонусы: восторг, парение и букет эмоций так и остались на сегодняшний день желанием и фантазией.

Через несколько дней Аська снова затащила его в постель. Но, тщетно. Видно Ромка теперь подсознательно ожидал получить букетом эмоций по морде.

У каждого ведь свои фантазии.

А Ромка, Ромка до тридцати лет так ни разу и не влюбил-

ся.

Не поверите. Пока вновь не встретил Аську, которая к тому времени дважды побывала замужем и столько же раз развелась.

Ромка, однако, был лучшим из всех. Она всегда это знала. Только ей было жутко стыдно за тот нелепый день.

В мечтах она любила его даже тогда, когда спала со своими мужьями.

И дело было совсем не в сексе. Это была настоящая любовь, хотя началась довольно нелепо.

Медовый месяц длился у них больше года. А счастливая семейная жизнь длится до сих пор.

В плену у случайностей

На календаре осень, октябрь, а уже снег по колени и мороз ниже двадцати градусов.

Для Заполярья такое не внове, но всё равно несколько неожиданно. Куропаткам и зайцам в тундре не спрятаться – летние наряды не успели сменить, Люди хитрее и практичнее.

Самое время охотиться начинать. Лыжи в сарае застоялись, ноги готовы в пляс пуститься. По снегу катить совсем не то же самое, что на болоте грязь месить. Можно за выходные за сотни километров на дальние заимки сбегать.

Соскучился Генка Спиринов по снежным просторам, застоялся. Настроение от предвкушения охотничьих приключений резко пошло в гору.

В пятницу в ночь, сразу после занятий в техникуме, решил выходить в тундру. Первый раз, можно сказать в этом сезоне – разведка.

Парень не любил компании, танцульки, шумные сборища. Душа настоятельно просила живых впечатлений, кото-

рые доступны лишь там, в бескрайнем тундровом просторе, который совсем не так пуст и безмолвен, как представляется непосвящённым.

Почти не могло возникнуть причин, чтобы остановить его. Однако его неудержимому устремлению не суждено было в этот раз сбыться. Помешал неистовый, накрывший сплошным покрывалом небо и землю снегопад.

В такую непогоду легко затеряться даже рядом с домом, а ведь ориентиры, метки, по которым запоминается зимой путь, ещё не вполне определились. Сначала природа должна прийти в равновесие.

Пришлось ехать с детворой в воинскую часть, где в выходные для семей офицеров крутили фильмы. Можно было заниматься сколько угодно на спортивных снарядах, читать книги в библиотеке. На охоте, конечно, интереснее, но выбирать не приходится.

Совсем недавно в городке поселилась новая офицерская семья, состоящая из трёх человек: две девушки и мужчина. Обе девушки выглядели дочками. Во всяком случае, старшей, стройной сероглазой брюнетке с вкрадчивыми женственными движениями, почти кошачьими, было никак не более двадцати лет.

Обе девчонки хохотушки, легки и просты в общении.

В клубе они сначала держались под руки, позднее разделились.

Вера Петровна, она так всем женщинам представилась, отправилась в кампанию к жёнам офицеров.

Леночка, несмотря на то, что одета была в коротенькое платьице, как и все дети устремилась на турники, брусья и кольца, нисколько не стесняясь того, что при занятии на снарядах у неё задирается подол.

Не думала, что в части предусмотрены такие увеселения.

Она увлечённо крутилась на снарядах, бегала, бесстыдно выставляя на всеобщее обозрение белые в красный горох трусики, чего абсолютно не стеснялась. Видимо чувствовала себя ребёнком, хотя внешне не выглядела даже подростком: попа её и грудь выдавались рельефно, вызывая толки и пересуды у женщин.

Поведение девочки никак не соответствовало внешнему виду. Она запросто крутила на кольцах и брусьях гимнастические упражнения довольно сложного уровня, вызывая у

зрителей непристойные шутки.

Генке шёл двадцатый год. Никогда прежде с девочками он не общался, Это его не привлекало. Он не реагировал на их изумительные прелести, обращая пристальное внимание на другие раздражители. Например, на удочки, ружья. Интересовался природой, биологией. фотографией.

Изредка, невольно участвуя в разговорах мальчишек, он обычно краснел, если тема диспута касалась отношений с противоположным полом.

Мальчишки любят приврать относительно любовных побед.

Генка старался незаметно ретироваться.

Отвести взгляд от Леночки никак у него не получалось. Что-то в ней было не совсем так. Присутствовала, притягивала невольно взгляд некая приманка, которую он не замечал или не мог определить.

Генка не мог понять, что не так. Ему хотелось на неё смотреть. И не просто так. Взгляд невольно цеплялся за вибрирующие в прыжках дерзкие тугие груди, бесстыдно откляченные в наклонах ягодицы. И эти чёртовы трусики. Отчего-то хотелось смотреть на них вновь и вновь.

Иногда он ловил себя на том, что с нетерпением и крайним любопытством ожидает, когда она задерёт ноги, начнёт переворачиваться на брусках, чтобы заглянуть под подол. У него даже шея и руки затекали от напряжения в ожидании этого момента.

Девушка, казалось, ничего не замечает. Лицо её, весьма миловидное и привлекательное, по форме напоминало тарелочку. Оно было кругленькое, белое, румяное, с довольно правильными чертами и пронизательными миловидными глазками тёмно-серого цвета, в которых присутствовали хитринка и некая загадочность.

Хотя, возможно он всё это выдумал сам. Наверно такое сегодня было настроение. Расстроился, что пропали такие прекрасные деньки, которые теперь приходится проводить бездарно и скучно.

Несмотря на невысокий рост и широкие бёдра девушка выглядела стройной, миловидной. Каждое движение и жест выдавали в ней непритворное, естественное оживление, изящество, искренность, лёгкость движений и природную простоту.

Леночка явно наслаждалась свободой движений, не испы-

тывая дискомфорта от повышенного внимания к себе.

Внешний вид её свидетельствовал о том, что это вполне сформировавшаяся девушка, а поведение указывало на обыкновенную девчонку в возрасте кукольных игр.

Яркое несоответствие бросалось в глаза: выразительные округлости тела, колышущаяся от каждого движения грудь, взрослый осмысленный взгляд и детская, не вполне разумная для её возраста манера себя вести.

Но именно это привлекло к ней внимание Генки.

Жёны офицеров шептались о чём-то, на ушко спрашивали Веру Петровну, которая оказалась не дочкой, а женой майора Тюрина, а Леночка – её падчерицей.

Неожиданно. Ведь они почти ровесницы.

Но женщину это нисколько не смущало. Похоже, она привыкла к роли жены офицера, мачехи и отлично с ней справлялась.

Поведение девушки её тоже не настораживало и нисколько не шокировало. Ребёнок – что с неё возьмёшь. Такое время: физическое развитие опережает духовное и умственное.

Тем временем необычный, довольно привлекательный на мужской взгляд ребёнок вызвал крайний, весьма определённого свойства интерес в среде военных, в особенности из числа рядового состава.

То и дело кто-то из солдат и офицеров появлялся в спортивном зале, заинтересованно смотрел на не совсем уместное для воинского подразделения представление, нервно, весьма похотливо пуская слюни.

Генкин рот тоже не закрывался, отнюдь не от удивления. Им целиком и полностью овладели любопытство и чувственность.

Прежде он не замечал за собой подобного пристрастия, всегда относился к девчонкам равнодушно. Как к друзьям женского пола.

Юноша впал в задумчивый ступор, размышляя совсем не о неудавшемся походе в тундру, скорее наоборот, ему было приятно наблюдать за странной проказницей.

Мысленно он даже танцевал с Леночкой, представляя в уме, как гладит её по волосам. Это не вполне привычное ощущение, но фантазию невозможно было остановить, она

жила по своим правилам.

Его шаловливые руки в виртуальном режиме ласкали потешно прыгающие, заманчиво выступающие из тесно свитера выразительные отличия мальчиков от девочек.

Генке стало не по себе. Его знобило от всех этих воображаемых причуд, совершенно ненужных и вообще чуждых его миропониманию.

На лбу невольно выступили капельки пота, живот дрожал от непривычного напряжения. По телу в свободном режиме разгуливали незнакомые возбуждающие энергии, осязаемо напрягая эмоции, да и сердце вело себя не совсем обычно.

Состояние его было слегка похоже на внезапный испуг, словно неожиданно провалился зимой в медвежью берлогу.

Парень догадывался о причине такого искажённого восприятия действительности, но не мог понять, почему именно с ним такое происходит.

Почему тело и мозг не желают подчиняться, заставляя становиться кем-то другим, отличным от него же в обычной обстановке?

Голова медленно шла кругом, напоминая болтанку на лодке в шторм, только без тошноты. Кроме этого возникло ощущение непонятной, совсем ненужной эйфории, нелепого, совсем неуместного блаженства.

Все его желания сосредоточились в одной единственной точке, замкнувшейся на странно, но весьма соблазнительно выглядящей девочке, поступающей довольно непристойно.

Именно такое неожиданное, не по возрасту поведение и приковывало внимание, заставляя подглядывать, краснея при этом, но одновременно млея от незнакомой сладости.

Уж не подхватил ли он какое-либо экзотическое северное лихо, изменяющее рассудок?

Нарезвившись вволю, девочка направилась в сторону Генки, возможно потому, что он был самый старший из детей офицеров.

Юноша напрягся, моля о том, чтобы Лена передумала. С какой стати он ей понадобился? Не хватало ещё знакомиться. Девчонки назойливы и болтливы. Привяжется – не отстанет. Одно дело наблюдать со стороны, совсем другое, делать вид, что тебе с ней интересно.

У него другие пристрастия. Дружба, тем более с девчонками, не входила в его планы. Начинается сезон охоты, самое любимое время, когда каждый день наполнен впечатлениями и смыслом.

Кто хоть раз испытал настоящее опьянение, головокружительный экстаз от соперничества охотника и дичи, требующее напряжения всех сил, эмоционального и физического подъёма, тот моментально попадает в зависимость от этого блаженного состояния.

Охота, говорят, пуще неволи. Не так важно добыть дичь, как испытывать чувство азарта, переполняющее изнутри избытком энергии, словно получаешь долгожданный, очень желанный приз, ощущение возбуждения и восторга от которого может храниться в сознании довольно долго, иногда до следующей охоты, как само соперничество.

Однако сейчас ему было не до предвкушения сладостных перспектив от охотничьей одержимости. Лена скорым подпрыгивающим шагом направилась именно к нему.

Принесла нелёгкая, с раздражением подумал юноша. Нет, только не это. О чём с ней разговаривать?

Куда лучше наблюдать за девочкой со стороны, сладко

грезить, имея дело не с человеком, а с соблазнительной чувственной иллюзией, представляя пылкую страсть в воображении, чем иметь дело с реальной девицей, от которой неизвестно чего можно ожидать.

– Я знаю, ты Гена. А меня Лена зовут. Почему сидишь? Считаешь себя слишком взрослым для подобных игр? А я люблю побеситься. Никак не могу привыкнуть, что стала девушкой. У меня какое-то раздвоение. Видел мою мачеху? Я её Верочка зову. Мы подружки. Представляешь, какая глупая ситуация? Моя подружка, она же мачеха. Ей двадцать один год, мне пятнадцать. Раз она моя подружка, значит, и я тоже выросла, согласен? Но я этого не чувствую. Только иногда испытываю неясное томление, но это неважно. С ума сойти: я над папашей своим чумею. Додуматься нужно, чтобы жену удочерить. Или на дочке жениться. Да ну его! А если в следующий раз ему захочется жену из детского сада взять? Между прочим, он её дома, как и меня, дочкой называет. Бред какой-то. Мамаша моя, настоящая, которая родила, певичка. Родила и бросила. Сначала временно, как бы из-за гастролей, потом договорилась с папаней, чтобы развод оформил. Расписку ему написала, что отказывается от меня, словно я вещь какая. Читала эту диковинную бумагу. Я своих детей никогда не брошу. А ты?

– Что, я? Дети, они и есть дети. Зачем рожать, если они

не нужны?

– И я о том же. Ладно, я на неё не обижаюсь. Шоу-бизнес, они там все немного долбанутые, повёрнутые на популярность, на рейтинге. Можно я в кино с тобой рядом сидеть буду? Целоваться умеешь, по-настоящему?

Леночка подошла ближе, задрала подол, показала рану на ноге, – смотри какая царапина глубокая. Приземлилась неудачно. Больно очень. Подуешь, Ген?

– Заняться мне больше нечем! Сама дуй. Ещё бы трусы сняла. Если у тебя других вопросов нет, я пойду.

– Эй, пацан, ты чего, я же тут никого не знаю? Подумаешь, недотрога. Я бы тебе запросто подула. Ты давно школу закончил? Поняла, да ты ещё ни разу не влюблялся. Совсем ку-ку? Маменькин сыночек! Наповал убил, мру над тобой. Верка, вон, ровесница тебе, уже мачеха... и жена, а ты ни разу не целовался? Умора, держите меня десять человек. Придётся над тобой шефство взять. Сегодня же научу.

– Сама научись. Тоже мне, учительница нашлась. Подрасти малёхо.

– А ты проверь, учительница или нет. Обзывать всякий

дурак может. Докажи, что не маменькин сыночек, что не ребёночек.

– И докажу. Только не тебе. Мала больно про поцелуи рассуждать. Сопли сперва вытри. Кто из нас дитё – ещё посмотреть нужно. На брусьях крутилась, голый зад всем показывала, передо мной подол задираешь. Очень по-взрослому.

– Ах, вот в чём дело, не тебе одному показала, всем? Хочешь, чтобы трусы сняла? А в обморок не упадёшь? Это что, ревность? Скажи честно, я тебе по-настоящему понравилась? Правда, я хорошенькая? Ладно, не красней. Можешь не отвечать – без тебя знаю. Я твоей маме ничего не скажу. Ты же настоящий мужчина. Наверно ревнуешь.

– Было бы кого ревновать. И с язычком аккуратнее, прищемить могут ненароком.

– Будет тебе, Генка воевать со мной. Так и скажи – понравилась, я пойму. Хочешь, я твоей девушкой буду? Больше ничьей. Мамой клянусь. Нет, мачехой. Тьфу, короче, папой. Я женщина верная. Ты мне веришь?

– Ха-ха, не смейся. Женщина она! Надо же такое придумать? Дитё неразумное, вот ты кто.

– Ну, неправильно выразилась, что с того? Конечно, девушка. Но, всё равно женщина, не мужчина же. Ты мне так и не ответил.

– Не нужна мне ни девушка, ни женщина. Никто мне не нужен. Я сам по себе. А целоваться без тебя научусь. Когда сам захочу.

– Ну и глупый. Хотела как лучше. Ты, например, мне понравился, я и не скрываю. Только десять раз предлагать не буду, у меня тоже гордость есть. Подумаешь – свободу боится потерять. Потом локти кусать будешь. А я всё равно с тобой рядом сяду.

– Сиди, кто тебе не даёт, места не куплены. Только не приставай.

– Даже не обнимешь? Умора. Девчонок боишься? Хотя бы разговаривать с тобой можно?

– О чём? Сюси-пуси? Любовь-морковь?

– Почему бы нет? С огромным удовольствием влюбилась бы. В тебя, например.

Лена сжала губки бантиком, демонстративно погладила себя по груди, выставив её вперёд – ужас, как хочется пого-

ворить с настоящим мужчиной, который за тебя в огонь и в воду. Тебя же никто не просит сразу влюбляться. Чего отказываться? Мы же, девчонки, существа совсем с другой планеты. С нами, знаешь, как интересно?

– Ты меня достала, пигалица. Интересно – не интересно! Какое тебе дело, о чём я думаю, чего хочу? Проваливай. Устал от тебя.

– Грубиян неотёсанный. Разве можно так с девушками? Вот сейчас я проверю, какой ты мужчина. Геночка, милый, как я хочу от тебя маленькую дочку. Я так тебя люблю.

– Книжек начиталась, вздор несёшь, дурью маешься. Чего ты в это понимаешь? Я, например, на охоту хочу. Это абсолютно нормально, а думать о детях в пятнадцать лет – смешно и нелепо. И ещё хочу, чтобы ты навсегда от меня отстала.

– Лучше возьми меня с собой на охоту. Устанешь, замёрзнешь, а я отопрею, поесть стготовлю. Я умею. Сам целоваться захочешь. Как миленький. Хочешь сказать, я тебе совсем-совсем не нравлюсь?

– Может и нравишься. Только это не имеет никакого значения. Мне не до любви сейчас.

– Глупости. Чем же ты таким важным занят? Просто ни

разу не пробовал влюбляться. Только и всего. Это так здорово.

– Чего именно здорово?

– Сам сказал, что я тебе понравилась. Сказал? Я тебя за язык не тянула. Теперь давай выясним, что именно понравилось? Глаза у меня красивые? Красивые. Брови тоже. Про причёску уже не говорю. Сама от неё балдею. Мачеха постаралась. А ноги?

Генка утвердительно покачал головой.

– Ну, вот. А грудь? У кого ты ещё такую видел?

– Я вообще ничего не видел, тем более грудь. Больно надо.

– Ой, да ладно! А губы у меня, между прочим, вообще чудо: чувственные, яркие, пухлые. Если тебе пирожное понравилось, что ты с ним делаешь? Съедаешь. Но сначала лизнёшь, чтобы вкус распробовать. Можешь поверить, губы гораздо вкуснее пирожного. Убедила?

– Скорее запутала. С какого перепуга я тебя лизать буду?

– Опять двадцать пять. Не попробуешь – так никогда и не узнаешь, зачем люди целуются. Поверь, это очень вкус-

но. Мне Верочка, знаешь, сколько про поцелуи рассказывала. Уж она-то толк знает.

– А если я не люблю пирожное? И вообще кроме охоты ничего не люблю.

– Представь, что у меня во рту шоколад. Или клубника. Чего-то ты всё равно любишь.

– Пошли лучше кино смотреть, устал я от тебя. Шоколадку я тебе так и быть куплю, чтобы отстала.

– Одно другому не мешает. Можно и кино смотреть, и шоколад есть, и целоваться.

– Я подумаю. Только потом. Не сегодня. Когда подрастёшь.

– О чём ты думать собрался, горе луковое? С тобой, Геночка, кашу не сваришь. Чувствую, намучаюсь я с таким непонятливым любовничком.

– С кем? С каким таким любовником? Не морочь мне голову.

– Поцелуешь разочек – сам поймёшь. Не хочешь, не надо.

Подумаешь! Можно подумать, кроме тебя мальчишек нет. Только свистни.

Лишь только в зале выключили свет, а сели ребята на самые задние места, девочка наклонила к Генке на плечо свою головку, обхватила его рукой за плечо, пальчиками нежно провела по раскрытой ладони. У парня всё изнутри зашло.

Минут через десять их губы слились в первом робком поцелуе, что случилось совсем неожиданно, словно притянуло гигантским магнитом, в почти невесомом прикосновении.

Похоже, это была кнопка старта.

Дальнейшее происходило в полной темноте: юноша просто боялся открыть глаза, опасаясь, что галлюцинация исчезнет, забрав с собой новые ощущения, равные которым никогда прежде не приходилось испытывать.

Губы девушки оказались не просто сладкими – невыносимо, нереально вкусными. Куда там мороженому и шоколаду. От них невозможно было оторваться.

Душистый запах волос, аромат её возбуждённого дыхания, звук обоюдного биения сердец, тугая упругость груди, притягивающей, словно магнит, прелесть трогательных при-

косновений, от которых щемит в груди, закипает кровь, превращая в восторг целиком всё тело. Это и многое другое, чего невозможно описать словами, вскружило голову, вызвало опьянение, сходное с потерей рассудка.

Изредка, на несколько мгновений, к Генке возвращалось сознание, настолько, что он мог рассуждать. Тогда он клял себя за тупость и небывалое упрямство, которые могли лишить этого блаженства.

Как он был благодарен девочке за её настойчивость и смелость, выразить словами невозможно.

Лена поразила Генку в самое сердце, сделав поистине невозможное – вызвала к жизни дремавшее до поры состояние влюблённости.

Ребята настолько забылись, что выдали себя нечаянными чмокающими звуками с головой. На них уже оборачивались. Однако прекратить упоительное действие было невозможно. Они впивались в воспалённые поцелуями губы, пили изо рта сладкий нектар, проникая всё глубже в суть происходящего.

Для Леночки поцелуи тоже случились впервые. Генка понял это почти сразу по её неумелым движениям, столь же неловким, как и у него. Это не просто обрадовало – окрылило.

У девушки была неплохая учительница – мачеха-подруж-

ка, которая запросто рассказывала обо всём, чему научилась сама, разогревая преждевременно чувственность девочки до температуры кипения. Оттого и невиданная смелость, заставившая добиваться Генкиной взаимности.

Почему Леночка выбрала для первого чувственного опыта именно Генку, она и сама не сумела бы ответить. Видимо то, какими глазами он смотрел, пока девушка резвилась с малышнёй, лукаво возбуждая его чувственность, интуитивно подсказало, что парень созрел для отношений.

Репутация родителей, его личное поведение, мнение о нём мальчишек и девчонок из гарнизона, всё говорило о надёжности и порядочности, большего ей не требовалось. В таком возрасте никто не думает о последствиях, не загадывает наперёд.

Леночку манила неизведанная тайна, обещающая, если не клад, то весьма приятный сюрприз. Во всяком случае, Верочка Петровна каждый раз закатывала глазки, светлела лицом, во взгляде у неё появлялась чертовщинка с искоркой и блуждала блаженная улыбка, когда она рассказывала девушке о том, что мужчина, это... это, понимаешь – мужчина. Словами, мол, выразить невозможно. Необходимо пробовать.

Мачеха каждый раз порывалась продолжить рассказ, доводя им себя же до невменяемого состояния, почти до пика сладострастия, томно произнося, – когда мужчина окончательно разожжёт своё и своей любимой женщины воображение, разбудит чувственность, почувствует непреодолимое желание и войдёт...

На этом месте она принималась стонать и замолкала. На её лоб выступала прозрачными капельками испарина, лицо и грудь покрывались малиновой спелостью с вкраплением белых пятен, руки начинали мелко дрожать, дыхание сбиваться.

– Леночка, подруженька, будь добра, сходи, погуляй. Это недолго. Что-то мне нездоровится. Сейчас приму таблеточку, полежу немного, мне станет легче.

Леночка тихонечко подбиралась к закрытой двери, прислушивалась. Казалось, там ничего не происходит. Немного погодя мачеха выходила из комнаты умиротворённая, добрая, с неизменной лукавой улыбкой, направлялась в ванную, где долго плескалась в горячей ароматной воде.

Девушка догадывалась, чем занимается мачеха, саму сколько раз накрывало после её откровенных признаний, после чего приходилось успокаиваться при помощи пальчиков, но точно не знала, что именно вводило мачеху в нирвану.

Леночка сколько раз хитрыми вопросами выведывала детали интимных встреч. Мачеха быстро заводилась, начинала с бесхитростным бесстыдством описывать эротические переживания, выплёскивая наружу закипающие моментально эмоции возбуждения. Но неизменно замолкала на самом интересном.

Она увлечённо перечисляла порядок соблазнения, предварительные ласки, слова, которые особенно сильно заводят женщину. Особенно детально описывала запахи, впечатления, выдавая порой маленькие интимные тайны их с отцом отношений, даже описывала, как именно и где папочка ласкает и гладит, доводила повествование до посещения пещеры грёз и замолкала, шумно дыша, оглядываясь по сторонам, видимо вспоминала, что беседует с падчерицей.

Конечно, всего того, о чём поведала старшая подружка, испытать им с Генкой не пришлось, но даже малой толики тех волшебных ощущений хватило, чтобы надолго с головой погрузиться в пучину грёз.

Мачеха не обманула. Впечатления были поистине сказочными. Жаль, что невозможно испробовать сразу всё. Впрочем, Леночка не была уверена, что действительно хочет взрослого продолжения. Она ещё не насытилась теми впе-

чатлениями, которые удалось сорвать от вполне целомудренной близости с Геной.

Девушка вспоминала, о чём рассказывала Вера, сверялась с её рассказами, стараясь ничего не упустить. Как истинный гурман, девочка смаковала вкусы, запахи и звуки. Малейшие нюансы чувственных переживаний, ассоциации, желания, мысли – всё было очаровательно.

Она старалась запомнить весь букет ощущений, даже послекусие, возникающее вследствие каждой новой ласки. Острота восприятия зашкаливала. Всей гамме чувств невозможно было даже название придумать.

Фильм закончился, в зале включили свет. Все с немалым любопытством смотрели на них. Генка чувствовал себя так, словно девчонки застали его в туалете голым со спущенными штанами. Он был готов провалиться сквозь землю от стыда.

Леночка же повела себя как женщина, знающая себе цену. Презрительно окинув взглядом непрошенных зрителей, девушка гордо подняла голову, выпрямила спину, взяла Гену под ручку и сказала, – чего застыл, пошли, фильм кончился. Надеюсь, ты меня проводишь, – и демонстративно чмокнула его в щёку.

Народ повалил на выход. На улице было свежо, всё ещё валил снег: пушистый, сверкающий в лучах серебристыми искрами.

Автобус был разогрет. Ехали молча. Лишь Вера Петровна изредка бросала на падчерицу загадочные взгляды.

У Генки тряслись поджилки, лицо горело ярким пламенем, в голове медленно проворачивались сухие опилки, вызывая неприятный зуд. Емго мучила невыносимая жажда. Ещё больше хотелось исчезнуть. Ведь завтра каждый сопляк в гарнизоне будет считать своим долгом крикнуть – тили-ти-ли тесто или что-то вроде того.

Смотреть в глаза Леночке он отчего-то тоже стеснялся, словно то, что он сделал, было надругательством, безнравственным преступлением, подлостью.

Зато у девушки было совсем другое настроение и иное представление о первом в жизни свидании. У неё словно крылья отрасли. Они ещё не совсем оперились, но уже зудели, и чесались, ожидая волшебной минуты, когда можно будет взлететь.

– Ты мне так и не ответил, хочешь, чтобы я стала твоей девушкой?

– Извини, Лена, можно я подумаю?

– Чего ты сказал – подумаешь? Генка, ты что – недоумок? Мы же целовались! Как настоящие влюблённые. Как взрослые. И после этого... ты меня всё равно не любишь?

– Люблю.

Генка оторопел от сорвавшегося вдруг слова, которое представлялось постыдным, – но это, это так неожиданно, и совсем некстати. Ты ещё маленькая, совсем маленькая. Это неправильно.

– Целоваться не маленькая, а любимой быть – ещё не выросла? Посмотрите на этого субчика. Я, я не знаю, что сейчас готова с тобой сделать! Ну и живи сам с собой. Не больно и нужно. Тоже мне, герой-любовник. Ты целоваться-то, как следует, не умеешь, обслюнявил. Не подходи ко мне больше. Никогда! Слышишь!

Леночка расплакалась. Генка в растерянности, не зная, что предпринять, принялся слизывать с её щёк слёзы, целовать в нос, глаза, гладить девочку по голове.

– Ненормальный. Ты же совершеннолетний, почти мужчина, можешь сам решения принимать. Всё ещё боишься, переживаешь, что скажет маменька? Вдруг отругает, по поп-

ке отшлёпает? Зачем я только, дура ненормальная, в тебя влюбилась? Знала бы, что ты такой пентюх... что мне теперь делать: повеситься, вены порезать, уксусной эссенции напиться?

– Мы же просто поцеловались. Что в этом такого?

– Я для тебя ничего не значу, так получается? А если у меня ни с кем никогда такого не было, тогда как? Я же по любви!

– Ладно-ладно. Хочешь быть моей девушкой – будь. Я согласен.

– Посмотрите на него – одолжение делает. Без любви что ли? А завтра в другую девочку влюбишься и до свидания?

– Нет, не влюблюсь. Я тебя... ну, не то, чтобы по-настоящему... что ты, на самом деле, как маленькая? Откуда мне знать, люблю – не люблю? Как смогу, так и буду.

Леночка обхватила Генку, заплакав ещё громче.

– Мой, мой Геночка, как же я тебя люблю, милый!

– Если я теперь твоя девушка, значит, сейчас пойдём ко

мне, чаем напою. Должна же я за тобой ухаживать?

– Там же эта, Вера Петровна, мачеха. Что она подумает?

– Я же не лезу в их жизнь, пусть и они не вмешиваются в мою. У них любовь и у нас тоже. Посмотрел бы ты, что они в постели вытворяют.

– Ты что, подглядываешь?

– Совсем немножко. Должна же я знать, чем они там занимаются.

– Узнала? Ну и как – не стыдно?

– Немножко. Они голые – такие смешные. Нам с тобой такого срама не нужно.

– Ленка, какая же ты ещё маленькая, совсем глупышка.

– Кто бы говорил. Не меня – я тебя целоваться научила.

– Ты, конечно, ты, кто же ещё? Моя девушка – самая-самая храбрая на свете. Стою сейчас и думаю, а если бы я тебя не встретил? И что тогда – вся жизнь насмарку?

